

Владимир МАЛЯГИН

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ
ПЕТРА
ПЕТРОВИЧА,**

**рассказанные им
самим и записанные
Владимиром
Малягиным**

Москва, 2016

Оглавление

- Предисловие
1. Петр Петрович принимает решение
 2. Петр Петрович выбирает дом
 3. Свечкины теряют прописку
 4. Свечкины прыгают в прорубь
 5. Местные жители
 6. Характеры
 7. Геометрия Лобачевского и страна Подмосковье
(Лирическое заключение монологов местных жителей)
 8. Свечкины и стихия огня
 9. Свечкины и стихия воды
 10. Друг человека Гуля и ее подвиги
 11. Светлое подольское будущее
 12. Светлое подольское будущее.
Выводы
 13. Свечкины и животный мир
 14. Сельская Пасха 1995 года
 15. Столбики
 16. «Но так-то зачем?..»

17. Неохота
18. Выдающаяся кошачья личность
19. Народный артист на грядках
20. Неожиданный друг
21. Смерть как часть бытия
22. Признание
23. Духовник
24. Дети растут...
25. Добрые люди
26. Крестьянские дети
27. Мальчики и девочки
28. Призвание
29. Итоги

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Все счастливые семьи счастливы одинаково»...

Стоп! Что за ахинея? Кто это сказал? Неужели «великий и ужасный» Лев по фамилии Толстой?.. Да видел ли он в своей

жизни хотя бы несколько счастливых семей?! Имел ли возможность сравнить их «одинаковость»?

Это несчастливые семьи действительно все - под одну гребенку: ходят надутые и злые, друг на друга не смотрят, плачут где-то украдкой по углам, кричат и скандалят, не сумев в очередной раз сдержать переполняющие чувства, высказывают друг другу давно, казалось бы, забытые обиды... Ну и где тут непохожесть и особенность? Зло всегда зло, как бы мы его ни принарядили...

А вот счастливые семьи и вправду счастливы каждая по-своему. Потому что нет и не может быть двух одинаковых счастливых семей, а значит, и счастье каждой - уникально! В одной, например,

восемь человек детей, а в другой - и всего-то два престарелых (или, наоборот, молодых!) супруга. А в третьей - и вовсе одна сияющая нездешним внутренним светом старушка-молитвенница, поминающая утром и вечером десятки, а то и сотни любимых людей, живых и усопших...

Нет, нельзя нам принимать на веру чужие мысли. Даже если это мысли классика. А особенно - такого классика, который к старости настолько потерял чувство реальности, что написал «евангелие от Толстого»... Собственно, для чего нам ум-то дан? Да для того, чтобы думать! А повторять за другими могут, как известно, и попугай.

Но это всё, что называется, кстати. Пора и к делу.

=====

Подступаясь к этой книжке (а подступался я к ней довольно долго, так как глубинный смысл ее не сразу стал для меня очевидным), я нет-нет, да и вспоминал парадоксальную мысль одного нашего гениального отечественного поэта. Поэт этот всего лишь чуть-чуть не успел стать великим. И не успел только потому, что в двадцать семь лет, мальчишкой по нынешним временам, был застрелен на дуэли своим армейским то ли многолетним товарищем, то ли подловатым завистником и соперником. (А скорее всего, в убийце совмещались обе эти грани: можно ведь одновременно быть и многолетним товарищем, и исполненным ненависти завистником. Мы знаем это из романов другого русского

гения, который, в отличие от первого, успел-таки стать великим.)

А звучит эта странная мысль нашего молодого, не дожившего свою жизнь гения примерно так: История души человеческой, хотя бы и самой мелкой души, едва ли не интереснее и не полезнее истории целого народа, особенно если она – плод размышлений ума зрелого.

Нет, каково? История какой-нибудь мелкой душонки какого-нибудь провинциального ничтожества интересней истории целого народа? Не бред ли?.. Но всё дело в авторской оговорке, ставящей вещи на свои места: чтобы эта история стало важной и полезной, она должна быть плодом размышлений зрелого ума. Дело, стало быть, не в объекте, а в субъекте истории.

Но какое отношение имеет эта цитата к нашей повести? Я хочу, чтобы меня понимали правильно: я вовсе не стал бы утверждать, что мой герой, о котором я собираюсь рассказывать, – человек мелкой души. Нет, конечно! У него даже и идеи какие-то есть, и мы их постараемся узнать и понять. Просто он – вполне обычный, обыденный человек, невеликий, что называется. Впрочем, с другой стороны, где они, эти великие люди, особенно в последние три-четыре десятилетия? Много мы с вами увидели таких? Или величие их было, в основном, величием нулей?

И потом, как можно определить величие кого-то из нас, не подведя итогов его жизни? Вот-вот, я намекаю именно на последние итоги, а они, как понимает каждый

вменяемый человек, подводятся только последней и окончательной чертой. А поскольку мой герой жив, то итоги его жизни подводить рановато. Ведь чего-то он еще, возможно, не успел, но сделает когда-нибудь. А про что-то пока попросту забыл, но еще может вспомнить. А еще он может совершить что-то такое, о чем сейчас даже не подозревает, но что уже записал в его жизненной книге невидимыми, но крепчайшими чернилами Сам Господь Бог.

Жизнь привычно страшна для нас своей непредсказуемостью. Но этим же, если вдуматься, она и прекрасна. И в этой парадоксальной противоречивости есть, как ни странно, своя прелесть. Ведь даже те из нас, кто больше всего на свете боится высоты, хоть иногда, редко – но так и тянутся

заглянуть в темную пропасть, чтобы испытать странную сладость ужаса и головокружения при виде бездны, разверзающейся у их ног (говорю по собственному опыту)...

=====

Я уже рассказывал, кажется, некоторое время назад, что у меня есть добрый приятель, которого зовут Петр Петрович. Ну, может, и не рассказывал, а только подумал и собирался сказать. У людей так довольно часто случается: подумал о чем-то, собрался кому-то что-то сказать – и кажется, что ты это уже сделал. И порой сердито удивляешься, что твой адресат еще и слыхом не слыхал о твоей гениальной идее.

Но это всё отступления, а мне рано или поздно надо возвращаться в

тему. В общем, зовут моего доброго знакомого Петр Петрович, фамилия Свечкин, да. То ли говорящая фамилия, то ли, наоборот, абсолютно бессмысленная и водевильно-глупая. Не знаю пока, время покажет.

Он, как я уже говорил, не велик и ничем особенным не знаменит, кроме одного. С ним время от времени случаются разные истории. Истории, надо сказать, довольно забавные. А иногда даже удивительные. И порой по-настоящему чудесные. Ну, или почти чудесные (чудо ведь такая спорная категория, которая далеко не у всех вызывает доверие).

Когда мы с ним встречаемся в очередной раз (а встречаемся мы довольно регулярно) и он начинает рассказывать очередную историю –

я слушаю, честно говоря, буквально раскрыв рот. А учитывая, что он человек уже немолодой, мне ровесник, - историй этих с ним за десятилетия жизни произошло довольно много. Учитывая так же, что Петр Петрович Свечкин – настоящий писатель (хотя почти совсем неизвестный широкой публике), истории свои он рассказывает довольно талантливо. Я, конечно, не все их запомнил (кто может всё запомнить?), но кое-что врезалось в память очень выпукло. А кое-что я записал, когда возвращался от Петра Петровича домой.

В какой-то момент, правда, почти все истории его у меня в памяти перепутались (что там за чем шло?), но тогда я специально навестил его с бутылкой хорошего красного вина, и мы расставили все

эти события по порядку. По хронологии. Наметили, что называется, канву прожитого и пережитого.

По этой канве я и буду идти, чтобы знакомить вас с удивительными историями Петра Петровича. А чтобы нам всем было удобнее (и прежде всего - самому Петру Петровичу), повествование я буду вести не от его имени. Что называется, не от первого лица. Я, конечно, уже давно заметил, что к такому прямому повествованию у читателя больше доверия. Это все равно, что слушать очевидца произошедших событий. Но ведь, в сущности, всё должно быть наоборот: может ли человек рассказать о себе всю правду? Да может ли он вообще рассказывать о себе правду? То-то и оно... Я же, как автор, постараюсь соблюсти

объективность и, по мере сил,
честность, рассказывая эту самую
правду.

Но предисловие мое что-то
затянулось (скорей всего – от
вполне понятного страха перед
началом довольно большого и не
ясного в своих результатах
предприятия).

Потому – благословясь переходим к
делу.

Петр Петрович принимает решение

Родом Петр Петрович Свечкин из
Сибири; вырос в крупном областном
городе. С ранней юности потянулся
к искусству, как он его в то время
понимал, а потому пошел учиться
на артиста (это было на Урале). А
потом, после армии (он и в армию

успел сходить в самом начале семидесятых, когда никаких войн в нашей огромной стране еще не было, а из организованной преступности – одна-единственная банды в Ростове-на-Дону с самодельными пистолетами), закончил Литературный институт (это уже в столице), поскольку в какой-то момент решил, что быть писателем – все же как-то посолиднее, чем артистом. (Возможно, сейчас, видя, в каком почете у нас артисты и в каком загоне писатели, жалеет, что ошибся тогда, но никогда не признаётся в этом.)

Во время учебы, как это водилось у нормальных людей в таком возрасте в то время, Петр Петрович влюбился, женился и потому после окончания института остался в Москве.

Потом пошли дети, семейные заботы, добывание жилья и денег на пропитание – и т.д., и т.д...

Материально Петру Петровичу было легче, чем многим другим его коллегам, прозаикам или поэтам, а тем паче критикам: он был по своей литературной специальности драматургом, пьесы его ставились время от времени на сцене (первая даже была поставлена в одном из главных московских театров, и Петр Петрович вкусили несколько мгновений мимолетной, но настоящей славы, но об этом как-нибудь потом) и поэтому в семье набиралось денег даже на кооперативную трехкомнатную квартиру. Не в центре, конечно, а в районе Тушино – ну и что?

И вот – трое детей, любимая красавица-жена (зовут ее, допустим, Анна Ивановна),

трехкомнатная квартира в Москве, а в километре от квартиры – даже гараж. Гараж этот Петр Петрович получил в районном обществе многодетных за то, что оделил все многодетные семьи Тушинского района «Библией для детей», выпущенной издательством, в котором он тогда работал. Время тогда было такое свежее, что люди вдруг массово потянулись к духовному просвещению, к первым проблескам религиозных знаний после семи десятилетий атеистического мрака. Или, по крайней мере, им всерьез показалось, что они к этому духовному просвещению вот-вот потянутся. Просто тогда они еще не предполагали, что духовное просвещение впрямую зависит от духовного труда, а это уже далеко не такая привлекательная материя...

В общем, всё (или почти всё) у этого человека есть (особенно учитывая общую скромность жизни тех лет). Казалось бы, живи да радуйся.

Но русский человек, и это общеизвестно, отличается тем, что в самый неподходящий момент ему вдруг становится и скучно, и грустно, и некому руку подать. И это в то самое время, когда любой другой (не настолько русский) человек именно жил бы да радовался. И тогда этот самый русский человек начинает перманентно задумываться, тосковать глубокой онтологической тоской и хочет хоть что-нибудь как можно скорее (а желательно – немедленно и всё сразу!) изменить в своей жизни.

Впрочем, надо отдать должное

Петру Петровичу и его красавице-жене Анне Ивановне – задумывались они и раньше. А было это так: как только они переехали в новую трехкомнатную квартиру – они тут же стали подумывать о том, чтобы обменять ее на дом где-то в Подмосковье. А в этом доме, под общей крышей, собрать всю семью – родителей, детей (то есть их самих) и внуков, три поколения. В этом замысле была известная доля идеализма (и некоторая доля откровенной глупости), но сам виртуальный образ этого родового гнезда был, конечно, классически красив неземной вековой красотою русской помещичьей мечты.

Но на пути воплощения этого прекрасного образа вдруг встал отец Геннадий.

Да, совсем забыл сказать, что Петр

Петрович и Анна Ивановна были верующими, православными христианами. И даже вполне церковными людьми.

(Тут некоторые из читателей могут сказать: ага, так вот, значит, в чем была идея этого самого Петра Петровича – в его вере! Но в этом я вынужден не согласиться с уважаемыми читателями: вера не имеет никакого отношения к человеческим идеям. Собственно, вера – это даже что-то противоположное идеям, что-то, эти самые идеи отвергающее. Почему так? Да потому, что в вере есть полное, цельное и абсолютно неразделимое ощущение мира. Мира, в котором есть Бог. И поэтому простые слова «Бог есть» никак нельзя назвать идеей. А верой можно и должно.

Но если уж и говорить о какой-то идее Петра Петровича, то одна таковая у него все же имелась с самой юности. А именно – он считал, что в жизни главное – правда. И что именно правда придает всей жизни настоящий смысл и вкус. Вроде как соль придает вкус пище. И за эту правду Петр, еще будучи молодым, был готов бороться. Когда я узнал его ближе, я стал подозревать, что именно эта любовь к правде в конце концов привела его к Высшей Правде, то есть к Богу. И насколько я понял из разговоров с ним, он сам тоже так считал.)

В Церковь Свечкины пришли в самом начале восьмидесятых, и Петр Петрович даже говорил, что и тут не обошлось без чуда. А именно (это с его слов!) его однажды ночью подняло, поставило на молитву и

вообще – призвало как-то поменять жизнь. Что именно подняло и поставило – это мы можем и сами догадаться. А насколько вся эта история соответствует действительности – это знает только сам Петр Петрович. И пусть это так и останется на его совести...

Во всяком случае, вскоре после произошедшего они с женой поехали к знакомому священнику (знакомый священник был только один, зато какой - известный на весь христианский мир автор многих книг о вере!). Поездка эта случилась на Сретение 1982 года, а следом наступил Великий Пост. Первый, в котором Свечкины сознательно и решительно постились (не догадываясь, правда, что Великим постом рыбу все же не каждый день едят).

Словом, года через два Свечкины уже были вполне церковными людьми. Надо сказать, что в ту эпоху люди уж если приходили в Церковь – так приходили, решительно и быстро. Это сейчас можно встретить осторожных христиан, которые десятками лет стоят на пороге церковной жизни и всё остерегаются до конца переступить этот порог. И всё думают, решают, но что-то никак не могут решиться. А тогда человек, поверив, тут же становился церковным: начинал исповедоваться, причащаться и обязательно искал (и находил) себе духовника.

Духовником Свечкиных стал отец Геннадий. Это был замечательный священник, всё из той же когорты начала восьмидесятых: отец Владимир, отец Георгий, отец

Артемий, отец Николай – честные, чистые и самоотверженные люди, пришедшие в Церковь еще тогда, когда этот приход лишал их всякого общественного положения в обезбоженном мире.

Так вот, когда Свечкины впервые пришли к отцу Геннадию за благословением осуществить свою мечту – уехать из Москвы в деревню – он такого благословения не дал. Это было довольно неожиданно, но пришлось смириться. Потом, на протяжении нескольких лет, они еще раза два начинали заговаривать с отцом Геннадием об этом вопросе – но он все так же оставался непреклонным.

Так и жить бы, наверное, Свечкиным в их просторной трехкомнатной квартире, да случилось кое-что в стране, что

сильно изменило все масштабы, устои и перспективы.

А именно – СССР рухнул, преданный и проданный теми, кто должен был его защищать.

Впрочем, что повторять чужую ложь – рухнул не СССР, рухнула историческая Россия, не ценимая и не любимая по-настоящему ни привычно-безбожной властью, ни собственным одураченным народом. Вековая Российская Империя, могучая и самодостаточная и именно потому – так горячо ненавистная нашим вековым закадычным врагам.

А потом... потом начались девяностые. И в октябре 93-го Анна Ивановна из своего Тушина услышала, как палили танки по людям, засевшим в Доме Верховного Совета. А она была одна

в квартире с тремя маленькими детьми (Петр Петрович в это время закупал картошку для редакции журнала, в котором тогда работал). И вдруг она поняла, что дальше может начаться что-то и пострашнее. И что она тогда будет с тремя детьми делать?..

В общем, когда она через несколько дней увидела в подъезде объявление: «Меняю дом в Подмосковье на вашу квартиру», она сорвала бумажку с номером телефона и вечером показала ее мужу. Она больше не хотела жить в Москве, в той тьме, в том нравственном мраке, который опустился в те дни на столицу, да и на всю Россию. В этот раз отец Геннадий не противоречил и дал свое благословение. Час, видимо, пробил...

И хотя я назвал эту главку «Петр Петрович принимает решение», правильнее было бы сказать, что решение это принял Тот, Кто принимает все решения в этом мире. А Свечкины и отец Геннадий просто не противились. Впрочем, можно ведь и сказать, что решение принимали именно люди, а не противился Тот, Кто на любое наше решение ставит Свою печать. Но это уже как кому ближе и понятнее.

Итак, решение было принято, утверждено и теперь...

А теперь надо было выбирать дом.

Петр Петрович выбирает дом

Свечкины прекрасно понимали, что выбрать дом в их ситуации – это вам не фунт изюма съесть.

Дом... Ведь это - то место, где ты потом будешь жить со своей семьей долгие годы. И в котором твоей семье должно быть тепло, уютно, безопасно, наконец. Ну и красиво по возможности. Поэтому они подходили к делу выбора дома ответственно и даже с некоторым трепетом, который легко можно понять, если поставить себя на их место.

В первой половине девяностых интернета, такого как сейчас - всеобщего, доступного, знающего буквально обо всем и нахально обо всем врущего - в нашей стране еще не было. Это сейчас через интернет можно продать и купить всё, от колготок до автомобиля. А тогда, чтобы найти интересующую тебя вещь (особенно такую грандиозную как дом!), надо было ежедневно покупать газеты с объявлениями - и

ежедневно погружаться в бесконечные телефонные переговоры и уточнения.

Но переговоры переговорами, а, в конце концов, старая истина оставалась истиной - лучше один раз увидеть, чем тебе сто раз будут петь дифирамбы по поводу заинтересовавшего тебя объекта недвижимости.

К тому же, время было таким, когда в обществе возобладали долгожданные (во всяком случае, для некоторых) принципы свободы и демократии. То есть, применительно к нашей почве, теперь можно было сколько угодно врать, жульничать, воровать, грабить и окончательно забыть про хрупкую на вид субстанцию по имени «совесть». Каждый теперь должен был быть сам за себя (об

этом говорили как о великом достижении с самых высоких трибун тогдашние государственные люди), и спасение утопающих стало делом рук исключительно этих самых утопающих, поскольку тогдашним государственным людям было совсем не до этих жалких барахтающихся в тине людышек. Похоже, что все они (государственные люди), не читая Ницше, в то же время были стихийными ницшеанцами и с восторгом неофитов исповедовали известный принцип «падающего – толкни»...

У власть имущих во всем этом кажущемся хаосе был, конечно, свой высокий нравственный интерес – свобода и демократия, то есть, говоря по-русски: разворовать и раздать своим и чужим (особенно чужим!) как можно быстрее

огромные, несметные богатства великой еще вчера страны, чтобы кусок от этих богатств достался лично тебе. В мутной воде ловить рыбку большую и маленькую значительно проще, особенно, если в твоих руках не ничтожная удочка с поплавком или глупый спиннинг, а хорошо расставленные тысячекилометровые мелкоячеистые сети, мимо которых не пройдет даже банальная и далеко не всеми уважаемая килька...

В общем, применительно к жизни Свечкиных, надо было самим ездить и смотреть дома, чтобы тебя не обманули.

Свечкины к этому были готовы.

Но поначалу дело как-то не шибко заладилось.

Точнее, оно очень даже активно залаживалось – но только до того момента, когда разговоры должны были превратиться в визуальный, что называется, контакт. Тут почему-то открывались такие обстоятельства, что... Впрочем, по порядку.

Первый дом был километрах в сорока к западу от Москвы. Новопостроенный, в окружении нескольких таких же как он братьев-близнецов. Капитальный, кирпичный, по новому проекту. Столовая и гостиная внизу, четыре спальни наверху. Неплохо после трехкомнатной квартиры.

Но что-то было не так. А что?

Всё объяснилось, когда Петр Петрович захотел заглянуть в гараж (ворота в него размещались в

цокольном этаже дома). Хозяин как-то заерзal, заюлил, глаза его приобрели то ли умоляющее, то ли, наоборот, отчаянное выражение. В общем, оказалось, что в подвале (то есть в гараже) стоит вода. Ну да, уж что есть – то есть... Да тут у всех вода в подвалах – но ничего, люди живут!.. Планировка-то хорошая!..

Второй дом был в городе
Электроугли.

Уже когда Петр Петрович и Анна Ивановна вышли на платформу, они даже замерли: только что прошедший свежий белый снег тут же покрывался черной сажей, падающей из множества труб. И было непонятно, какого же цвета в этом зимнем и снежном городе больше – белого или черного. А когда Свечкины пришли по указанному адресу, они даже

слегка онемели: предлагать эту двухкомнатную халупу на участке в полторы сотки в обмен на трехкомнатную московскую квартиру было даже как-то не то что несерьезно, а не совсем нормально...

И все эти недели и месяцы, пока папа и мама Свекчины искали дом, их дети мечтали о привольной жизни в деревне и рисовали дома в окружении деревьев и кустов, сидя в своей квартире на четырнадцатом этаже. От той поры в семье даже осталась целая стопка детских рисунков с деревенскими домами – может, и не очень красивых, но очень искренних, как это бывает, наверное, только у детей.

...Где территориально располагался третий дом, Петр Петрович забыл. Зато запомнил хорошо, что при

ближайшем рассмотрении по стенам была обнаружена плесень. А плесень в доме, для тех, кто не в курсе, как и в человеке глупость, практически неизлечима. Да к тому же вредна, поскольку постоянно выделяет в воздух какие-то ядовитые вещества, которыми детям уж точно не стоит дышать...

Четвертый дом, на север от Москвы, был ничего себе. Его вполне можно было рассматривать в качестве варианта. Эта формулировка, надо сказать, своей бессмысленностью весьма забавляла Петра Петровича, который, если вы не забыли, был писателем и потому имел некоторое чувство языка.

...Тут я, с разрешения моего героя, сделаю небольшое лирическое отступление как раз по поводу его чувства языка. Был у Петра в

молодости такой случай:
созванивался он как-то со своим
добрый знакомым. А в то время
(конец семидесятых) в ходу было
два крылатых выражения – по злобЕ
и нахожусь в закрутке. То есть
нахожусь в цейтноте, задавлен
суетой и т.д. И вот, разговаривая,
Петр слышит, как он сам, а отнюдь
не его собеседник, он, Петр
Свечкин, студент Литературного
института, произносит такие
буквально слова: «Извини, Сережа,
что обещал позвонить и не
позвонил! Но это не по злобЕ, а от
большой закрутки!..»

Что ответил приятель, Петр
Петрович не помнит. Зато на всю
жизнь запомнил тот холодный пот,
который выступил из всех его пор.
«Боже мой, что за гадость я
произношу!.. Неужели это мой
литературный язык произносит

всерьез такую совершенно
несусветную пошлость?..»

И надо сказать, позднее чувство языка не подводило Петра Петровича уже никогда. И остальные крылатые слова, периодически возникающие из ниоткуда и в никуда же исчезающие, вроде - по жизни, как бы, типа - уже им не использовались. А вами? Я почему спрашиваю: у меня была знакомая, которая на конкретный вопрос собеседника о каком-то очень серьезном деле: «Так да или нет?» ответила буквально: «Ну как бы да...»

...Но вернемся к домам.

Четвертый дом, как я уже говорил, был ничего себе. Не очень новый, но основательный. Не слишком

видный, но просторный и удобный. Стоящий на провинциальной городской улице, но на своих пятнадцати сотках, засаженных вполне подросшим и плодоносящим садом. А ведь Свечкины именно и хотели дом на своей земле!..

К тому же, совсем недавно в дом провели магистральный газ, и это было лишним плюсом (а вернее – отнюдь не лишним, а совершенно необходимым!). В общем, кажется, на этот раз дело ладилось и складывалось.

Свечкины в сопровождении хозяев ходили по участку, рассматривая сад и слушая рассказ по поводу груш и вишен. А по соседнему участку ходил сосед и всё поглядывал на них с каким-то пристальным интересом. Иногда он подходил к забору и пытался

заговорить, но хозяева как-то искусно избегали всякого тесного общения с этим человеком. Да и Свечкиных от этого ограждали.

Хозяин даже намекнул, что сосед у них, знаете ли, не так чтобы совсем нормальный, хотя и не буйный, а, наоборот, абсолютно тихий и мирный (и это понятно: буйный сосед сразу бы понижал рыночную стоимость их недвижимости как товара!).

В общем, в конце визита гости и хозяева обменялись телефонами и договорились созвониться в самое ближайшее время. Хозяева проводили Свечкиных до калитки. Распростились очень душевно, очень. Свечкины в приподнятом настроении прошли один квартал, повернули к станции - и тут из калитки к ним бросился тот самый сумасшедший сосед!

Петр Петрович внутри вздрогнул, но приготовился защищать жену и себя самого. Но сосед вовсе не собирался их душить и даже не бросился кусать. Зато вот что он сказал:

- Я вижу, они вам лапшу вешают...
А у них нет никакого
магистрального газа!.. Они неделю
назад в землю двенадцать баллонов
газовых закопали - и теперь врут
всем, кто приезжает, про
магистральный газ!.. Вы, я вижу,
ребята порядочные, мне вас жалко
стало...

Откуда этот жалостливый человек
узнал о порядочности Свечкиных,
история умалчивает. Она
умалчивает даже и о том, как его
звали. Тем не менее, его
предостережение уберегло их от
большой и весьма не дешевой

ошибки...

=====

Но всё когда-нибудь заканчивается, и хорошее, и плохое.

Закончились и поиски Свечкиными загородного дома. И не потому, что они эти поиски прекратили. То есть они их прекратили, но потому, что дом был наконец найден.

Как это произошло? Да, в результате всего, как-то до обидного просто. Когда они приехали в поселок Рогожино километрах в шестидесяти на юго-запад от кольцевой дороги, пришли по указанному адресу и осмотрели дом и участок, Анна Ивановна сказала мужу: «А вот это то, что нам подходит. Мне нравится.»

Почему она так решила? Трудно

сказать. Дом был, конечно, основательный - кирпичный, двухэтажный. Со всеми центральными коммуникациями - вода, газ, даже центральная канализация как в городе. Дом был новый, построенный всего лет шесть-семь назад, но... Но до чего же он был брошенный... Как будто совсем ненужный своему хозяину.

Впрочем, по сути так и было. Прежний хозяин (назовем его, скажем, Олег Яковлевич) был большим фантазером и прожектором. Начал строить дом, почти достроил и вдруг - понял, что теперь хочет быть фермером! Взял участок в несколько гектаров километрах в десяти от Рогожина и там начал строить новый дом. А с этим что делать? Выход один - ставшую ненужной вещь надо кому-то продавать...

Беспорядок, который царил внутри дома и на участке, был чудовищным. Громадные теплицы для непременных огурцов и помидор вперемежку с какими-то цистернами (оказалось, в этих цистернах хранится несколько тонн комбикорма!), собаки и овцы - вперемежку с курами и гусями. И всё это живое хозяйство кричало, блеяло, пищало и лаяло и требовало внимания хозяина или, на худой конец, хотя бы еды и питья! При этом одно крыльцо как-то подозрительно покосилось и явно собралось падать с накренившихся кирпичных столбиков, а другое крыльцо было застроено парниками с рассадой. Гараж для машины нет, штакетник забора почернел и рассыпается, сарай превращен в хлев, и в нем обитает скотина.

Внутри дом как раз больше

напоминал сарай по своей хронической неухоженности. Рассохшиеся полы, оборванные обои, многолетняя (откуда?) грязь... В общем, ужас! Но это почему-то не испугало Анну Ивановну, а с ней и Петра Петровича.

Почему не испугало? Загадка. Анна Ивановна объясняла позже, что ей просто очень понравилось поле перед домом – и это вполне может быть правдой. Анна Ивановна была художником, а значит, вопрос пейзажа играл в ее восприятии немалую (если не главную) роль. А Петр Петрович вообще ничего не объяснял. Он просто понимал, что если уж решили переезжать из столицы в деревню, если уж прозвонили об этом во все колокола и прокукарекали на всех перекрестках – то куда-то переезжать все равно придется

(хотя бы для того, чтобы не прослыть болтунами), а здесь место вроде симпатичное. А место, где стоит твой дом - это и есть главный критерий выбора, как всем (а особенно дотошным американцам) давно известно.

Ну а то, что в доме и вокруг него надо было делать ремонт сверху донизу и слева направо - так это как раз Свечкиных не останавливало и даже совсем не пугало. «Основа есть, основа хорошая, ремонт за полгода сделаем - а дальше будем жить в свое удовольствие!» - так они тогда говорили всем друзьям и знакомым (в том числе и мне) и, похоже, так и вправду думали. Если бы они знали, что спустя четыре года они только начнут этот самый пресловутый ремонт, только построят первое крыльцо взамен падающего

пизанского, то...

То что же? Если бы знали – то никуда бы не поехали? Не факт, совсем не факт. Маховик переезда уже был запущен и крутился, а маховики, как известно, так просто, пальцем, не останавливаются. А если бы действительно не поехали?.. Передумали и отказались? Так может быть, они ничего не знали именно для того, чтобы всё шло так как идет? Может быть, как раз их незнание и являлось основой их судьбоносного выбора? (Употребляю слово «судьбоносный» без всякой иронии – ведь тут действительно менялась судьба целой семьи!..)

...Но интересна сама по себе эта антиномия (или дихотомия, как там правильно-то?) – «знали-не знали». Неужели мы, люди, всерьез можем

утверждать, что знаем что-то определенное про свое будущее? Да нет, утверждать мы можем что угодно, но вот можем ли в самом деле знать? Знать не то, что будет с нами через год или хотя бы месяц, а что будет всего лишь через день, через час? Мы, конечно, верим, что через день, через месяц, через год с нами будет то-то и то-то. А именно то, что мы запланировали, наметили. Но знаем ли мы это?

Собственно, в истории с переездом Свечкиных (да и в любой другой подобной истории!) как раз и обнажается бесспорная, но отнюдь для человека не очевидная истина: мы не можем не только ничего знать про свое будущее – мы не можем даже знать, есть ли у нас будущее... А Тот, Кто знает о нас всё, почему-то считает неполезным открывать нам наш завтрашний

день. Может быть, потому, что оберегает нашу волю от шока и полного паралича, который мог бы наступить, зная мы то, что с нами произойдет, и может быть – совсем скоро...

Итак, дом выбран. И хоть я снова назвал главу «Петр Петрович выбирает дом», кто в самом-то деле его выбрал? Может, все-таки, Анна Ивановна? А может, даже и не она?..

Впрочем, теперь это уже неважно. Наступает пора сборов.

Свечкины теряют прописку

Как известно всем остроумным людям, один переезд равен двум пожарам или трем наводнениям.

Конечно, на самом деле это всего лишь фраза, и, как любая остроумная фраза, она больше ярка, чем глубока и правдива. Любой пожар или наводнение могут закончиться для любого из нас летальным исходом, а смерть, как мы понимаем, не равна ничему, кроме смерти, то есть – кроме себя самой. Переезд, как правило, обходится без таких крайностей. Но если сравнивать затраченные усилия – физические, психические, моральные – то тут действительно можно порассуждать о том, что труднее.

Пожар или наводнение за несколько часов или минут делают тебя настолько свободным и независимым от всего твоего имущества и от всей твоей прошедшей жизни, что переезд по сравнению с ними – тяжкий,

бесконечно-долгий и почти
бессмысленный труд. Ведь всю свою
предыдущую жизнь ты тащишь за
собой на своих плечах в самом
буквальном смысле. Во всяком
случае - ее материальное,
предметное наполнение, состоящее
из кроватей, шкафов, столов
(пианино не забыть!), книг,
костюмов, платьев, кухонной утвари
- и еще двенадцати тысяч
непонятных вещей, которые тебе
абсолютно не нужны, но которые ты
никак не решаешься вынести к
мусорному баку... В общем, кто
переезжал - тот понимает, о чем я.

...За несколько месяцев до
назначенной даты переезда
московская квартира Свечкиных
превратилась по виду в посыльный
отдел большого почтового
отделения. Главной мебелью стали
упакованные картонные коробки.

Они стояли во всех комнатах рядами, колоннами, штабелями. Между этими штабелями и колоннами протискивались, ставшие маленькими и какими-то жалкими, люди, то есть Свечкины.

Больше всех радовались дети. Видимо, чувствовали, что новая жизнь будет другая, а потому, конечно же, обязательно интересная. Дети вообще любят жизненные перемены безо всяких задних мыслей, без подтекстов. Ведь для них перемены означают именно перемены – и больше ничего! За кадром остаются все родительские трудности, с этими переменами связанные. В том числе и сборы.

Да нет, Санечка, Танечка и Ванечка, конечно, тоже собирали свои вещи. Тем более, что Санечка

и Танечка были уже школьницами (Санечка - это девочка, чтоб читателю было понятно). Поэтому надо было собрать и школьные принадлежности - учебники, тетради, дневники. Ну и конечно, игрушки - кто же обходится без игрушек в этом возрасте!

Ванечке было проще - ему было четыре года, и школьных забот он пока не вкусили. Но игрушек у него было достаточно и потому других забот было не меньше, чем у старших сестер.

Еще по квартире бегала Гуля и тоже собиралась переезжать. Гуле было всего четыре месяца, и она была куплена папой (то есть Петром Петровичем) на птичьем рынке. Куплена она была по двум причинам. Первая причина была в том, что, уезжая в собственный

деревенский дом, нельзя было не иметь собаки для охраны этого дома. Вторая же причина была в том, что эта азиатская овчарка имела такое умное и такое виноватое выражение «лица», что не полюбить ее было нельзя. Что папа моментально и сделал, а потому привез ее домой.

Время от времени веселая Гуля оставляла за собой лужи, но очень быстро привыкала к порядку. Она тоже, как я уже сказал, собиралась переезжать вместе со всеми, но собственных вещей у нее почти никаких не было, и потому она старалась помочь всем остальным. Ночью она подходила к папе, спящему на полу (кровати уже были собраны и увязаны!) и от полноты чувств (а может, ощущая его усталость и потому поддерживая морально) лизала его в лицо...

Но я еще ничего не сказал о том, как восприняли идею Свечкиных родственники, друзья и знакомые. Думаю, пришла пора.

...Хотя нет, стоп. Порассуждаю-ка я для начала о глубинных мотивах самих Свечкиных во всей этой истории.

Прежде всего, как было сказано выше, мотивы были чисто социальные (или правильнее назвать их нравственными?). Общественная атмосфера в новой России была такой, что нормальные люди быстро начали задыхаться в этой удушливой смеси из предательства, воровства и разврата. Порядочный человек (новый порядочный человек!) теперь был обязан уметь несколько принципиально важных вещей: плевать в собственное прошлое и

презрительно называть всё, что было прежде, совком; быть богатым, а лучше очень богатым (то есть уметь воровать и грабить много и, главное, очень быстро) и не заморачиваться насчет всякой дребедени вроде нравственности, верности и тому подобных моральных принципов...

В мире такой порядочности было тяжело выживать просто обычным порядочным людям, ну а верующим, которые уже знают понятия греха и заповедей, правды Божией и Суда - и того тяжелее.

Был еще важный мотив в выборе семьи Свечкиных - медицинский. Дело в том, что маленький Ванечка вдруг, ни с того ни с сего, начал страдать крупами. Круп - это такой приступ, когда ребенок хрипит, задыхается и вообще на ваших

родительских глазах всерьез собирается умереть. И хотя круп, которым страдал Ванечка, назывался ложным – задыхался ребенок вполне по-настоящему, и скорая помощь требовалась тоже настоящая. А когда Анна Ивановна спрашивала у врачей, что теперь делать и чем облегчить детские страдания, почти все врачи советовали ей поменять место жительства на такое, где воздух чист и прозрачен.

Третим мотивом было то, что тяга к земле, к своему дому, на этой земле стоящему, к чему-то традиционному и подлинному у Свечкиных оставалась. Опять же, разве это не красиво – собрать все поколения вместе, организовать жизнь такой, какой она была когда-то, в таком прекрасном, хотя и неведомом нам прошлом...

Был и еще мотив. Во всяком случае, я в этом уверен. Не очень явный, не очень декларируемый, но всё же... Как только Свечкины объявили всем о своем решении (а они сделали это только после того, как выбрали дом) – они тут же оказались в центре всеобщего внимания. Всеобщего, конечно, в определенных рамках и границах. Но уж, во всяком случае, всем родственникам, друзьям и знакомым темы для разговоров теперь хватало на долгие месяцы, если не годы. И темой этой были именно Свечкины – их мужественное (или, наоборот, безрассудное) решение, их прозорливый (или, наоборот, безумный) поступок. Теперь при встрече со знакомыми Свечкины читали в их глазах неподдельный интерес – действительно, часто ли встретишь таких людей, то ли

героев, то ли клинических сумасшедших...

Нет, что ни говори, а людская слава (неважно, на чем основанная!) для каждого из нас значит немало!

Конечно, сами Свечкины на все мои наводящие вопросы такого рода отвечали отрицательно – решительно и даже с возмущением: никакой-де они человеческой славы не искали и ни о чем подобном ни разу не думали! Но что-то было в этой решительности и в этом возмущении подозрительное: и того, и другого было как будто чуть больше, чем это необходимо по обстоятельствам. Как будто они уже были заранее готовы к подобным вопросам и как будто заранее продумывали свои ответы и даже это свое возмущение...

Друзья и знакомые, как я уже

говорил, отнеслись к затеи по-разному.

Главная редакторша одного московского журнала, в котором тогда работал Петр Петрович (назовем ее Ася Филипповна), была просто в восхищении: «Ой, ну какие же молодцы!.. Это же именно то, что сейчас нужно!.. Но, конечно, какие-то проблемы у вас будут... Но вы их, конечно, успешно разрешите...» Спустя несколько месяцев, увольняя Петра Петровича за прогулы и опоздания (поскольку он просто не успевал приехать вовремя из своего Рогожина), Ася Филипповна повторила одну свою фразу, но уже с абсолютно другим выражением: «А я вам сразу сказала, Петр Петрович, что у вас будут проблемы!..» Как всё же много значит в нашей речи, да и во всей нашей жизни, акцент, который

ты ставишь, и выражение, с
которым ты произносишь слова...

Самые близкие друзья приняли
решение Свечкиных с одобрением.
Они и любое их решение приняли
бы с одобрением, поскольку любили
Свечкиных и доверяли им во всём.

Кое-кто из старшего поколения был
недоволен и даже праведно
возмущен: какое они имеют право
тащить своих детей в деревню,
 лишать их настоящей столичной
жизни и столичного образования, а
 со временем – и столичной
карьеры?..

Немало было таких, которые глаза в
глаза одобряли этот переезд, а за
глаза – переглядывались,
посмеивались и крутили пальцем у
виска. Впрочем, так всегда бывает.
У каждого из нас есть знакомые,

которые любят нас совсем не так сильно и доверяют нам совсем не так безусловно, как показывают это. Ну и что? Разве мы сами не поступаем с кем-то из наших знакомых подобным образом?

Родители Петра Петровича и Анны Ивановны (слава Богу, и те, и другие были еще живы!) восприняли новость без особого восторга. С одной стороны, объясняют Свечкины вроде всё правильно, а с другой... Вот, прожили вместе тринадцать лет, родили троих детей, только наладили какой-то быт – и что теперь?..

В общем-то они были недалеки от истины.

Но помимо сборов физических (а точнее, параллельно с ними) шли

еще сборы документальные, юридические. Надо было получить разрешение в органах опеки, которые занимались исключительно защитой прав детей. И там надо было доказать, что условия, в которых теперь будут жить дети, не хуже (а желательно – лучше!), чем те, в которых они жили до сих пор. Надо было заключать договор обмена (или продажи – я не очень в курсе); в общем, на каждую справку, каждое разрешение уходило какое-то время. А на всё вместе – недели и месяцы. Что, в общем-то, вполне понятно, учитывая масштаб события, которое все эти справки сопровождали и обеспечивали.

Но самое яркое впечатление осталось у Анны Ивановны, как это ни странно, от самого простого ЖЭКа. Их ЖЭКа, в котором

Свечкиных должны были выписать из их квартиры.

Паспортистка, которой Анна Ивановна протянула паспорта и сказала, что нужно, просто онемела:

- Как?.. Выписываетесь из Москвы?..
- Ну да, уезжаем.
- Да уезжайте куда хотите, но выписываться-то зачем?..
- Да вы поставьте печать, у нас уже всё решено!
- Да если я вам печать поставлю – вы московскую прописку потеряете! Понимаете вы это или нет?..
- Мы всё понимаем, но мы так решили!..

- Нет! Я вам эту печать не поставлю.
- Как же не поставите? Ведь нам нужно будет там прописываться.
- В деревне?.. Нет, я вас не выпишу!..
- А разве вы имеете право не выписать?
- Женщина, идите к нашему начальнику на второй этаж, пусть он подтвердит своей подписью!..
- Я у него уже была, и вот его подпись! Ставьте печать!..
- Нет!.. Не верю!.. Пусть он сам сюда придет и подтвердит!..

Анна Ивановна сходила на второй этаж и привела начальника.

- Поставьте им печать.
- А это вы подписали?
- Да, это я подписал.
- И что, вот так взять – и выписать?
- Ну раз люди уезжают...
- Так что, я ставлю печать?
- Да ставьте, ставьте!..

Паспортистка ударила печатью по странице паспорта и подняла голову на Анну Ивановну обреченно-торжествующе:

- По-те-ря-ли московскую прописку!..

И она была права.

Но Свечкиным сейчас было не до переживаний паспортисток. Им и

своих переживаний хватало.

Потому что приближался день
переезда.

Свечкины прыгают в прорубь

Если ты приближаешься к проруби,
чтобы прыгнуть в нее, то
приближаться, топтаться на снегу и
морально готовиться ты можешь
как угодно долго, хоть два часа.

Главное ноги не отморозь. (Кто хоть
раз окунался в Крещение, тот
знает, о чем я!) Но прыгать все
равно придется мгновенно, в одну
секунду. И в этом есть свои плюсы.
Как говорится, семь бед – один
ответ. Или пан – или пропал. Или
что-то в этом роде...

День переезда настал.

Почему именно сегодня?

Потому что вовсю шел Великий Пост 1994 года, и уже приближался к своему завершению. Дня через два-три начиналась Страстная Седмица, время особых молитв и особой сосредоточенности. И потому отец Геннадий, духовник Свечкиных, решил: или прямо сейчас - или уж после Светлой.

После Светлой пасхальной недели - это значит еще недели три, а за это время растают и станут непроеzzими для тяжелых грузовиков дороги к новому дому, поскольку они грунтовые. А это значит - ждать потом еще месяц, пока они подсохнут! А все уже смотрят, все уже вопрошают: когда, наконец, вы квартиру-то освободите?..

В общем, сегодня переезд - и точка.

Конечно, Свечкиных не бросили в такой момент их друзья. Человек пять-шесть крепких и самых близких приятелей (вместе с самим хозяином) олицетворяли, что называется, грубую мужскую силу. Впрочем, и всем остальным хватало работы, даже детям.

Количество вещей поражало и угнетало. Вещи заполнили три больших грузовика, не считая мелочи, которую везли на легковушках. Неужели все они, эти вещи, необходимы? Неужели нельзя прожить, по крайней мере, без половины из них? Впрочем, во время погрузки и разгрузки не до этих лирических мыслей.

Разбираться будем потом, а сейчас - бери, неси, укладывай, вытаскивай, неси осторожнее,

укладывай плотнее (это из другой комнаты! А это вообще наверх!).
Думать некогда, надо делать дело.

(А вы заметили, что нам вообще хронически некогда думать? Что нам всё время надо делать дело, которое очень часто заканчивается с нулевым, если не с отрицательным, результатом? А может, если бы мы могли сесть и подумать вовремя – нам не пришлось бы, как минимум, тратить время и силы на это бесполезное занятие?)

Эпопея началась утром,
закончилась, как и следовало
ждать, довольно поздно вечером.

Наконец все вещи занесены в дом,
коробки более или менее
расташены по комнатам – детская,
спальня, гостиная, кабинет... В

кабинете сели после окончания работы за стол. Женщины приготовили закуску, а уж что касается выпивки – она нашлась как-то сама собой, как это обычно бывает в нормальной российской компании.

После трудового подвига все были слегка возбуждены и воодушевлены. Тосты произносили прежде всего за хозяев, за то, чтобы им счастливо жилось в новом доме, за то, чтобы поскорее привести всё в порядок... Ну, в общем, как и полагается в подобных случаях.

Наконец помощники разъехались по домам. Свечкины всей семьей дружно валились с ног от усталости. Уложили детей в детской, устроили импровизированное ложе в самой

маленькой, шестиметровой комнатке - и легли. Новый дом погрузился в сон...

...Что это?.. Откуда в Москве эти крики петухов и гоготанье гусей?.. Или это мне снится?.. А это как будто овца блеет?.. Что это такое, простите?.. Нет, точно сон... Но почему как будто наяву?..

Примерно так можно передать первый миг внутреннего монолога Петра Петровича после пробуждения. И вдруг - его как будто ошпаривают кипятком, и он всё вспоминает. Мы не в Москве!.. Мы уехали из Москвы!.. Навсегда... Рогожино... Теперь мы будем здесь жить... Нет, неправильно... Теперь мы здесь живем... Уже живем...

Что мы сделали?.. Зачем?.. Ведь это же - абсолютно новая, абсолютно

иная и абсолютно чужая жизнь, про которую мы ровно ничего не знаем!.. Как же мы могли решиться на это, безумцы?..

Чистый как слеза ребенка, беспримесный, совершенный ужас охватывает моего дорогого Петра Петровича. Он вдруг не просто осознает, он чувствует, он проживает всей своей душой, что вчера закончилось всё, что было прежде. Закончилось навсегда и бесповоротно. И вот сейчас, через несколько минут, надо будет начать новую жизнь. Настолько новую, что это как бы и не жизнь вовсе, а... А что? Правда, что?..

Ну ведь не смерть же, в конце-то концов!..

Дети уже проснулись и хотят есть и гулять. Уже одно это способно

привести в чувство реальности любых нормальных родителей.

Чтобы дети могли поесть, надо вспомнить, где у нас продукты, в каких ящиках кастрюли, и куда вчера второпях засунули вилки и ложки. Газ на кухне горит, вода из крана течет, канализация, как я уже говорил, центральная.

Чтобы дети могли погулять... Да, с этим сложнее. В конце марта на улице вокруг дома грязь вперемежку со снегом, в загоне лают две хозяйские овчарки, которых Олег Яковлевич обещает забрать буквально со дня на день и которые пока что того и гляди грозятся вырваться из загона...

Впрочем, пока хватает дел и внутри дома. Разборка начинается, естественно, с кухни как самого

насущного помещения. Повесить и поставить кухонные шкафы, включить холодильник, разобрать продукты, установить стол и стулья, чтобы можно было нормально обедать...

Да, стены грязные, обои оборваны, на потолках трещины, двери и окна стоило бы выкинуть сразу, но... Но где же взять на всё это денег? Ничего, пока поживем так (главное сейчас - вещи разобрать), а скоро сделаем ремонт... Денег нет, вы говорите? А мы зайдем! В крайнем случае - возьмем кредит в банке, сейчас все так делают... В общем за полгода вполне можно всё привести в порядок!

Когда Анна Ивановна в очередной раз сказала своей маме (и теще Петра Петровича) эти слова о ремонте, который они осуществлят

за полгода, та грустно посмотрела на нее и ответила: «Аня, вы за полгода хотя бы вещи разберите...» Забегая вперед, скажем, что разобрать за полгода вещи Свечкины, конечно, не успели...

Но шок проходит, а жизнь продолжается. И в этом ее великая мудрость и удивительное совершенство. Ведь даже самая несовершенная жизнь по сути своей совершенна. Именно потому, что она – жизнь.

На второй или третий день Анна Ивановна отвела старших девочек в школу, поговорила с учителями, уладила все формальности. А на следующий день Санечка и Танечка пошли в школу вдвоем, без мамы. Да и с какой бы стати они пошли с мамой, если в Рогожине все дети, даже первоклассники, ходили в

школу самостоятельно! А за что тревожиться и чего бояться, когда нет ничего такого, о чем можно было тревожиться?.. (И это было первое здимое и ощутимое отличие от столицы, где девочек надо было каждый день водить в школу и из школы, которая находилась буквально через дорогу.)

Еще через несколько дней Олег Яковлевич забрал наконец своих овчарок, и четырехлетний Ванечка смог выходить во двор и гулять там целыми днями с короткими перерывами на завтрак, обед и ужин (и это было второе ощутимое отличие).

Параллельно обустройству Свечкины потихоньку знакомились с соседями, которые почти все оказались на удивление доброжелательными. Соседям,

конечно, нравилось и то, что нашлись москвичи, которые так критически отнеслись к своей московской жизни и, наоборот, совершенно некритически и даже слегка восторженно относятся к жизни их, рогожинской. Людям вообще нравится, когда другие вдруг возьмут и полюбят то, что любят они сами. Как говаривал еще кто-то из героев Достоевского - ты не меня полюби, ты моё полюби!.. А может, это был герой Гоголя?..
Боюсь соврать...

Итак, прорубь, в которую прыгнули-таки Свечкины, оказалась не такой холодной, не такой глубокой, в общем - не такой смертельной, как это представлялось поначалу. Мало того, когда они достигли дна и встали на него - выяснилось, что теперь они как раз и стоят на той самой земле, на которой стоит их

дом и на которой они так и хотели стоять, еще когда только мечтали о больших переменах. И при этом вода в этой проруби им доходит примерно до колена, а вовсе не покрывает их с головой.

...И всё бы ничего, и всё бы даже очень неплохо, если бы Петр Петрович не потерял как раз в это время свою работу, о чём я упомянул чуть выше. Впрочем, и Асю Филипповну, его тогдашнюю начальницу, за это нечего винить: работал Петр Петрович в этом московском журнале в последние месяцы и вправду спустя рукава – все его мысли и чувства были заняты совсем другим, вы понимаете, чем.

Но даже если никого ни в чём не винить – работа-то потеряна! А работа, помимо всего прочего, что в

ней есть интересного, еще означает зарплату. То есть какие-никакие деньги. И хотя окончательно пропасть Петру Петровичу друзья не дали, и один из старших друзей взял его в свой коллектив, эта зарплата была уже не та.

Зато на работу надо было приезжать всего раз в неделю, по средам – и это было громадное облегчение. И теперь у Петра Петровича было свободное время, чтобы хорошенько познакомиться с соседями.

Местные жители

Соседи Свечкиных были местными жителями, и это, в общем-то, естественно.

Петр Петрович поначалу, подстрекаемый и движимый своим

писательским зудом, разговаривал с соседями не просто так, а выспрашивал их этак по-журналистски о том и о сем, а потом, наедине, даже делал некоторые заметки. Зарубки для памяти. Роман, что ли, собирался писать? Не знаю, таких интимных творческих секретов он мне не открывал. Только знаю, что никакого романа в результате не случилось.

Но постепенно его настроение менялось. Из человека постороннего, внешнего, он потихоньку тоже становился своим, местным как и они, и потому уже не мог отделять себя от своих соседей, не мог смотреть со стороны. Смотреть со стороны ему стало попросту неинтересно. Зато он потихоньку начал задумываться о том, что такое вообще местные

жители? Что называется, что такое эти самые местные жители как философская и онтологическая категория. И кто был на Земле первым местным жителем? И когда? И где это было?

Однажды он поделился со мной своими заветными мыслями об этом вопросе. Они оказались достаточно любопытны, и мне теперь хочется поделиться этими мыслями с вами.

...Получается, первым местным жителем был, все-таки, Адам. Он жил в Раю, для которого и был создан. А вернее – Рай был создан именно для него, Адама.

Жаловаться Адаму было абсолютно не на что; всё вокруг было к его услугам. Он бродил в окружении вечного благоуханного утра среди ласкавшихся к нему ягнят и львов,

зайцев и гепардов, медведей и райских птиц (райских – в самом буквальном и совершенном смысле этого слова!). Да что там райских птиц – Адаму служили ангелы! А что, собственно, ангелы? Ведь он встречал лицом к лицу Самого Бога!..

Потом к одиночеству Адама добавилась прекрасная Ева, и райская жизнь среди райских птиц продолжалась.

Но однажды всё кончилось. Довольно сумбурно и как-то бесславно. Историю грехопадения пересказывать скучно и неинтересно, ее и так все знают. Ну или почти все. А кто не знает – пусть прочитает если не в Библии, то в интернете, этом универсальном кладезе подлинных знаний, сплетен, человеческих фантазий и

прямой лжи.

Но мы про Адама. Где он? А вот же, вот!..

Существо, еще недавно
беседовавшее с Создателем
Вселенной и питавшееся нектаром
цветов, теперь ковыляет за сохой,
налегая на нее всею тяжестью тела,
чтобы поднять эту каменистую,
пустынную, почти бесплодную
землю. И чтобы обеспечить
скудным пропитанием до
следующего урожая себя и свое
семейство. Он терпит летом тяжкий
сжигающий зной, а зимой -
пронизывающий до самых костей
влажный холод. По утрам он не
может разогнуть свои
изработанные заскорузлые руки,
которыми прямо с утра надо снова
браться за плуг, топор и все другие
инструменты. А жить ему, надо

сказать, довольно долго. Девятьсот с лишним лет...

Но вот проходит одна сотня лет, другая, третья... Верит ли уже он сам в то, что когда-то переживал в Раю? Помнит ли он тех медведей и львов, которые ему служили и ласково лизали его руки, тогда еще мягкие и совершенно не знающие тяжелого физического труда? Помнит ли неизвестные нам запахи тех райских цветов? То нескончаемое росистое утро, тот великий и вечный покой, ту сокровенную тишину отеческой любви, что его тогда окружала? Помнит ли те встречи лицом к лицу и тихое веяние благодати, заполнившей всё вокруг?

Да разве он может всё это забыть?!

За девятьсот с лишним лет сколько

тысяч, нет, сколько миллионов раз он говорит или только думает про себя: «Я жил в Раю... Жил в Раю и видел Господа...»

А впереди, после почти тысячи лет трудовой и скудной жизни, его еще ждут несколько тысячелетий там, в адской бездне, среди отчаянных воплей, взаимных упреков, претензий и абсолютно безблагодатной нелюбви. Адаму еще надо дождаться своего далекого Потомка, Сына Человеческого, Который, когда исполнятся все времена и сроки (ни на день не раньше!), наконец выведет их с Евой из ада.

О чём несчастный Адам вспоминает там, в сжигающем душу холоде преисподней бездны, если он может там о чём-то вспоминать? О долгой земной жизни, своих

сельскохозяйственных трудах и заработанном в поте лица хлебе? О Еве, рожающей детей в болях и муках? О своих несчастных первенцах Каине и Авеле, которые не смогли поделить на двоих бескрайние земные пространства? О земной любви, земной ненависти?

Ну, это вряд ли.

Скорей всего, в аду он вспоминает всегда об одном и том же: о нескончаемом росистом утре, тишине Любви и свете Благодати. Он вспоминает удивительные встречи лицом к лицу и понимает по-настоящему, что был создан для этой совершенной вечной жизни как рыба для воды, как птица для неба, как, наконец...

Как Адам для Рая, если такую формулу можно в этом конкретном

случае считать метафорой.

...Но к чему это мы с Петром Петровичем всё про Адама да про Адама?

Да к тому, что после изгнания Адама из Рая вряд ли кого-то из нас (из всех нас!) можно с полным правом называть местными жителями. Ну да, миллионы людей рождаются, живут и умирают в одном и том же месте, никуда не сдвигаясь за всю свою жизнь – но душа человеческая все-таки помнит, что настоящая ее родина находится где-то далеко-далеко... Так далеко, что к ней нет проторенных дорог и ее никак невозможно достичь. Физически, во всяком случае. И эту тоску по утраченному Раю человек чаще всего ошибочно принимает за тоску по каким-то конкретным местам,

например, по своей малой родине.

...Жители поселка Рогожино являли собой довольно разнородный человеческий конгломерат. Их даже можно было назвать, если выдумывать подходящий термин, коренными переселенцами. Почему именно так - объясню чуть позже.

Петр Петрович, еще в бытность свою новоначальным рогожинцем, как я уже сказал, разговаривал с ними и записывал их откровения, потом снова разговаривал и снова записывал. В результате у него набралось несколько страниц монологов самих местных жителей о себе и своем житье-бытье. А когда человек говорит о себе сам - в этом, согласитесь, что-то есть. Какой-то звук подлинности.

К тому же, как всегда повторял

Петр Петрович (и в этом я с ним совершенно согласен), человек, живущий на земле, сильно отличается от человека из городской многоэтажки. Чем отличается? Прежде всего, своей внутренней самостоятельностью. Или, как говорил Пушкин, самостоятельностью. Он и ходит, и говорит, и думает по-другому, чем затурканный суеверной жизнью городской житель. Более основательно и неторопливо. Его территория не оканчивается входной дверью его квартиры (как у очень многих жителей больших городов, о чем они иногда даже с непонятной гордостью заявляют!) – она распространяется на весь принадлежащий дому участок, на всю улицу, а у самых самостоятельных – и на весь поселок с прилегающими лесами и полями.

Петр Петрович иногда говоривал, что в деревне, конечно, как и везде, можно встретить какого-то не очень умного человека – но практически нельзя встретить человека недумающего. Просто потому, что у деревенского человека обычно хватает времени думать. Я бы и тут согласился со своим старым другом.

Итак, расскажем о нескольких характерах, встретившихся Свечкиным в Рогожине. Точнее, рассказывать будут они сами, а мы лишь дадим им короткие предварительные характеристики.

Характеры

Леонид

Лёня был с молодости человеком весьма нестандартным. Те же

качества сохранил и в более зрелом возрасте. А что касается талантов, то этого человека вполне можно было назвать местным Кулибиным. Когда у Петра Петровича впервые сломалась машина, все соседи в один голос отправили его к Лене. И не зря. Каких только ремонтов они не делали впоследствии со всеми следующими машинами Петра Петровича! Когда у него вышел из строя двигатель на Фольксвагене (а в середине 90-х в России не было еще никаких пособий и инструкций по ремонту иномарок!), Леня просто разобрал этот двигатель, исправил, что нужно, и опять собрал. И машина поехала.

Дело в том, что в молодости Леонид был механиком на торговом судне и исходил полмира. А еще он любил смотреть в телескоп (который для этого и купил) на луну и звезды. А

еще на своем Запорожце изъездил
весь СССР от Кольского
полуострова до Байкала и Кавказа...

Сам я родом с Брянщины, из
деревни, родители до сих пор там.
Не скажу, чтобы рос балованным
чадом, скорей уж совсем наоборот.
Как-никак с мачехой выросли, кто
понимает...

От ребят в детстве тоже
доставалось – я маленький был,
тихий и безответный. В общем,
жизнь была не рай с самого начала.
Может потому я и мечтал всегда –
чтобы нигде между людьми
никаких конфликтов, чтобы жить в
мире со всеми...

В детстве получал журнал «Техника
– молодежи». И вот однажды
приходит номер, а на обложке –
руки, которые держат земной шар.

И слова примерно такие: «Земля – наш общий дом, за ее будущее мы в ответе». И так меня эти слова кольнули, что я их на всю жизнь запомнил. Общий дом!.. А ведь и в общем доме можно жить врагами, это я по своему опыту знаю.

Друзья у меня были, и немало. Обычно все они были интересными людьми. И об истории с ними можно было потолковать, и о мироздании. Да и со мной самим случались порой странные случаи. Однажды вез наше совхозное начальство из Москвы (я тогда водителем на «рафике» работал) и вдруг начал им рассказывать, что скоро начнется совсем другая жизнь, частная собственность вернется, а партии больше не будет. Я как будто увидел всё это в один момент, эту жизнь другую!

А пассажир мой посмотрел так
искоса: ты, мол, лучше за дорогой
следи, друг Леонид. Нечего в такие
возвышенные материи лезть, крути-
ка свою баранку...

Я еще с юности был уверен:
счастливым надо родиться. И
всегда было чувство, что добьюсь
того, чего захочу. Хотел вот экватор
увидеть – и много раз его пересек.
Хотя морская судьба моя поначалу
была под вопросом. После
Новороссийской мореходки в
первое плавание пошел – и понял,
что такое вода, когда ее много...

От качки ведь все страдают, пусть и
в разной степени. Бывало, сидишь
за обедом, давишься едой – а
показать, что тебя тошнит, перед
коллективом нельзя! Доел
последний кусок, встаешь,
благодаришь, не спеша идешь к

выходу. Не торопясь выходишь,
медленно дверь за собой
прикрываешь – и пулей в
ближайший гальюн!..

Но даже морскую болезнь можно
победить. Надо только сжать зубы и
перетерпеть. Проверено.

Где побывал? Франция, Турция,
Марокко, Алжир, Бразилия,
Голландия, Канада, Италия,
Гибралтар, Югославия...

А еще в юности у меня было вроде
как видение: мой дом. Еду на
машине, подъезжаю, поворачиваю
налево (вот именно налево, как
сейчас!), проезжаю по дорожке в
саду.

А в доме ждут жена и дети. В
общем, точно как сейчас...

Виталий

Вот уж не слишком удавшаяся судьба. Столько дано было этому человеку разных талантов и способностей, но страсти, страсти... А ведь страсть винопития среди всех других страстей – одна из самых коварных и беспощадных...

Не знаю, был ли у меня хоть когда-нибудь собственный дом... Родители были учителями, и почему-то мы переезжали с места на место каждые четыре-пять лет. Курская область, Сахалин, Молдавия, Калуга, Украина... В шести школах учился. Мечта как у многих советских мальчишек, конечно, была летчиком, но медкомиссию не прошел.

Потом – Рижское училище гражданской авиации, четыре года в Грозном (попал туда по распределению), оттуда уехал в

Орджоникидзе. А потом - сюда, в Рогожино. Сначала завхозом в школу взяли, потом физруком, а теперь вот математику преподаю. И параллельно окончил Пединститут имени Крупской. А ведь никогда учителем быть не собирался! Да что там не собирался - просто смеялся поначалу над такой перспективой!

Если вспоминать, где хорошо жили - так это в Молдавии, у гагаузов. Народ этот вообще приветливый, а уж к учителям - особое почтение. Каждый год на Пасху нашу квартиру гостинцами заваливали. И полный интернационал был, без ссор и без зависти.

Может, я по своей жизни такой неудачник? Все время хотел одного, а получалось другое. Летчиком не стал по состоянию здоровья, учителем не хотел, а стал... А

главное - в последние годы как-то
стало пропадать ощущение себя как
человека. Внутренняя паника
наступает, когда ты не знаешь,
зачем и для чего дальше жить. И
нет веры в завтрашний день. Да ее,
наверное, уже ни у кого из нас
больше не будет, этой веры. Во
всяком случае, такой, как раньше
была.

А с другой стороны, не может же
наша жизнь разваливаться
бесконечно? Должно же в ней хоть
что-то стабилизироваться наконец?
Или развал этот уже всё,
навсегда?.. Но разве так было хоть
когда-нибудь, чтобы навсегда?

Петр Иванович

А это, наоборот, один из местных
руководителей, человек, по всей
видимости, вполне состоявшийся.

Но состоявшийся человек, особенно в 90-е годы, отнюдь не значит беззаботный и вечно оптимистичный. Жизнь, разломанная, разбросанная, заставляла думать, и мысли далеко не всегда были радостными...

Двадцать лет я директором совхоза, с середины семидесятых. А до этого здесь же шесть лет был агрономом. Родом из Юдановки, это совсем недалеко, в школе учился в Воронине (это еще ближе), потом сельхозтехникум, потом три года армии (мы тогда урожай на целине убирали), а уж потом - Тимирязевская сельхозакадемия.

За эти два десятка лет жизнь сильно переменилась. Дороги мы сами прокладывали, прежде грязь была непролазная. Дома строили для своих работников, вот эти

самые коттеджи. Мы это придумали, чтобы людей к земле привязать, чтобы они почувствовали себя настоящими хозяевами. В начале 80-х это так и называлось: «Рогожинский вариант». Любили о нас тогда в газетах писать, по телевизору показывать наш опыт. Но дело не в телевизоре, а в том, что затея наша удалась. И жители этих коттеджей стали нашими, местными, как мы того и хотели.

В общем, было время, когда мы росли и строились, а когда строишься – ты как-то по-особому чувствуешь себя живым человеком.

А чем мы все живем сейчас? Прошлым. По большому счету – доедаем то, что прежде запасали. А когда доедим?

Но я ведь совсем не о пище телесной. Тем более, как говорится, не хлебом единым... Есть кое-что поважнее материальной основы и наших экономических провалов. Это - разрушение всего строя жизни. Лично для меня все последние перемены - трагедия. В том числе и гибель партии. Поэтому я голосовал и буду голосовать за коммунистов. Кроме них сегодня ни у кого нет социальной программы, заботы о людях.

Что сейчас в нашем хозяйстве? Не то что трактор или комбайн не на что купить - запчасти к тракторам и комбайнам стали для нас недоступны! Удобрения недоступны, которые необходимы на наших глинистых почвах. Третий год из-за этого картошку не сажаем. Но и это бы можно пережить, конечно.

А вот что меня глубоко задевает, оскорбляет, обижает – так это еще одна ложь нового времени. Сколько раз уже нам повторили, что советский рабочий и крестьянин не умели трудиться! Неправда это. Люди работали хорошо – это я говорю как директор со стажем. Плохие работники были, конечно, но это были исключения, причем редкие. За все годы руководства совхозом я, например, ни одного приказа не подписал на субботу-воскресенье, - авральные работы в выходные были просто не нужны, мы и так всё успевали вовремя.

Да и руководитель настоящий обязан знать свое дело, предвидеть последствия каждого своего шага, каждого решения. Быть и политиком, и социологом, и экономистом. Ну и немножко философом, конечно. На всякий

случай...

А еще - он должен уметь забывать, что он руководитель, должен уметь жить, не выделяясь среди других людей.

Ну а перспективы... Я лично сегодня ни о каких перспективах рассуждать не могу.

Михаил

Если в двух словах передавать главные качества Миши, то это - порядочность и надежность. Это про таких как он говорится: не купи дом - купи соседа! А он как раз и оказался ближайшим соседом Свечкиных. Крупно им повезло, и они это оценили очень быстро. Михаил и его жена - выпускники Плехановки. Сам он родом с Украины. Но, кроме всего прочего, Михаил еще и философ. И его

монолог это подтверждает.

Любопытное все же явление – перелетные птицы... Вот хоть перепелок взять – птичка небольшая, сил немного, а лететь надо очень далеко. Что делать, как выходить из положения?

И вот пристраиваются перепелки к каким-нибудь большим птица, к гусям, например. И летят они на юг вместе. А когда у перепелок силы кончаются, усаживаются они на спины к гусям и сидят на них верхом как на конях. Гуси это терпят. Почему терпят? Думаю, наверное, потому, что перепелки им при этом перья чистят.

Так они летят вместе и друг другу помогают как могут. И вместе добираются до теплых стран. Что называется, живой пример

сотрудничества и взаимной выручки. Но что характерно: птенцов перелетные птицы в теплых краях никогда не выводят. А ведь это значит, что эти самые теплые края для них не дом. Не родина...

Я когда на Кубе служил, был у нас однажды в части такой забавный случай. Один наш солдат очень хотел поймать скунса. Ну вот, видно, не хватало ему этого скунса для полного жизненного счастья. Мы его предупредили о последствиях, но он никого слушать не захотел. Не поверил нам. И пошел ловить свою мечту.

Ну скунс, когда на него напали, и брызнул в нашего героя своей знаменитой вонючей жидкостью. А запах это такой, что метров за тридцать – и то дышать

невозможно! Понятно, что после этого в казарму мы его не пустили. Физически просто не могли на это согласиться. Жил он где-то на свежем воздухе, ночевал под деревом, благо, на Кубе тепло. Неделю, а то и больше он ни к кому из нас близко и подойти не мог. Но скунса поймал, мечту свою осуществил.

Вот тут и задумаешься иногда: что такое счастье для человека? Что такое мечта? Точно ли хорошо, если все твои мечты обязательно сбываются? Точно ли ты при этом найдешь свое счастье?..

Отец Сергий

Отец Сергий – обычный сельский батюшка нового постсоветского времени. Не очень опытный, но вполне горячий в делах веры.

Впрочем, он и сам о себе расскажет всё необходимое.

Я прямо здесь и родился, вон, рядышком, в Спасе. Хоть если родителей взять – они у меня тоже переселенцы. Детство мое прошло как у всех деревенских ребятишек – в поле, в лесу да на речке. Как, бывало, утром убежим из дому с куском хлеба в кармане – так только в обед домой и заскочим, чтобы по стакану молока выпить. И снова в бегах до позднего вечера. Так и росли.

Священником я быть совсем не собирался. Просто начал потихоньку к вере приходить, начал в Воронинский храм по воскресеньям ездить. Тут меня и заметил тогдашний настоятель, игумен Пантелеимон. Как-то раз подозвал к себе, поговорил со мной

по душам. Через какое-то время ввел в алтарь, хоть я сильно боялся и потому сопротивлялся как мог. Но он настоял, я стал в алтаре прислуживать.

А потом велел готовиться к рукоположению. Тут уж пришлось всерьез за книги взяться, церковные службы изучать как полагается. Отец Пантелеймон успел меня рукоположить, а через год - умер. В нем многие при жизни замечали прозорливость.

А народ наш... Народ-то неплохой, это известно, да только настоящей веры маловато. Почти нет ее, веры. Оттого и живем как нам вздумается, детей растим тоже как получится, да и умираем как придется.

Но где же Бог? Где заповеди Его? И

где вера наша? Какого же мы счастья ищем без веры? Какой гармонии хотим получить без искреннего покаяния? А есть ли оно у нас, настоящее глубокое покаяние? Вот он, главный на сегодня вопрос. Нет, конечно, всегда будут в России кающиеся люди, и духовники будут, и старцы. Но народ наш...

Ведь чтобы прийти к покаянию, надо иметь духовное различение добра и зла. Надо иметь понятие и критерий праведности, а стало быть и греха. Ведь если в жизни твоей, в твоих действиях, поступках, мыслях нет греха (по крайней мере, ты в этом совершенно уверен!) – то в чем каяться-то человеку?..

Заботы сейчас, в основном, материальные. Интересов у современных людей много, вот

только идеалов маловато. Все оправдывают себя пословицей: рыба ищет, где глубже... Это так, и отрицать это никто не станет. Это бесспорно. Конечно, рыба ищет места, в котором ей удобнее всего находиться. Вот только рыба, даже самая большая, самая дорогая, не будет за свои дела судима, поскольку она не имеет души, не имеет разума, не имеет свободы выбора. А каждый из нас - будет судим обязательно. И что мы тогда ответим? На какую сторону пойдем - десную или ошуйю?

Вопрос, на который мы не хотим отвечать. Да что там отвечать - мы его задавать себе не хотим...

Геометрия Лобачевского и страна Подмосковье

(Лирическое заключение монологов

(местных жителей)

А задумывался ли кто-нибудь из читателей, почему геометрия Лобачевского изобретена именно в России? Впрочем, что я говорю «изобретена»? Открыта! Открылась.

Но в какой стране еще ей было открыться естественней всего? Ведь в любых нормальных странах трехмерное пространство евклидовой геометрии стоит надежно и крепко. И законы, по которым это пространство живет, понятны и привычны обыденному разуму: гвозди там забиваются, а шурупы закручиваются, машины ездят, а дороги стоят, круглое катится, а квадратное кантуется, правительства благоустраивают свои народы и государства, а не чужие...

В России законы естественнонаучные (естественные для большей части мира) работают с трудом, как будто бы даже нехотя. Но сказать, что Россия – совсем страна без законов, все же не получается. Потому что один закон действует на протяжении всей русской истории с железным постоянством и каменной необходимостью: «Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую – кого Я люблю, тех обличаю и наказываю».

И невозможно России хоть куда-нибудь спрятаться, скончаться от действия этого закона. А он суров и тяжел, тяжелее всех остальных природных и человеческих законов вместе взятых – и потому так часто нас обличают и так больно бьют. Но потому и спасают нас пока еще из таких чудовищных несчастий, которые для других стран и народов

зачастую становятся последними и смертельными.

И наверное именно потому, что Россия всегда живет по особым законам, очень скоро после каждого очередных потрясений хотя бы некоторые из нас вновь начинают поднимать свой взгляд к небу.

Точнее - к Небу. Но взгляд в Небо - это не обычный взгляд снизу вверх в обычном трехмерном евклидовом пространстве. Нет, это взгляд в четвертое измерение - реальное четвертое измерение, а не то, которое выдумано фантастами.

Ну а если бы Россия уткнулась всем своим лицом в землю - то неизвестно еще, стала бы она после этого нужна Богу, или была бы просто вычеркнута из списков живых за ненадобностью.

Итак, Россия, русский (в широком смысле) человек знает Небо, знает четвертое измерение, чувствует ветер Вечности. Так где же еще было родиться Николаю Ивановичу Лобачевскому, как не в России? Где работать, как не в российском городе Казани?

«Казанский университет, - говорит Брокгауз-Ефрон, - основанный в 1805 году, первым профессором имел иностранца Бартельса, но скоро из питомцев университета образовался русский преподаватель (хороший оборот «образовался» - вроде плесени, что ли?), знаменитый Н.И. Лобачевский, начавший чтение в 1811 году с небесной механики и теории чисел».

Неплохо бы только добавить, что знаменитому Лобачевскому в 1811

году, когда он начал чтение лекций с небесной (!) механики, было девятнадцать лет...

О чём это лирическое отступление? О том, что русская жизнь в любую свою эпоху, а особенно – в эпоху переломную, развивается больше по законам небесной, а не земной механики. И все понятия нашей жизни имеют не совсем буквальный смысл. Вернее – не только буквальный смысл. А еще и тот, иной, смысл из четвертого измерения.

Вот и местные жители, которые встретили Свечкиных в Рогожине, оказались не так чтобы уж очень местными. Они, в большей своей части, именно были скорее теми самыми коренными переселенцами – термин, который я использовал в начале главы.

Для чего же они собирались именно здесь, на этом конкретном участке нашей земной поверхности? Как это для чего? Они долго шли по российской земле и искали свое счастье. И вот наконец пришли сюда, в Рогожино, в самое сердце России. Ведь Подмосковье – это именно сердце России, вы не задумывались?

А вообще-то, что такое Подмосковье? Можно ли, например, называть его страной?

Площадь одной Московской области - пошире, чем площадь Дании или Нидерландов. Население – больше, чем в Дании, Финляндии или Швеции. И это только область, без двадцатимиллионной Москвы и соседних областей, которые тоже Подмосковье, только дальнее.

Но, конечно, не столько в размерах и количествах дело. Всякая страна отличается от своих соседей если уж не валютой, то особым укладом, обычаем, духом. Найдем ли мы это в Подмосковье? И в чем конкретно его отдельность и особенность?

...А ведь не вдруг и ответишь.

Не вдруг – потому что очень мало в Подмосковье резкого, кричащего, черно-белого. Москва – другое дело: любой конфликт обнажен; на земле и под землей – суета сует и всяческая суета; всё спешит, гудит, звенит – и все равно опаздывает во все нужные места... И совсем другое дело – дальняя глубинка: апатия, сон, безнадежность, безденежность (и взять-то неоткуда), безработица (и попробуй найди приличное место!), медлительность, тихость. И самое

главное - хроническое ощущение собственной невостребованности, а значит - ненужности.

Вот между этими крайними полюсами российской жизни и расположилась страна Подмосковье. Нет столичной суety – но нет и отчаяния заброшенности. Рядом громадный мегаполис – но жизнь проходит на земле, рядом с землей, посреди полей и лесов среднерусской полосы. Сама природа здесь - самая средняя, самая средне-русская: не крутизна гор, не суховей степей, не холодина северной тундры, – мягкость пологих холмов, мягкость смешанных лесов, мягкость тихих, извилистых, нешироких и неглубоких рек. Мягкость зимы, мягкость лета.

Мягкость!.. Вот главная

отличительная черта подмосковного края. Мягкость, умеренность, срединность. Относительно высокий, в сравнении с остальной бескрайней провинцией, уровень обжитости: приличные шоссе, густая сеть железных дорог, поселки и деревни в пределах досягаемости друг от друга.

Для сознания москвича Подмосковье – это, конечно, деревня, глушь, Саратов. Для жителя Вологодчины или Урала (не говоря уж о Сибири и Дальнем Востоке) Подмосковье – что-то очень центральное, почти столичное.

Проблема миграции для Подмосковья всегда была одной из самых острых и серьезных: этот край традиционно привлекателен

для всей остальной громадной России, для почти всех республик бывшего Союза. И потому немало здесь можно встретить мест, где практически все жители – относительно недавние коренные переселенцы. С Тамбовщины, с Урала, с Украины они ехали сюда, готовые работать в поле, на ферме, в теплице – везде, где в то время не хватало рабочих рук. Но и жилье вместе с подмосковной пропиской они получали гораздо скорее, чем могли ожидать этого в Москве, или даже на своей Тамбовщине-Украине. А подмосковная прописка открывала уже прямую дорогу для трудоустройства в столице. Для таких людей конечной целью была Москва, для кого-то остается такой даже и сейчас.

Для кого-то – но далеко не для всех.

Потому что человек, попав в Подмосковье, обосновавшись в нем и прожив лет пятнадцать-двадцать, вдруг начинает ощущать, что не так уж ему и хочется менять свою размеренную, упорядоченную и свободную жизнь на суматошное и подневольное существование столичного жителя. Человеку для душевного равновесия необходимо ощущение осмысленности своей судьбы, ощущение того, что он сам может (в большей или меньшей степени) распоряжаться ею. И Подмосковье – не столица и не провинция, но уж точно Россия, исконная историческая Московия – дает человеку это необходимое ощущение осмысленности.

И приходит на память другое описание весьма похожих человеческих чувств и положений:

«...Умеющие разрешать загадку жизни почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются. Впоследствии они приносят богатые и сладкие плоды. Но другие, народ легкомысленный и не умеющий разрешать загадку жизни, скоро наскучают Сибирью и с тоской себя спрашивают: зачем они в нее заехали?.. Они неправы: не только с служебной, но даже со многих точек зрения в Сибири можно блаженствовать... Вообще земля благословенная. Надо только уметь ею пользоваться. В Сибири умеют ею пользоваться...»

(Ф.М. Достоевский. «Записки из Мертвого дома»)

=====

Чего мы ищем на земле, о чем страдаем, куда все время спешим?

И где все-таки настоящее место человека? Там, где он когда-то появился на свет из материнской утробы? Или там, где учился и получал первые навыки жизни в мире? Или там, где работал и делал успешную (или безуспешную) карьеру? Или там, где он собрался умирать?

Или его настоящее место там, где он видел Самого Бога лицом к лицу и беседовал с Ним?

Человек на земле, даже забывший Бога, даже никогда не слышавший о Нем, ищет повсюду только одного места - Рая. Потому что душа человеческая не хочет соглашаться на меньшее. Не может согласиться.

Но Рая на земле уже давно нет. И потому человек вынужден вечно брести, спешить куда-то,

обманывать себя или других (или и себя и других) в этих бесконечных и бесплодных поисках своего места под солнцем трехмерного евклидова пространства.

Не потому ли так огромна, так почти бесконечна наша земля, что она есть образ, икона Божьего мира, несоизмеримого в своем величии со всей тщетой всех дел, стремлений и страданий человеческих?

От нас, - как говорил один гениальный русский писатель, - хоть три года скаки - ни до какой земли не доскачешь.

Но если не доскачешь и в три года - стоит ли и скакать через эту бесконечную ширь? Может, лучше напрячь все свои жалкие силы - и взлететь? Подняться из евклидова

пространства в геометрию
Лобачевского?

Чтобы там попытаться понять и
почувствовать небесную механику
русской судьбы...

Но мы, кажется, как-то слегка
отвлеклись от жизни Свечкиных?

Может быть. Зато уж Свечкины от
своей новой жизни при всем
желании отвлечься не могли.

Свечкины потихоньку укоренялись
на своей новой почве...

Свечкины и стихия огня

Но кто сказал, что укоренение
всегда происходит безболезненно и
незаметно? Не знаю, как там у
растений, но у людей довольно
часто, чтобы укорениться на каком-

то новом месте, приходится пройти через самые разнообразные испытания. Испытания физические, моральные, а порой - и духовные. Ну, знаете, как инициация у первобытных народов, или в современных тайных обществах вроде масонских.

Новая жизнь начала испытывать Свечкиных с самых первых дней их рогожинского житья. Испытания эти шли то попеременно, то параллельно, то просто сыпались на их бедные головы беспорядочной кучей. Но для удобства читательского восприятия (а мы ведь пишем для читателя и должны заботиться о его удобстве) попробуем как-то систематизировать все эти события по разрядам и видам.

Одно из видов свечкинских

испытаний так и можно назвать – испытание огнем.

...Поначалу Петр Петрович еще пытался каждый день ездить на работу в центр Москвы из своего Рогожина. Шестьдесят километров до кольцевой, километров двадцать от кольцевой до центра – нормальное расстояние, вполне достаточное, чтобы понять, на что ты променял свое московское жилье. А если учесть, что пробки и тогда, в середине 90-х, бывали немаленькие, а заправка на протяжении шестидесяти км была одна (и на ней чаще всего никакого бензина не было!), то картина тогдашней автомобильной жизни рисуется вполне выразительная.

Нет, конечно, бензин в стране был – по МКАДу и по всем трассам стояли десятки и сотни бензовозов с

заправочными пистолетами (в Москву их все же не пускали). Но что это был за бензин! Это оттуда, из девяностых, сохранились до наших дней бесчисленные реальные истории о том, как единственная заправка на такой передвижной АЗС приводила к капитальному ремонту, а то и полному списанию двигателя...

Это я к тому, что в то время доехать из Рогожина до Москвы было делом не совсем легким, и об этих поездках Петр Петрович до сих пор вспоминает с некоторым содроганием.

А пока отец семейства пытался ежедневно ездить на работу, семья оставалась в Рогожине одна. Соответственно и все бытовые дела ложились на их плечи. И вот однажды, когда Анна Ивановна

пыталась зажечь котел АГВ (это, кто не в курсе, такая отопительная система, работающая на газе), из дымохода вдруг полыхнуло пламя!

Что в таком случае могла сделать женщина с тремя маленькими детьми, которые расширенными от ужаса и неподдельного любопытства глазами смотрели на огонь, который горит прямо из стены?

Правильно, она так и сделала.

И вот вся женско-детская часть семьи Свечкиных бежит по улице и кричит: «Пожар!..»

К счастью, один из ближайших соседей оказался в это время в своем саду. Услышал – и бросился на выручку.

Как выяснилось в очередной раз, у

страха глаза велики, а вообще-то победить такой пожар было делом не таким уж трудным, особенно для мужчины. Но при этом, осмотрев дымоход, сосед дал совет: дымоход почистить, чтобы не случилось чего похуже. И поэтому в самом ближайшем времени Петр Петрович соорудил лестницу, обвязался веревкой и полез на крышу чистить дымоход. Странно, что в этом дымоходе была хоть какая-то тяга: ветки, из которых галки соорудили в нем свои гнезда, Петр Петрович выносил ведрами и мешками...

Очевидно, что это испытание огнем Свечкины выдержали. Но судьба уже приготовляла им следующее.

Как-то раз Анна Ивановна учила окрестных детишек рисовать (она была преподавателем рисования и

живописи еще в Москве и имела, кстати, свои многолетние наработанные методики). Дети приходили к ней с удовольствием и очень не любили потом расходиться после занятий. Но хочешь не хочешь, а идти домой все же нужно. И вот дети потихоньку расходятся по домам, к тому же в небе собирается гроза, а Анна Ивановна решила успеть до грозы прополоскать недавно постиранное белье и вышла во двор.

И вдруг страшный грохот буквально прибил ее к земле. Поднявшись, она почувствовала себя так плохо, что пошла в дом и легла на диван. Молилась и слушала, как кто-то невидимый за окном ломает с треском сухие макароны. Кто ломает? Где? Какие макароны, наконец?..

А через минуту к ней в дом стали прибегать только что ушедшие ученики с криками: «Пожар!..» Что было делать? Анна Ивановна собрала всех своих и соседских детей, они вместе встали перед иконами и начали молиться, кто как умел.

На этот раз пожар был реальным и очень близким.

Оказывается, страшный грохот, прибивший Анну Ивановну к земле, был разрывом шаровой молнии, которая зажгла хозяйственные постройки у соседей через дом от Свечкиных. Слава Богу, сам жилой дом не пострадал, поскольку окрестный народ весьма оперативно прибежал на подмогу. А треск макарон был треском пламени, сжигавшим шиферную крышу сарая.

Анна Ивановна поспешила вызвать пожарных (в доме Свечкиных не только все коммуникации были центральными, но еще и телефон имелся, что по тем временам было далеко нерядовым обстоятельством!). Пожарные приехали довольно быстро, но огонь тем временем тоже не дремал. Поэтому профессиональным борцам с огнем оставалось только залить пеной остатки догорающего сарая, составить акт о возгорании (или как там это у пожарных называется?) и уехать восвояси с чувством хотя бы частично исполненного долга...

Думаю, что все эти неординарные события ускорили решение Свечкиных освятить их новый дом как можно быстрее. Но кого еще было звать для этого важного дела, как ни своего духовника, отца Геннадия? Ведь именно с ним они

советовались, именно он
благословил их в конце концов на
переезд.

И вот день назначен, отцом
Геннадием взято всё необходимое
для освящения дома (святая вода,
свечи, карандаш, чтобы нарисовать
крестики на стенах – специальных
наклеек для этого дела тогда еще в
храмах не продавали), и Свечкины
везут своего духовника в Рогожино.

Места рогожинские отцу Геннадию
очень понравились. Но самое
главное – он был поражен домом.
Как только он вышел из машины и
пошел по дорожке, он с удивлением
воскликнул: «Так он у вас
кирпичный, капитальный!..» На это
Петр Петрович даже с некоторой
обидой возразил: «Батюшка, да ведь
мы же за него трехкомнатную
московскую квартиру отдали, да

еще и с бетонным гаражом!..» На что отец Геннадий несколько смущенно ответил: «Ну да, ну да... А я-то ведь думал, что он у вас бревенчатый, обычный деревенский домик...»

Позже в разговорах со мной Петр Петрович не раз вспоминал этот на вид незначительный эпизод, который для него, наоборот, стал весьма символичным. Поначалу вспоминал даже с некоторым возмущением: ну как он, умный человек, мог подумать, что московское новое жилье с гаражом они могут отдать за какой-нибудь деревянный деревенский дом? Что, если Свечкины, то обязательно окончательные идиоты?..

Потом его возмущение прошло, а в воспоминаниях появились элегически-ностальгические нотки:

вот какие были у нас духовники в то время! Для них, горящих подлинным духовным огнем, настолько неважным было материальное начало мира, что они попросту не знали рыночной стоимости того или иного объекта недвижимости...

Но прошли еще годы, и в воспоминаниях Петра Петровича появились нотки, которые, честно говоря, лично мне не очень нравятся и отчасти настороживают.

Смысл этих последних его размышлений примерно такой: наши духовники, горящие духовным огнем, и нас учили вообще не обращать внимания на материальную сторону. Но где они теперь, где это горящее поколение? Почти все они ушли рано, Бог прибрал их молодыми.

А теперешние отцы, вплоть до самых высоких, так сильно уважают богатых, так почтительны к возможным спонсорам и так порой невнимательны к нам, так и оставшимися бедными, что возникает вопрос: так чему же вы сами тогда нас учили? Разве я, Петр Петрович, не мог, вместе с тысячами других, стать в девяностые годы если не олигархом, то вполне состоятельным человеком? Ума, или уж во всяком случае хитрости, у меня бы достало. Возраст - сорок с небольшим - тоже позволял начать новое дело и новую жизнь. Но ведь я верил Евангелию и верил вам! Так почему же теперь я вижу порой это неподдельное почтение на ваших лицах, когда вы смотрите на богатого человека?..

Еще раз повторяю: мне эти мысли

Петра Петровича не нравятся и вообще - не близки. Ну да, мы видим несколько фигур олигархов из девяностых, которые все еще на плаву. А сколько их было расстреляно, сожжено, отравлено и просто закатано в асфальт? И ведь не рядовых стреляли, а тех, кто чего-то достиг! Кто посчитал эти бесчисленные жертвы периода первоначального накопления? И кто знает, от чего спас того же Петра Петровича его духовник, оберегавший его от занятий тогдашним российским бизнесом, в котором надо было обязательно воровать и убивать - или (в зеркальном варианте) быть обворованным и убитым?

В общем, как человек со стороны, я спокойно и доходчиво могу всё объяснить Петру Петровичу. Могу показать, в чем он заблуждается, и

как надо оценивать тревожащие его факты на самом деле с высокодуховной точки зрения. А про себя еще могу подумать при этом со сладким иезуитским сожалением, что вот испытания духовным-то огнем он, пожалуй, и не выдержал.

Но должен признаться, что когда я это делаю, мне иногда становится противно самого себя. Как некоего внешне благочестивого книжника или фарисея, что ли...

Потому что на самом-то деле я Петра Петровича понимаю. Я, как и он, знаю, что это такое – не иметь денег на самое необходимое для своей семьи, когда другие не знают, куда эти самые деньги девать. И поэтому бывает просто по-человечески больно. Потому что наши горящие духовники учили нас

правильно: к богатым надо относиться так же, как к бедным. А к бедным – так же, как к богатым. И потому что лицеприятие – это точно не евангельское понятие. Точнее – анти-евангельское. И когда эти качества и понятия вплетаются в современную церковную жизнь – это больно для верующего человека.

Но с другой стороны, духовная жизнь – это путь кризисов. А значит, легко все равно не будет никогда. И тут мы с Петром Петровичем согласны давно и крепко.

Вот только непонятно, когда каждому из нас надо смиряться до зела, а когда – восставать, не взирая на обстоятельства и лица...

Свечкины и стихия воды

Стихия огня, чтобы испытать
Свечкиных, избрала тактику
устрашения. А вот стихия воды
выбрала гораздо более
мучительный способ проверки. Она
решила Свечкиных измотать.
Причем, не своим присутствием, а
своим отсутствием.

В общем, если говорить не
высокопарно и не художественно, а
простым человеческим языком,
водопровод у Свечкиных был, да вот
только воды в нем не было.

Нет, ну конечно, не то чтобы совсем
не было, абсолютно не было. Она
была, конечно, только, мягко
говоря, не всегда. А точнее -
примерно с 12 часов ночи - и часов
до 6 утра. А иногда с половины
двенадцатого до 4-х. А иногда - с 2-х
до 5-ти. Ну и так далее по графику.
Вот только график ее присутствия

был блистательно непредсказуем и неведом, кажется, даже ей самой.

Лето 1994 года выдалось сухим и жарким. А поливать посаженные огороды, а особенно теплицы, если кто из горожан не в курсе, надо вовсю начинать уже с мая.

Естественно, и Свечкины, заделавшись новообращенными крестьянами, тоже развели огород. К тому же от Олега Яковлевича им достались две огромнейшие теплицы – отдельно для огурцов и для помидор. И все эти сотки сельскохозяйственной поросли надо каждый день поливать. А воды в кранах нет.

Завели несколько бочек, вставали ночью и заливали их водой про запас. Но этого запаса с трудом хватало, чтобы вечером полить теплицы и грядки. А жить? Ведь для

жизни тоже нужна вода! Жизнь, как нас всегда учили в старой советской школе, вообще на 90 процентов состоит из воды!..

Постепенно Свечкины начали терять терпение. Они поняли, что их обманули, ведь про отсутствие воды им никто ничего не говорил. Соседи на их возмущенные вопросы только пожимали плечами и разводили руками: да, вот уж эта беда у нас тут прямо-таки с самого начала... Уж что есть - то есть, а чего нет - так того уж нет (в смысле - нет воды)... Правда, и утешали, что воды нет только летом, а когда придет осень - всё опять наладится до следующего лета...

Анну Ивановну такие утешения не устраивали: она хозяйка, на ней лежит и готовка, и стирка, и много еще чего - как обойтись без воды?

Олегу Яковлевичу, который время от времени заходил в свой старый дом, чтобы забрать ту или другую вещь (он забирал эти вещи еще полгода или год), Анна Ивановна высказала все свои претензии. Петр Петрович ей поддакивал.

Олег Яковлевич признал, что такая проблема существует, но он согласен свой невольный обман как-то компенсировать. Ну, например – дать денег, чтобы устроить на чердаке большой бак, который можно наливать ночью и тратить днем. Ну или еще какой-нибудь такой проект осуществить, который поможет Свечкиным обходиться без водопроводной воды.

В дело включился риелтор, который занимался обменом Свечкиных. Он тоже предлагал свои проекты.

Например – вырыть скважину на участке и стать полностью независимыми от центрального водопровода. (Надо сказать, что чуть позже он действительно сдержал слово и устроил на участке Свечкиных скважину.)

Все эти проекты были сами по себе, абстрактно, может, и хороши, но все они Свечкиных никак не устраивали. Особенно Анну Ивановну. Потому что все они оставляли открытым один простой вопрос: а что это, простите, за центральный водопровод, если в нем воды нет?

И тут просочилась как-то еще одна важная, даже важнейшая информация: оказывается, в то же самое время, когда у Свечкиных и их ближайших соседей воды не было, у всех остальных в Рогожине

она была! И даже на соседней улице была, и люди там абсолютно не чувствовали долгими летними днями никаких неудобств! И спокойно поливали каждый вечер свои огороды, даже не осознавая своего тихого подмосковно-сельского счастья!

Тут уж у Анны Ивановны заговорило оскорбленное чувство справедливости и равенства. Почему у всех вода есть – и только у нас ее нет?

Собрали группу жителей, взяли старшего по улице (была тогда даже такая должность, хотя и неофициальная) и отправились к главе местной администрации. Глава (звали ее Валентина Дмитриевна) очень удивилась: как это нет воды? Да у нас в водопроводной сети постоянное

давление - 3-4 атмосферы! Никогда и ни от кого жалоб не поступало! Но возмущенные лица пришедших граждан говорили о другом: жалоба наконец поступила! Особенно всех тронул рассказ старшего по улице о том, что когда у всех его соседей уже нет воды, он спускается к себе в подвал и из подвального крана сцеживает еще с полведра драгоценной жидкости. Эта непридуманная деталь придала, видимо, окончательную убедительность этому обращению граждан.

Глава администрации обещала разобраться в самом скором времени. И действительно, через день-два на место происшествия (то есть на улицу, где жили Свечкины и их соседи) непоздним вечерком прибыла комиссия: глава администрации, кто-то из ЖЭКа, ну

и т.д.

Собрались и жители во главе теперь уже с Анной Ивановной (видимо, как самым заинтересованным лицом). Валентина Дмитриевна начала задавать вопросы руководству ЖЭКа. Руководство в ответ стало как-то неуверенно покачивать головой, пожимать плечами и чесать затылки.

В ходе дискуссии жители и начальство пришли к общему мнению, что неплохо было бы сейчас изучить план прокладки водопровода, чтобы, так сказать, угадать возможные слабые места. Но тут же кем-то из ЖЭковских руководителей было меланхолично замечено, что оно бы, конечно, неплохо было изучить, да вот только никаких планов отродясь

никто не составлял – как рыли, так и вырыли.

Хорошо, а кто рыл? Может быть, его призвать, чтобы пальцем хотя бы ткнул? Да в том-то и дело, что его призвать вообще нельзя – он то ли запил, окончательно и бесповоротно, причем, много лет назад, то ли вообще недавно помер от вселенской тоски и невостребованности...

Помолчали, поминая хорошего человека.

Дело принимало скверный оборот: из-за угла каждого дома таращилась неопределенность и безысходность. Но русский мужик, как известно, смекалкой силен. Ну ладно, раз все нужные люди запили или померли, давайте сами попробуем разобраться: что там

откуда и куда идет и где лежат эти самые необходимые летней порой трубы?

Несколько человек стали бродить окрест, изучая местность под кустами и деревьями. Наконец под одним из кустов обнаружили чугунный люк водопроводного колодца. Что за люк? А кто ж его знает! Стало быть, надо проверять. Старший по улице сбежал домой за ломиком, люк открыли. ЖЭковские начальники смотрели внутрь с задумчивыми лицами и на все вопросы загадочно не отвечали.

Вниз, внутрь колодца вели ступеньки. Внизу, в предвечернем солнечном свете, различались какие-то трубы и даже виднелся водопроводный вентиль.

Наконец кто-то из жителей не

выдержал и полез вниз. А когда слез - попробовал открыть вентиль. Вентиль был не закрыт. Но и не открыт. То есть, он вроде и был открыт, но так мало, что вода по нему практически не поступала.

Один оборот, другой, третий...

И вода пошла! Нет, не так...

И ВОДА ПОШЛА!!! И! ВОДА!
ПОШЛА!

...Надо ли говорить о восторге, охватившем всех присутствующих, включая главу?

Думаю, что надо.

Потому что у этого восторга каждого из присутствующих был какой-то свой, индивидуальный оттенок.

В восторге главы администрации превалировала радость оттого, что так быстро и легко была решена проблема с обращением граждан.

В восторге высоких начальников ЖЭКа превалировала радость оттого, что можно прямо сейчас пойти домой и больше не слушать возмущенных криков жителей и укоризненного голоса Валентины Дмитриевны.

Ну а в восторге жителей главной была радость оттого, что сейчас можно пойти домой и полить грядки. Не ночью, а вот прямо сейчас, в такой чудесный летний вечер. А потом взять, да еще и в душе помыться! Настоящее ведь счастье!

А в восторге Анны Ивановны... Но об этом чуть позже.

Возвращались по домам, что называется, усталые, но довольные. Кто-то даже вслух высказал мысль, которая так или иначе посетила всех: жалко, Аня, что вы к нам раньше не переехали! Ведь мы все эти пять или шесть лет каждое лето без воды мучились... (Всегда найдется человек, который вслух высказывает то, что вертится у всех на языке. Но они-то, другие, почему-то это не высказывают – а почему, как вы думаете?)

На несколько ближайших месяцев эта удивительная история стала, естественно, одним из главных семейных анекдотов Свечкиных. Что-то вроде того, как Анна Ивановна своих соседей от засухи спасала.

Смеялись от души все, кому эту историю рассказывали. Смеялась и

сама Анна Ивановна. Но в ее смехе очень скоро появилась некоторая горчинка. Петр Петрович прекрасно понимал, что именно не дает смеяться его жене полной грудью.

Ну да, русский народ терпелив – и это отличное качество. Он смирен, и это тоже прекрасно. Настоящий русский человек не побежит на площадь качать права по любому поводу. И вообще, все эти креативные протесты (тем более фальшивые и выдуманные!) ему глубоко чужды. И это само по себе замечательно!..

Но...

Но зачем же терпеть без воды пять лет, когда можно просто спуститься в колодец и отвернуть кран? Почему бы хотя бы не попробовать

это сделать?..

Вот это непонятно. И даже чуть-чуть больно.

Ведь у каждого качества есть разумный предел. И у терпения. И у смирения. И беспредельное терпение может быть столь же отталкивающим, как и безудержная смелость.

Нет и не может быть предела только у одного качества – у рассудительности. Ведь не случайно же святые отцы Православия именно добродетель рассудительности ставят выше всех остальных добродетелей.

И я так понимаю, что в этом случае Свечкины (а особенно Анна Ивановна) это качество продемонстрировали...

Друг человека Гуля и ее подвиги

Пришла пора рассказать о том самом щенке, которого Петр Петрович купил перед отъездом из Москвы в Рогожино. И который (которая) потихоньку превращалась во взрослую овчарку-азиата (лет через десять их в России начали называть исключительно алабаями).

Отличительные их признаки – отсутствие хвоста и ушей, которые купируются в самом нежном возрасте, поскольку собака эта изначально – пастушья и сторожевая, и встреча с волком или шакалом для нее – обыденная жизнь. Масти Гуля была песочной, на лбу – белое пятно, а по бокам по морде – две черные полоски, придающие ей виновато-кающееся

выражение.

Гуля была собакой умной и даже благородной, что она доказала всей своей последующей жизнью. Но по молодости, как известно, даже людей тянет на подвиги, порой не очень уместные для окружающих. Собаки в этом смысле тоже не исключение.

Когда Свечкины переехали в Рогожино, забор вокруг их участка был весьма условным, как и многое другое в их доме. А сажать на цепь четырехмесячного щенка, да к тому же - благородных кровей, Свечкиным как-то в голову не приходило. Поэтому под охраной Гули оказался весь участок в 12 соток. Под охраной и в распоряжении. Но кто из нас в детско-подростковом возрасте может пребывать всегда в границах

и не пытаться освоить окружающие просторы? Гуля не смогла.

Поэтому первым подвигом Гули была охота (и здесь врожденный инстинкт не подвел, что называется).

Как-то раз Свечкины вернулись из Москвы, куда они ездили на службу в свой храм каждое воскресенье. Вошли к себе на участок - и застыли изумленные: весь огород был запорошен снегом. И это в июле месяце? Поразило еще и то, с какой радостью и даже гордостью встречала их Гуля. Она как бы говорила: вы там молились, а я тоже не теряла времени.

Пригляделись - и поняли, что дело гораздо серьезнее атмосферной аномалии. То, что они приняли за снег, было куриными перьями

ослепительно белого цвета. А поскольку своих кур у Свечкиных тогда еще не было, стало ясно: Гуля в их отсутствие решила выйти на охоту. Отгрызть пару штакетин для молодых собачьих зубов было делом нескольких минут, а дальше...

Свечкины собрали всех жертв собачьей охоты и сложили в корзину. Их было пятнадцать. Проулок, где охотилась Гуля, был местом выпаса кур соседки Раисы Григорьевны, значит, надо было идти к ней. Раиса Григорьевна, увидев своих задавленных кур, резонно заметила своим новым соседям, что ее куры были живыми, а в этих, да еще задушенных несколько часов назад, она как-то не очень нуждается и вообще их в лицо не узнает. И ее можно было понять.

Пришлось Свечкиным
раскошеливаться, чтобы хоть как-то
компенсировать соседкину потерю.
Учитывая, что каждая копейка
была у них на счету, Гулина
удачная охота обернулась для них
серьезным убытком.

Наказывали за этой событие
главную виновницу торжества или
нет, Свечкины не помнят. Но
помнят, что Гуля поначалу никак
не могла взять в толк, за что ей так
строго выговаривают ее хозяева.
Так банально закончилась эта
удивительная охота. Надо заметить
ради справедливости, что она была
первой и последней в славной
собачьей биографии Гули. Видимо,
хотя желание быть добытчицей для
семьи всегда жило у нее в крови, в
конце концов она все же всё
поняла...

Но, конечно, приключения на этом не закончились. И следующее было вполне драматичным.

В те годы Рогожино было буквально заполнено самой разной живностью (подробно об этом расскажем чуть позже). Многие его жители разводили на продажу овец (то есть баранину). Даже не то, чтобы разводили, а брали молодых животных на откорм, растили их, а потом резали и продавали. Занятие явно было выгодным, поскольку занимались этим весьма многие хозяйства.

Но мясо продавцам надо было сдавать, что называется, в чистом виде, без потрохов. А куда их девать? Потроха закапывали в землю. Иногда - глубоко, иногда - не очень.

Итак, следующим Гулиным приключением была охота за потрохами. Как-то раз она принесла на двор целую кучу этой дряни, только что откопанной из весьма условного могильника. Конечно, опять получила выговор, а может, и взбучку, но беда была не в этом. А в том, что она уже успела попробовать на зуб то, что откопала...

Короче говоря, Гуля заболела. Понастоящему. Ветеринар Михаил Николаевич, благо он жил через несколько домов от Свечкиных, пришел быстро, но ничем не смог обрадовать. Собака либо выживет (и тогда на всю оставшуюся жизнь получит иммунитет от любых кишечных инфекций), либо умрет (и тогда никакой иммунитет ей уже не будет нужен). А лекарства? Да нет никаких лекарств, организм сам

должен справиться с этой заразой. Либо не справиться. Но что-то же надо делать, чем-то же можно помочь? Можно. Кормить ее только мелко нарезанными кусочками свежей говядины. Но это возможно тогда, когда она сможет хоть что-то съесть...

Говядина была тут же куплена, нарезана, предложена. Увы, Гуля на нее даже не посмотрела. Точнее, посмотрела, но с такой тоской, что стало ясно: всё дальнейшее собачье будущее еще под большим вопросом.

Гуля лежала почти неживая. Она лежала не шевелясь, и даже глаза открывать ей было тяжело.

Однажды, выйдя в огород, Петр Петрович увидел картину, которая, говоря высоким штилем, пронзила его чувствительное сердце: на

коврике лежит несчастная Гуля с закрытыми глазами, а напротив нее – свечкинский белый кот по кличке Котя. И не просто лежит напротив Гули, а положил свою лапку на ее мощную лапу и с состраданием смотрит на нее. Жалеет.

А ведь когда она была здоровой, Котя пулей пролетал мимо Гулиной будки, чтобы невзначай не получить трепку или колотушку! Вот как меняет нас болезнь, если мы все же в глубине души любим друг друга. И не только тех, кто болеет, но и тех, кто находится рядом с ними...

Петр Петрович смахнул непрошенную слезу и пошел дальше, по своим делам. А Котя остался лечить Гулю душевными средствами...

Но вот наконец произошло радостное событие, наполнившее семью надеждой: Гуля съела один кусочек мяса! А потом еще один. И еще... А потом встала и медленно, покачиваясь, прошлась по участку.

Молодой организм переборол недуг. Она поправлялась так же быстро, как и заболела. И вот, через три-четыре дня после кризиса, она уже снова смотрела на мир живыми глазами, снова подбегала к хозяевам и всем видом выражала свою преданность. И снова бросалась в погоню за Котей как только он появлялся в поле ее зрения. А он, если не успевал убежать в дом, спасался от нее на яблоне или вишне.

Куда делись любовь, забота и примирение? Наверное, туда же, откуда они на время спустились –

на небо...

...Но главной жизненной задачей Гули была, конечно, охрана дома и участка.

Один из основных факторов способности собаки быть сторожем – ее голос. Голос природа Гуле подарила редкий. Будучи собакой вполне средних размеров (в масштабах овчарок, конечно), Гуля обладала таким низким и мощным голосом, что когда она этот голос подавала, большинство окрестных собак (а собака была в каждом дворе, да порой и не одна) как-то стыдливо смолкали, как бы признавая ее первенство. Во всяком случае, первенство в деле подачи голоса.

С Гулиным голосом был связан еще один яркий эпизод. Как-то вечером,

почти ночью, Петр Петрович вышел во двор подышать воздухом. Мимо их дома как раз в этот момент проходили в ночной темноте двое мужчин. Очевидно, мужчины эти были не очень честного склада души и ума. Зная, что их никто не слышит, один громко и не слишком цензурно рассуждал о том, что неплохо бы и вот этих (то есть Свечкиных) как-то попроведать (то есть обворовать). На что его напарник, тоже не очень цензурно, воскликнул в том смысле, что у них такая собака, что он лично туда никогда не полезет - ему жизнь дороже. Надо ли говорить, что после этого нечаянно подслушанного диалога Петр Петрович полюбил свою верную Гулю еще сильнее...

Впрочем, не только голосом охраняла Гуля дом. Спустя полгода

или год, когда Гуля уже сидела на цепи (а на цепь ее пришлось-таки посадить из-за бесконечных претензий соседей, чью живность она время от времени пугала, вырвавшись в очередной раз со своего двора), произошел примечательный случай.

В Рогожино наведались цыгане по своим цыганским делам. Проходя по улице и заглядывая в каждый двор (а заборы были – обычный деревенский штакетник), они примечали, где что плохо, а где что хорошо лежит. Какой-то цыган помоложе и порезвее решил наведаться к Свечкиным. Было воскресенье, а значит, Свечкины были где? Правильно, в своем московском храме. За главного в доме была Гуля.

Увидев крадущегося в дом вора,

Гуля не стала терпеть этой наглости. Она рванулась посильнее, даже очень сильно, оборвала цепь и бросилась на нарушителя. Только молодость и профессиональная воровская привычка уносить ноги спасли молодого цыгана от тяжелейших травм. Да еще, наверное, обрывок цепи, который несколько тормозил стремительное движение средне-азиатской овчарки. По рассказам очевидцев, через забор молодой вор не прыгал, а буквально летел, подобно горьковскому буревестнику или чеховской чайке.

С годами Гуля становилась спокойнее и мудрее. И если за молодым Котей она, сама будучи щенком, носилась во всю прыть, то с Мусей (о которой речь еще впереди) они попросту ночевали вместе в собачьей конуре, когда

Муся припозднялась по своим кошачьим делам и не успевала вернуться в дом до того, как хозяева лягут спать и закроют дверь на ключ. С утра Свечкины могли иногда наблюдать весьма выразительную картину, когда выходили во двор: из конуры появляется заспанная Гуля, стоит, покачиваясь и позевывая, а через полминуты оттуда же выходит не менее заспанная Муся, и так же позевывает и покачивается. И даже пахнет она в такие минуты не кошкой, а исключительно собакой. Идиллия не просто родных, а еще и любящих сестер...

Венцом жизни Гули было то, как она эту жизнь закончила. Последний год она болела, у нее развивалась опухоль. Призванный Михаил Николаевич, осмотрев собаку, определил, что опухоль

резать нельзя, поскольку пожилое животное не вынесет тяжелой операции. Да и то сказать, Гуле исполнилось 12 лет; для собак этой породы – приличный возраст.

Этим летом (шел 2006 год) Свекины с двумя младшими детьми поехали отдохнуть за границу, оставив на хуторе родителей Петра Петровича.

А когда вернулись, сразу почувствовали: чего-то не хватает.

Не хватало Гули. Опечаленные родители рассказали, как было дело: несколько дней назад Гуля снова сорвалась с цепи и ушла. Ушла и пропала. Сколько дедушка ни разыскивал ее по улицам поселка и даже окрестным кустам и лужайкам – никаких следов не было обнаружено. Поиски более молодых

Свечкиных тоже не принесли результата. Позже Петр Петрович прочитал об одной из особенностей таких собак: умирать они уходят подальше от дома, так, чтобы их смерти не видели их хозяева.

Почему? Может, потому, что не хотят приносить любимым людям лишних страданий? Может, потому, что слишком горды и не хотят, чтобы люди видели их в слабости и агонии? Может, потому, что чувствуют: смерть – это самое личное, что есть в этой жизни? Кто знает...

Так красиво закончила свою честную собачью жизнь азиатская овчарка по имени Гуля. Которую все Свечкины очень любили и которую с удовольствием взяли бы с собой в другую жизнь, если бы это было возможно...

Светлое подольское будущее

А Россия тем временем, пока Свечкины осваивались в своем новом рогожинском житье, проходила свои страшные 90-е годы. Сейчас стало неким дикторским штампом называть их лихие девяностые. Но это название как-то стыдливо прикрывает и даже слегка облагораживает их настоящую сущность. А сущность их была – воровские девяностые, бандитские девяностые, предательские девяностые. Пока иуды на самом верху государства продавали и отдавали даром Россию ее злейшим врагам, всей остальной своре жулья было разрешено воровать и грабить собственный народ в чуть меньших размерах, соответственно чину. А либеральному отребью СМИ было

поручено прикрывать эти простые по своему содержанию процессы дымовой завесой песен и воплей о свободе, демократии и европейском пути. И делали они это, естественно, тоже не бесплатно.

Уехав из Москвы, Свечкины чуть не каждый день как будто получали зримое подтверждение правильности своего поступка. Но жизнь, как бы ты ни пытался от нее убежать или хотя бы отвернуться, никогда не позволит тебе этого сделать. И надо же было случиться, что именно в Подольске (а Рогожино было в Подольском районе, если мы еще не говорили) развернулась одна из самых характерных историй всех 90-х годов!

Впрочем, дадим слово самому Петру Петровичу. Он про эту

историю написал очерк (назвав его социально-психологическим этюдом) и опубликовал в том самом журнале, где тогда работал.

Публикация была в 1995-м, а сама история происходила на год раньше. Поэтому читатель должен делать поправку на уровень цен того времени.

Итак, вот что написал тогда Петр Свечкин:

Светлое подольское будущее

Кончилась эта история классически-банально: тысячи людей легли спать, подсчитывая в уме свои миллионные барыши, а наутро их ожидало тяжкое и безысходное похмелье. Двери фирмы, делавшей их в одночасье богачами, оказались вдруг дверями в никуда и в переносном, и в самом

прямом смысле. А по опустевшим коридорам обшарпанного и заплеванного здания гулял ветер, да гудели многоголосые проклятья организаторам такого небывалого – и такого неверного счастья... И эта банальная история не заслуживала бы нашего внимания, если бы нечаянно не нарисовала коллективный портрет – нас самих и нашего времени.

Но и начало истории было классическим по внешней достоверности: при Подольском электромеханическом заводе в 1993 году возникла скромная конторка по продаже швейных машин. Название у нее было странноватое – «Властилина». Почему не властелинка или властелинша, а именно властилина, да еще и через И?

Да какая разница? Делом контора занималась понятным и простым: продавала подольские швейные машинки за полцены. Деньги сдаешь сегодня, товар выдают через месяц. Все довольны, ведь машинки-то те же самые! Это пусть дураки их в магазинах за полную стоимость покупают!

Желающих поучаствовать в бизнесе оказалось немало. И маховик счастья стал набирать обороты.

А весной 1994 года «Властилиной» был сделан принципиально важный шаг, а точнее даже – скачок: от маленьких швейных машин к машинам большим. Легковым. Автомобиль за полцены – это уже было серьезно для всех и для каждого. Для тех, у кого машины нет – реальная возможность ею, наконец, обзавестись. Для тех, кто

ездит на старом авто - забрезжила перспектива пересесть на новое за те же деньги. Еще для тысяч других - купить за полцены, чтобы продать за полную цену. Лови момент, делай из воздуха за два-три месяца тысячи и десятки тысяч долларов!

К лету 94-го подмосковный Подольск стал самым популярным городом в нашей стране. И это при том, что не было рекламы по ТВ, не печатались объявления в газетах. Зачем? Ведь еще Пушкин (ну как без него?) в «Борисе Годунове» говоривал, что мы сильны не войском и не польскою подмогой (насчет первого - бывает по-разному, насчет последнего - уж точно!), а мнением, да, мнением народным! А народное мнение уже вынесло непререкаемый вердикт: «Дело это верное!». И не нужна стала больше никому никакая

реклама.

Но реклама (настоящая, жизненная, а не тошнотворно-телевизионная) все-таки была – сотни и тысячи потных, усталых, нервных людей, получающих вожделенные ключи от машины вместе с новенькими авто в придачу. Каждый день тех, чья очередь подошла, усаживали в автобусы и везли в Москву за машинами. Четыреста, шестьсот, восемьсот авто в день приобреталось через «Властилину». Подольское ГАИ стало местом паломничества покруче Мекки: люди ждали в очереди по две-три недели, чтобы поставить новенькую машину на учет.

А дело тем временем набирало обороты. Появился, как любили говорить в дефицитные советские

времена, новый вид услуг. Теперь человек мог сдать деньги, чтобы через месяц-полтора получить назад тоже деньги. Только, естественно, в двойном размере (доходность не 10% годовых, а 1000!). Людям, которые покупали машины в целях спекуляции, этот вид услуг пришелся по душе: процесс зарабатывания денег из воздуха упростился до предела (точнее – до беспредела).

Впрочем, для людей солидных тоже открылись новые горизонты: фирма начала собирать деньги на строительство квартир, домов и коттеджей. Путь от швейных машинок до недвижимости был пройден в рекордно короткий срок – за год с небольшим.

Дело росло. И вот уже сдающая деньги очередь, которая раньше

входила в заветное здание и разбегалась по окошечкам («Жигули», «Москвич», «Волга», «Таврия»...), выстраивается в грязи перед домом, и кто-то с крыльца командует в мегафон-«матюгальник» порядок дальнейших действий. И вот уже рядом с очередью появляются в изобилии тихие люди, которые могут помочь сдать твои деньги, минуя эту самую очередь (естественно, за определенную мзду).

Словом, ситуация обрастила такими привычными (и такими знакомыми для нас!) аксессуарами, характерными для любой кормушки что советского, что постсоветского времени. И эта привычность и знакомость тоже придавала сей картине убедительность и достоверность. До тех пор, пока в

одно прекрасное осеннее утро
(прекрасное, правда, лишь для тех,
кто не доверял своих денег
«Властилине») из-за сверкающих
дешевым золотом декораций вдруг
не появилась рогатая, нагло-
хохочущая харя.

И тут-то все сразу поняли...

А что, собственно, поняли?

=====

У меня не возникает сомнений, что эта афера была организована на достаточно высоком уровне.
Возможно когда-нибудь, в какой-нибудь академии воровских наук по этой теме будут защищаться диссертации (а может, уже и защищаются). По слухам Валентина Соловьева, хозяйка «Властилины», увезла с собой куда-то в прекрасное далеко то ли семь, то ли десять, то

ли семнадцать триллионов рублей
(в ценах 1994 года).

Но дело даже не в величине суммы. Точнее, сама сумма - показатель масштаба этого бизнеса. И поверить, что заправляла всем одна женщина, что она спланировала, организовала, а потом направляла это мощное и мутное движение, не способен, кажется, даже школьник. Были, стояли за ней наверняка люди, которые просто не хотели такой всенародной славы, которая осенила главу Соловьевой. Эта слава просто была им не нужна.

Да и сама дерзость, с которой делалось дело, тоже о многом говорит. Воришки рангом поменьше уже где-нибудь на первых миллиардах посчитали бы себя обеспеченными до конца дней и не стали бы дальше искушать судьбу.

А тут счет идет на триллионы, подольская милиция вовсю участвует в разработке неожиданного клондайка (о ее роли мы еще упомянем), город наводнен бандитами, слетевшимися как всегда на дурные деньги, огромные столичные заводы привозят миллиарды, чтобы заработать на выплату зарплаты для рабочих, лица кавказской национальности рвутся без очереди, чтобы поскорей сделать свои пачки денег вдвое толще - а мы поверим, что хозяйка, зная, чем обернется для нее разоблачение, обладает такой сверхчеловеческой выдержкой, что не останавливаясь играет на повышение?

Нет, не поверим. Мне, во всяком случае, в это не верится. Просто настоящие хозяева дела так от начала до конца и остались в тени.

Но именно они-то и планировали, именно они и имели настоящую информацию. И когда наступил день-икс, кто-то кому-то просто сказал: «Всё». И «Властилины» не стало. Так, как будто и не было никогда.

Но что-то мне кажется, что организаторы «подольского счастья» рано или поздно нам откроются. Ведь все-таки им есть чем гордиться, говорю это безо всякой иронии. Не тем, конечно, что смогли заранее смоделировать ситуацию, или сумели вовремя перевести деньги в безопасное место. А тем, что смогли понять психологию масс, что услышали и использовали в своих целях пусть невысказанную, но пламенную и непреодолимую мечту трудящихся...

=====

Мы разговариваем в начале лета 94-го года с моим соседом по Рогожину, крепким хозяином и настоящим работником, день у которого начинается в пять утра. Жена - школьная учительница, дети получают образование и становятся на ноги.

- Приехал я в Подольск, дай, думаю, гляну, что за контора такая хитрая. Из машины вышел, а навстречу - школьный товарищ, Витька: «Славик, почему я тебя здесь впервые вижу?..» Оказывается, он давно уже тут крутится и внутрь без очереди вхож. «Давай, немедленно тащи деньги хотя бы на «Москвич», а если напряжемся, я тебя потом на «Жигули» перепишу! А захочешь - деньги будешь растить, мы тут все уже прилично заработали!» Сели с

ним, побалакали, поделился он, как и что делается. Завтра повезу ему деньги, глядишь, хоть машина будет новая, этой-то уже одиннадцатый год... Я, конечно, много времени потерял. Вон Леха, занимал у меня три месяца назад два миллиона, а теперь уже четвертый «Москвич» получает. У нас тут в Рогожине кто по двадцать, а кто и по шестьдесят миллионов заработал...

Я поинтересовался, на чем все же основана такая потрясающая благотворительность?

- Во-первых, наша инфляция. За полтора месяца деньги твои и так вырастут, если их по-честному индексировать. А эти люди не просто индексируют - они их крутят в банковской системе, а это - сам понимаешь... Да и машины, конечно, они не за полную

стоимость покупают, есть свои каналы...

(И так думали все, кроме тех, кто знал дело изнутри. Но оказалось, машины «Властилина» покупала именно за полную стоимость. Чтобы потом продать своим клиентам за полцены. Слухи об этом как-то глухо проскользнули в печати к концу лета 94-го и меня, следившего за этой историей, насторожили сильно. Но происходили ведь и совсем удивительные случаи: люди сдали по 4 миллиона на «Москвич», подошел срок получать, а «Москвичей» нет. Зато есть «Жигули», стоившие для клиентов фирмы 7 миллионов. Но путем каких-то странных перерасчетов оказывается, что за «Жигули» не только не надо ничего доплачивать, но еще каждому причитается

«сдача» по миллиону с лишком! Ну, разве не доказательство честности фирмы, торгующей аж себе в убыток, только чтобы нам было хорошо?..)

- Всё это уже было в других странах, - увлеченно продолжает мой сосед. - В Польше таких контор много было, первые участники этих игр помногу наживали. Потом люди раскусили, массой хлынули, доходы упали, всё само собой закончилось...

(Не знаю, как там было в Польше, но точно понятно, что принцип «пирамиды» мой собеседник тогда еще не понимал.)

- Надо успеть хоть что-то заработать. Денежки-то я люблю. Не то чтобы очень большие, у нас такие и деть некуда. А такие

деньги, чтобы свободно жить и копейки не считать...

(Ну да, ведь деньги – это чеканная свобода, как сказал кто-то из основоположников. Не Маркс ли, живший на содержании у своего друга-богача Энгельса?)

И так как мой сосед рассуждали все. И об инфляции, и о прокрутке денег в банковской системе, и о машинах, доставаемых подольской конторой за полцены. И о том, что со временем доходы упадут сами собой и можно будет вовремя выйти из игры. И логика рассуждавших понятна: сдав в чужие руки свои кровные, надо успокоить себя, убедить в верности совершенного шага. Но и главная идея тоже была у всех одна: «Деньги я люблю. Они дают свободу».

Забегая вперед, скажу, что никакой свободы мой собеседник не приумножил. Не успел. Все его деньги - 10 миллионов, заработанные тяжелым трудом всей семьи за год или полтора - сгорели. Пришлось туже затягивать пояс и заново достигать того, что уже было достигнуто.

(Когда он пришел в назначенный срок за положенными двадцатью миллионами, ему сказали, что деньги временно не выдаются - очень большую сумму взял в долг банк «Гермес». Деньги будут через две недели. Но можно прямо сейчас записаться на новый виток. Тогда через четыре недели он получит уже сорок миллионов! И он записался - ведь богатство само текло в руки...)

И все же сосед отделался

сравнительно легко. Он не влезал в долги, не продавал машины, а еще хуже того - квартиры или дома. А ведь были и такие, и немало. Впрочем, почему были? Они и сейчас пытаются отдать долги, в которые влезли в надежде на будущую свободу...

Понятно, что деньги в той или иной степени любят все. Или, во всяком случае, желают иметь. Именно как воплощение свободы. Свободы жить на широкую ногу и плавать на собственной яхте и летать на своем самолете. Или свободы купить своим детям полкило колбасы и триста грамм масла. Но ведь не все же, чтобы приумножить свои сотни, тысячи и миллионы, станут играть в рулетку?

Увы, оказывается, почти все. Безбородые юнцы и убеленные

сединами старцы, бездельники-алкаши и люди с трудовыми мозолями, представительницы всех видов и типов прекрасной половины человечества - и строгие стражи порядка...

(О стражах порядка я обещал упомянуть особо. Очень знающие люди рассказали такие подробности: когда «Властилина» перешла на раздачу автомобилей, ею заинтересовалась подольская милиция, навела какие-то справки. Было понятно, что налицо мошенничество в особо крупных. Что было делать? Прикрыть лавочку в самом начале, чтобы тысячи людей не понесли убытков, чтобы не было этих тысяч драм?

Но что бы с этого поимели стражи? То-то и оно... А потому был выбран компромиссный вариант: к dame в

контору привели своего человека, посадили за отдельный стол и сказали, чтобы машины для них делала только через него. И все стали работать дальше, дальше и дальше, поскольку аппетит приходит во время еды. И всё закончилось так, как закончилось...)

Да, много их было – тысячи, десятки тысяч людей. А возможно, и сотни тысяч – ведь в игре участвовали громадные предприятия, учреждения, организации. Когда-нибудь, наверное, узнаем и точное число участников этой аферы десятилетия.

Но вопрос-то вдругом: на чем же нас все-таки ловят организаторы подобного счастья? Где лежат глубинные корни и причины

подобной эпидемии
сумасшествия?..

Светлое подольское будущее. Выводы

На чем нас ловят? Тут, наверное, не одна причина.

Но причина первая, главная и основная лежит, конечно, в духовно-нравственной сфере. Это – повсеместное и привычное нарушение людьми самой изначальной заповеди, данной Богом еще Адаму: «В поте лица будешь есть твой хлеб». В наш век тотальной апостасии пренебрежение этой трудной и скучной заповедью стало естественным для большинства людей, в какой бы стране они ни жили. Стирание границ между добром и злом, процесс отмены

этих самых понятий лишает человеческую душу трезвости и способности оценить собственные поступки.

Есть и еще одна общечеловеческая причина (чуть не написалось «ценность»), на этот раз психологическая – азарт.

Участвовать в игре, испытывать судьбу, рисковать, но при этом обязательно выигрывать (пусть другой проиграет!) – тоже общая страсть всех людей и, похоже, страсть неизлечимая.

Но существуют и особые, специфические причины сногшибательного успеха подольского феномена. Одна из них, если можно так выразиться – социально-историческая. После 1985 года большевистская пропаганда, до этого кормившая

нас сказками о светлом коммунистическом будущем, не мудрствовала лукаво, а просто поменяла плюсы на минусы в своей системе ценностей (если всю эту шелуху можно называть ценностями). Взамен коммунистического мы услышали о светлом капиталистическом будущем. Будущем, где сами собой разрешаются все социальные, политические, экономические и культурные проблемы. Невидимая, но справедливая рука рынка сама всё расставит на свои места – сколько тысяч раз мы слышали это молитвенное либерально-демократическое заклинание?

В этом будущем не было бедности, несправедливости, войн, преступности, зато (как в Америке!) текли в кисельных берегах полноводные молочные реки.

И опять поверил новый советский человек (не все, конечно, но в массе своей!) этим новым-старым большевикам. И верил год за годом, хотя видел вокруг себя прогрессирующую нищету, ложь, несправедливость, безнаказанность бандитов, национальную ненависть, то и дело доходящую до пролития крови.

Но ведь если они нам говорят о светлом капиталистическом будущем, где-то же оно должно скрываться? Откуда-то же, из какой-то захоронки должно появиться? Ведь не могут же они нас снова, в третий раз за один век (революция, Вторая Мировая, перестройка), так страшно и бесстыдно обмануть? Так не это ли первый - пока только подольский - росток завтрашнего всеобщего благоденствия, когда всего будет

навалом (как в Америке!) и всё будет за полцены?

Наверное, не только наше общество проходило через этот психологический и социальный соблазн. Впрочем, для тех, кто сегодня и здесь лишился всех своих денег, ссылка на чужестранный опыт – слишком слабое утешение...

Но есть и совсем уж особенная, уникальная причина конкретного массового помрачения умов. И кроется она, как это ни парадоксально, в нашем национальном духовном и умственном складе, или, выражаясь научнообразно, в менталитете.

А именно – русский человек верит в чудо. Русский человек на генном уровне знает, что чудо должно быть, что оно есть, случалось в

России уже тысячи раз и спасало людей, народ, а то и целую страну в ее государственном бытии.

В условиях сегодняшнего безжалостного и беспардонного ограбления всего народа во имя богатеющих «десяти тысяч» не чудом ли для всех была эта контора, где и сами зарабатывают, и другим дают заработать?

Видимо, чудом. А чудо, как точно знает русский человек, не может обмануть.

И вот эта русская, российская надежда на чудо, вера в него – подвела. Потому что объектом веры и надежды было не Небо, не Бог. Объектом веры и надежды были люди и случай. Но люди оказались лжецами, а потому и случай – не случился.

«Проклят надеющийся только на человека».

=====

Через месяц-два после бесследного и бесславного исчезновения подольского феномена у меня произошла встреча, которая осветила всю эту историю с другой стороны.

В подмосковном Троицке ко мне в машину подсел совсем молодой человек в меховой куртке, спешащий на свою фирму в центре Москвы. Исходило от него какое-то плохо скрываемое презрение ко всему миру, ну и ко мне в том числе (причина выяснилась чуть позже). Но - бывает такое и с молодыми людьми - после вчерашнего перепоя на чьем-то дне рождения у юноши прихватило сердце.

Пришлось отпаивать его валидолом, который он в свои двадцать четыре впервые взял в руки и, кажется, даже впервые увидел.

Постепенно атмосфера потеплела и завязался разговор. Я узнал, что дела паренька, до этого бывшие блестящими, теперь пошли плохо. Так катастрофически плохо, что придется даже с хорошей модели «БМВ» в ближайшее время пересаживаться на отечественную «девятку». Тут наконец открылась причина его презрения: «Но ты-то как мог купить себе «Москвич»? Ведь это же не машина! Поверишь, я когда в нее сажусь случайно – меня даже тошнить начинает!..» Говорилось это вполне беззлобно и простодушно, без всякой цели меня обидеть.

Рассказал юноша и о том, что

преклоняется перед людьми, умеющими делать деньги из воздуха. Тут уж само собой заговорилось и про подольское чудо. «Я ее знаю. Умная баба, молодец. Конечно, за ее спиной серьезные люди стояли, но и она свое дело сполна сделала», - таково было мнение будущего бизнесмена. И уже перед самым расставанием, зная, что такая встреча, конечно же, не повторится в бескрайней Москве, паренек, сунув мне в руку до неприличия мелкую купюру (о которой я, впрочем, его не просил), выплеснул свое самое глубинное и заветное: «Да чего уж скрывать – я сам такими же делами занимаюсь. Потому что этот народ – быдло. И его надо учить.

Ну, бывай здоров...»

И тут я понял, что мне

посчастливилось вживую услышать философию всех их, пытающихся жить за наш с вами счет: «Быдло надо учить». И не просто философию. Это, конечно, еще и моральное обоснование своего способа жизни и деятельности. Ведь, действительно, причинить зло доброму, умному, честному не так уж и приятно, а вот научить быдло – не просто право, это обязанность и священный долг каждого настоящего человека!

Вы скажете, что это шаткое основание? Как посмотреть. Оно бы было шатким, если б юноша был уж совсем неправ. Но в том-то и наша беда, что пусть на малую каплю, но прав он. До тех пор, пока мы будем считать, что заповедь о трудовом хлебе писана не для нас, что не для нас существуют понятия лжи и правды, добра и зла, до тех пор,

пока мы будем духовными
слепцами, любой мелкий и крупный
жулик (в сущности, такой же
духовный слепец, не
подозревающий, да и не желающий
знать, что за воздаяние ждет его от
Бога) может бросать нам в лицо:
«Быдло!» И от того, что мы с
полным правом можем ответить им
тем же, разве может нам стать
легче? От того, что все вокруг
черненькие, мы не становимся
белее...

=====

Но каково же послевкусие всей
этой подольской истории?

Горькая оскомина тех, кто потерял
свои деньги, понятна. Да и без
подлинных семейных драм,
наверное, не обошлось.

Были массовые народные сборища,

были слухи о кавказцах, которые грозятся отомстить Подольску и его жителям вплоть до объявления войны и уничтожения детей (любопытно, при чем здесь город Подольск и его дети?), были рассказы об инвалиде-колясочнике, которого в последний день внесли на второй этаж и который сдавал лично хозяйке 16 миллионов, а она их приняла недрогнувшей рукой, зная, что завтра будет уже далеко (но ведь и инвалид был быдлом, которое надо учить!)...

Много чего было.

А самое главное - были и продолжаются повторяющиеся мысли тысяч и тысяч людей: «Ну почему, почему я раньше игру не закончил?.. Ведь были уже в руках десять (двадцать, шестьдесят) миллионов! Столько заработано

было – как же я не остановился
вовремя, дурак?..»

Эти мысли еще долго будут
царапать сердце.

Но раскается ли хоть кто-нибудь: «А
зачем я вообще играл? Неужели
забыл, что даром в жизни ничто
никогда не дается?..» Но скажет ли
хотя бы один: «Слава Тебе, Господи,
вразумил меня, грешника!..»

Что ж, не исключено. Все же
похмелье, как бы оно тяжело ни
было, хорошо одним – похмельный
человек как-то ближе к раскаянию.
Кто испытывал настоящое похмелье
после сильного перепоя – тот
понимает, о чем я.

Но откроем газеты, включим радио
или телевизор – и что услышим?
«Автомобили за полцены через 40,
50, 60 дней!», «Самая дешевая

«Волга» через год (!), два (!!), три (!!!)...

И что – ничего не случилось, не произошло, никто ничего не заметил?

Нет. И никаких моральных и иных выводов о коротком подольском счастье мы с вами не услышим, дорогие россияне. Потому что кому-то это не выгодно. Кто-то еще не ограбил нас до конца. А если и ограбил, то не всех.

Ну а мы-то сами? Кто заставляет нас, свободных, в общем-то, людей, изо дня в день оставаться быдлом? Кто заставляет верить, что булки растут на дереве, что Луну делают в Гороховой улице (как делали ее в гоголевских «Записках сумасшедшего»), а все наши авто выпускают где-то в глубине дворов

возле Подольского (Одинцовского, Мытищинского)

электромеханического завода? Кто заставляет привычно крутить ручку телевизора и поглощать центнеры и тонны лжи, которой нас кормят?

Кто заставляет верить в светлое будущее (коммунистическое, капиталистическое, подольское – какое угодно, наконец!), когда каждого из нас ждет абсолютно реальная, совершенно неизбежная личная смерть и главная встреча лицом к лицу? С чем мы придем к концу и что скажем и покажем в качестве оправдания?

Конечно, лучше быть обманутым, чем обманщиком. Сумасшедшим, чем тем, кто сводит с ума. Но все же, все же...

Безумство безумству рознь.

«Сказал безумец в сердце своем: нет Бога». Этот самый страшный вид безумия влечет за собой все наши беды. Потому что если Бога нет, то всё позволено, по слову Достоевского. А если всё позволено, то грабить, а потом и убивать будут нас, а не кого-то другого, уж поверьте.

Но не пора ли нам самим выйти из этого всеобщего желтого дома?

И не пора ли понять, что любая пирамида – это не место обогащения, а всего лишь способ захоронения?

Не пора ли наконец понять, что не конь везет, а Бог несет?

Мне кажется, пора.

POSTSCRIPTUM

Я уже говорил, что заметки эти Петр Петрович писал два десятилетия назад, что называется, по горячим следам. Что-то было угадано, а что-то...

Впрочем, по порядку.

Валентину Соловьеву арестовали в июле 1995-го в Москве. Следствие шло до 2000 года. Осудили за мошенничество на семь лет, но в очень скором времени – выпустили, так как она отсидела уже значительную часть срока во время ведения следствия. Досрочно освободить ее старался Павел Астахов, тогда начинающий адвокат-правозащитник (защищал он потом и американского шпиона Поупа, и В. Гусинского, и много кого еще). После досрочного

освобождения Соловьева снова
пыталась организовать автомобили
за полцены (видимо, бизнес
пришелся по душе!), через
несколько лет была арестована
вторично.

Стоял ли за ней кто-то из
тогдашних высокопоставленных
чиновников? Учитывая, как трудно
шло следствие, как тормозилось
неоднократно даже дело ее ареста –
очевидно, да. Но кто? Эти люди до
сих пор (и через двадцать лет!) не
открылись, в этом Петр Петрович
ошибся. Зато теперь известно, кто
был клиентом Соловьевой. К ней в
Подольск собирался весь
московский бомонд от Пугачевой и
Киркорова до Шифрина и Бабкиной.
Чего ради? Слушать байки
женщины с неоконченным средним
образованием? Вряд ли. Впрочем,
человек слаб, это давно известно.

Но самый удивительный факт не в том, что истинные организаторы не открылись, а в другом: деньги, украденные Соловьевой у своих клиентов, не нашлись. Канули бесследно. В сущности, это и есть главное косвенное доказательство того, что она была не одна и она была не главная во всем этом деле.

Но может показаться, что подольская «Властилина» была в те годы чем-то исключительным? Как бы не так! Таких, более или менее успешных, контор были тогда десятки. Все закончили одинаково, поскольку все и создавались в качестве финансовых мошеннических пирамид. Но над всеми, в недосягаемой вышине – конечно, «МММ» Мавроди. Если Соловьева каждый вечер считала деньги коробками и ящиками (даже пересчитать пачками не было

времени!), то в «МММ» деньги ежевечерне считали комнатами...

И что же? Все прошло бесследно или все же оставило какую-то зарубку в сознании и в душе наших граждан?

А попробуй, загляни в эти души и в эти сознания. Просто хотелось бы верить, что такого неловкого, такого глупого, такого массового и стыдного безумия больше не будет. Но, как говорит в подобных случаях один мой приятель, больше, может, и не будет - а меньше? И я каждый раз замолкаю в нерешительности, потому что, честное слово, не знаю ответа...

Свечкины и животный мир

А новоиспеченные рогожинцы Свечкины тем временем вживались

в свою частную полукрестьянскую жизнь.

Я уже говорил, что в первое утро Петра Петровича разбудило гоготание гусей. Но разве только гуси жили тогда, в середине девяностых, в Рогожине! Обилие братьев наших меньших просто поражало недавних столичных жителей.

Ну, гуси само собой. Их большие стада важно переваливались по улицам и проулкам Рогожина, строго оглядывали каждого встречного, а кое-кого норовили ущипнуть за штанину или ногу в чулке. Зато на Пасху Свечкины могли купить у соседей и покрасить такой величины яйца, что знакомые московские священники впадали в ступор, рассматривая гигантские красные свидетельства

Воскресения Христова.

Про кур отдельно нечего бы и упоминать. Куры были практически в каждом хозяйстве, за ними летом особо не следили, они, как и гуси (и утки!), гуляли сами по себе, к вечеру собираясь на любимые насесты родных курятников. Правда, хозяйки как-то умудрялись собирать их яйца, не особо их теряя по проулкам и закоулкам.

У многих хозяев бывали кролики. Но именно бывали. Кролик, как известно, более тонкая животная материя, чем куры или гуси. При всей своей неприхотливости, а главное - вошедшей во все поговорки плодовитости, кролики всегда имели один существенный изъян: многочисленные болезни, которым они подвержены, буквально выкашивали всё их

поголовье под корень. И тогда приходилось просто собирать подохших животных в корзину и закапывать где-нибудь подальше от жилья, неся материальные и моральные (жалко же животину!) убытки...

Но королевами домашнего животного мира во все времена были, конечно, коровы. Буренки, Зорьки и Машки. Со звездочками во лбу и без звездочек, с чулочками на ногах и без чулочек, но от этого не менее любимые и лелеемые. Еще бы! Ведь корова - это не какая-нибудь безымянная и почти не имеющая личности курица! (Хотя, надо сказать, и среди кур встречались удивительные экземпляры, а уж петухи все как один были наперечет, и характер каждого надо было учитывать, входя в чужой двор.)

Корова была кормилицей, а иногда – почти подругой хозяйки, которая за ней ходила. Ее огромные влажные, слегка печальные глаза смотрели тебе прямо в душу, все понимая и все заранее прощая. И от этого прощения заранее они, эти глаза, становились еще роднее и ближе. Потому-то многие хозяйки, когда наступала-таки пора резать на мясо постаревшую корову, не только не участвовали в этом событии, а попросту уходили со двора, чтобы случайно не услышать предсмертного тоскливого крика своей любимой Ласточки...

Когда Свечкины переехали в Рогожино, почти у всех их соседей были коровы. И у Антонины Васильевны, и у Раисы Григорьевны, и у Тамары Геннадьевны, и у Чепуренок, и у Ковалей, в общем – во всех

окрестных домах. В таком положении Свечкины спокойно могли даже выбирать себе молоко по вкусу: это пожирнее, но с легким специфическим привкусом, а это не такое жирное, зато - абсолютно душистое и даже сладковатое.

Стада коров в Рогожине впечатляли. Подъезжающий путешественник мог видеть, как на двух лугах по обеим сторонам дороги пасутся два стада: по левую сторону - коровы из личных хозяйств в количестве около семидесяти, а то и больше, по правую руку - совхозные коровы, которых было и вовсе под сто (и то была лишь малая часть бывшего совхозного, а ныне все же полугосударственного стада!).

А кроме того, в частном стаде паслись многочисленные овцы и

бараны, козы и козлы – эти выдающиеся представители домашней живности. Говорю безо всякой иронии – ведь как правило именно козел был предводителем всего объединенного стада – козьего, овчьеого и коровьего. И все животные, включая самых норовистых коров, признавали безоговорочно главенство этого рогатого, задиристого и весьма пахучего зверя. Конечно, происходило это главенство в отсутствие главных гигантов и авторитетов крестьянского мира – быков, но быки, как известно, в общем стаде никогда и не пасутся.

Так что очередному пастуху (а пасли стадо все хозяева коров или овец по очереди) приходилось весьма непросто весь день поддерживать порядок в таком разномастном и

разнонаправленном сообществе.

Свекиных, конечно, все эти проблемы выпасов не касались. До поры до времени. Потому что на втором году рогожинского бытия как-то так получилось, что нашим недавним москвичам почти насильно подарили козу. Коза была молодая и необычная. Звали ее Асолька.

Асолька была настоящей белоснежной красавицей, и, кажется, это ясно понимала. Породы она была зааненской, и потому у нее не было никаких, даже самых маленьких, рожек. Впрочем, отсутствие рожек не мешало ей вполне профессионально бодаться своим крепким козым лбом. Зато шея была длинная и тонкая, как у косули или лани, и этой шеей она очень грациозно вертела. Но при

всей своей красоте, которую Свечкины признали сразу и безоговорочно, Асолька давала в день три литра самого прекрасного и душистого молока!

Но что значит «давала»? Молоко это у нее надо было взять! Причем два раза в день, утром и вечером. Доить Асольку попробовали сразу и Петр Петрович, и Анна Ивановна. Петр Петрович вообще привык, что нет и отродясь не бывало такого дела, которого он не может сделать. Даже если сделать и не очень хорошо – то хоть как-то, хоть кое-как, в конце концов. Да и что тут особенно сложного – берешь козу за вымя и начинаешь тянуть за соски. Делов-то!..

А вот ведь не заладилось. Не текло молоко из козьего вымени под руками Петра Петровича. Не хотело

течь, хоть ты убейся. И пришлось Петру Петровичу отступиться от этого дела не солено хлебавши.

Зато Анна Ивановна только присела к Асольке - и как будто всю жизнь ее доила! Минут пятнадцать - и полная банка молока стоит на столе.

В общем, одна коза у Свечкиных уже образовалась. Но в том-то и дело, что коза ужасно не любит жить в одиночестве. Ей нужна подруга. То есть, другая коза. Об этом говорили в один голос все знакомые и соседи, имеющие опыт общения с этими весьма самобытными существами. К тому же держать двух коз было не в два раза тяжелее, а практически так же, как и одну. Заботы-то всё те же, только корма надо чуть побольше.

Удивительно, но как только Свечкины стали сыкаться с мыслью о необходимости второй козы, тут же стало известно, что в одной деревне километрах в пятнадцати от Рогожина коза как раз продается. И по очень сходной цене. Свечкиным, чтобы не вызвать недоуменных взглядов знакомых, ничего не оставалось делать, кроме как сесть и поехать в эту деревню.

Коза была тоже белой масти, но уже не зааненская. Рога у нее были хоть и внушительные, но нрав весьма спокойный, а под ушами висели очень симпатичные сережки. Звали ее Косулька. Еще у нее была своеобразная особенность: она очень любила папиросы «Беломор». Не курить, конечно, а есть. И в качестве лакомства не нужны ей были ни конфеты, ни сахар. Хочешь доставить козе

Косульке приятное - дай съесть «беломоринку».

Таким образом, как-то само собой получилось, что коз у Свечкиных стало уже две. Можно сказать, они были полными противоположностями. Асолька - это порыв, взлет, мечтательность, чуткость, капризность, обидчивость и нервность. В общем, нечто похожее на героиню «Алых парусов». Косулька - спокойствие, простота, основательность и абсолютный реализм во взгляде на мир (уже один только «Беломор», а не какой-нибудь «Кэмел» - тому подтверждение!). В общем, совершенные антиподы. И объединяло их лишь одно обстоятельство - обе были козами.

В сарае для них сделали два загончика. Когда кто-то из хозяев

входил в сарай, Асолька места себе не находила: Петр Петрович или Анна Ивановна должны были подойти к ней - к первой! К ней! К Асольке, главной и наилучшей козе всего Рогожина и окружающего мира! Она требовательно блеяла и призывающе смотрела на вошедшего. Косулька в это время флегматично поворачивала голову и продолжала жевать сено, вообще не подавая голоса.

Петр Петрович время от времени, с присущей мужчинам жестокостью, специально подходил сначала к Косульке, чтобы посмотреть на реакцию ее товарки. Что тут творилось с бедной Асолькой! Она старалась выпрыгнуть из загона, укусить соперницу или хотя бы боднуть несуществующими рогами хозяина. Косулька при этом была невозмутима как обычно и даже не

замечала переживаний соседки.

Если же к Асольке подходили сначала, она была вне себя от радости: тянулась губами к лицу, чтобы поцеловать, требовала ласки, поглядывала на Косульку – в общем, от души торжествовала. Косулька при этом была всё так же невозмутима, поскольку абсолютно не «въезжала» в этот ужасный для Асольки внутренний конфликт...

Но вот что удивительно: когда приходила пора выводить коз пастись на поле, Асолька без Косульки не шла. Она блеяла, упиралась, оглядывалась на подругу – и вообще становилась неуправляемой.

Поэтому довольно скоро установилась продуманная церемония выхода: впереди

Санечка (старшая из дочерей Свекиных) ведет Косульку (которая опять-таки не обращает внимания на асолькины переживания), за Косулькой следом идет Танечка (средняя) и ведет Асольку, которая прямо-таки рвется в поле за своей подругой-соперницей, а замыкает процессию младший Ванечка с увесистой кувалдой в руках.

Кувалда нужна ему для того, чтобы забить колышки, на которых козы будут пастись. В свои пять лет Ванечка уже может забить колышки, но вот доставить кувалду до поля ему еще тяжеловато. Поэтому он везет кувалду на колясочке для куклы. И все они впятером (трое детей и две козы), поверьте, представляют собой почти незабываемое зрелище...

Но коза, как и все остальные
млекопитающие женского пола,
дает молоко только тогда, когда у
нее есть маленькие детки. А чтобы
появились дети надо что?

Правильно, познакомить козу с
козлом. С тем самым
предводителем сельского стада,
лохматым, могучим и пахучим.
Таким образом, как я уже говорил,
Свекиным пришлось-таки
соприкоснуться с жизнью
рогогинского животного
сообщества.

Асольку приводили в стадо раза два
или три, и после этого все знатоки
решили, что дело сделано. И
знатоки не ошиблись. Через пять
месяцев у Асольки появился
козленок. Его назвали Афонька.
Была зима и Афоньку взяли в дом,
устроив ему уютную будку в самой
дальней комнате. И скоро все

привыкли к тому, что по первому этажу разносится стук маленьких копытец, что над столом появляется белая голова с маленькими рожками и любопытно выглядывает, чем можно поживиться.

В сарае стояли две козы, в будке жила Гуля, по дому бегал Афонька наперегонки с Котей.

Жизнь Свечкиных была ключом...

Сельская Пасха 1995 года

Но козы козами, хлеб насущный – хлебом насущным, а человек, как никак, существо гораздо более сложное и многосоставное, чем просто биологический объект. А Свечкины, к тому же, были еще и верующими людьми, значит – имели хоть какие-то, пусть и

первоначальные, понятия о духовной сфере бытия.

Прошло с полгода их деревенской жизни – и к ним в дом пришел местный священник – отец Сергий, о котором мы уже говорили на наших страницах. Пришел не один, а с двумя музыкальными людьми, рогожинскими клубными работниками – Сергеем Матвеевичем и Риммой Ивановной. Они были мужем и женой, людьми, уже входившими в церковную жизнь, поэтому все друг друга понимали.

Обстоятельства были такими: некоторое время назад Церкви отдали храм в селе Васюткине, километрах в шести от Рогожина. И хотя на нем в советские времена извечно висела табличка о том, что он охраняется государством и

является памятником национальной культуры, состояние его было таким неприличным, что сразу становилось понятно: государство наше - плохой сторож. Нерадивый и пьющий. Особенно и прежде всего, если дело касается именно церковных зданий.

Сколько таких развалившихся церквей «красовалось» тогда по всей бескрайней шире русской земли - никто никогда не считал, поскольку они никому и не были нужны. А их постепенное уничтожение от времени было весьма кстати и укладывалось в общую политику партии и правительства - ведь все советские люди семимильными шагами стремились к коммунизму и избавлялись от религиозного дурмана...

И вот тогда, когда люди уже почти совсем от этого дурмана избавились и весьма успешно озверели – Господь в Своих таинственных Судах решил, что час спасения пробил. И время вдруг повернулось. И то, что вчера для подавляющего большинства было ненавистным и вражеским, сегодня стало сначала любопытным, потом допустимым, а вскоре и просто необходимым. Ну хотя бы для того, чтобы служить воспитанию лояльного гражданина государства.

В общем, перемены наступили. Храмы начали возвращать Церкви. Возвращали их совсем не в том состоянии, в каком когда-то отбирали. Всюду царили запустение и разруха. В монастырях очень часто были устроены квартиры и жили простые люди – жилищный кризис ведь никто и никогда не мог

отменить. И это был далеко не худший вариант – иногда Церкви возвращали просто развалины.

И хотя в той же Москве, например, существовал официальный список церквей, которые восстанавливали на государственные деньги (первым номером в этом списке шел Казанский собор на Красной площади, вторым – храм Вознесения Господня (Малое Вознесение) на Большой Никитской и т.д.), бесчисленные тысячи и десятки тысяч простых русских храмов отдавались верующим в руинообразном состоянии.

Но Церковь и верующие люди были рады и такому положению дел: уже само возвращение храмов из небытия было победой. Победой здравого смысла над семидесятилетним атеистическим

безумием и беснованием.

...Итак, к Свечкиным пришли священник и первые прихожане, чтобы попросить их о помощи. Надо было подготовиться к грядущей Пасхе, до которой оставалось несколько месяцев. Пасхе 1995 года. А Свечкины, при их давней церковности и некотором наличии слуха и голоса, вполне могли стать певчими клироса, под руководством того самого Сергея Матвеевича, который в клубе многие годы руководил хором.

Спевки скоро начались. Они проходили прямо в доме Свечкиных, в самой большой комнате, поскольку более подходящего помещения ни у кого не было, а храм так и вообще не отапливается. Начали с Литургии. Напевы песнопений выбирали и

собирали по крупицам – из того, что слышали Свечкины, как более старые прихожане, в разных православных храмах за тринадцать лет своей церковной жизни.

Зима за спевками пролетела быстро, как пролетает вообще любое человеческое время. Наступила весна, Пасха потихоньку, но неотвратимо приближалась.

Свечкины видели, как вокруг Храма Пресвятой Троицы в Васюткине постепенно собирается церковный актив, если можно употребить такое выражение. Кто-то разбирает мусор в левом приделе, где и должна состояться первая служба, кто-то навешивает дверь, кто-то благоустраивает алтарь. Женщин было больше, мужчины были редки, а потому – весьма ценные.

Первая служба была назначена на Великую Субботу, потом в течение дня – освящение яиц и куличей, а в ночь – Пасхальная Заутреня с Литургией. Весь церковный актив, конечно, волновался – как всё пройдет? Как споем? Не опозоримся ли?..

Весть о том, что в Васюткине будут в этом году служить пасхальную службу, между тем, разлетелась широко по окрестностям. Как известно, даже в глухое советское время Пасха была тем единственным церковным праздником, про который наш народ никогда до конца не забывал. И хотя обычным делом было на Пасху катать яйца, потом напиться, а потом и подраться – это все же была не обычная обыденная драка, нет, это была драка пасхальная, праздничная, а стало быть, в каком-

то смысле, даже некоторое приобщение к духовной жизни с помощью чисто физических приемов...

К середине девяностых в головах людей потихоньку начинала брезжить некая, пусть слабенькая, духовная заря. Выражалось это и в том, что тон СМИ стал явно сочувствующим Церкви, и в том, что первые лица, пусть и полупьяном виде, стали появляться в интерьерах храмов на большие праздники со свечками в руках. А самое главное – это выражалось в массовом интересе, с которым почти все повернулись к Церкви и пристально смотрели на нее. Смотрели и чего-то ждали. Чего? Того ли, что она сейчас станет вожаком и поведет за собой народ? Того ли, что она начнет обличать словом истины проворовавшиеся

власти и плотно окружающий их преступный мир, внезапно ставший новой российской элитой?

Трудно сказать. Но ожидания были, и это факт.

А потому и в Рогожине с его окрестностями этот день тоже не мог пройти незамеченным. Мало того, сам праздник был даже поддержан местными властями. Это выражалось в том, что администрация (в лице Валентины Дмитриевны, о которой мы тоже упоминали) даже выделила специальный автобус из Рогожина до Васюткина и обратно, для тех безлошадных, которые иначе добраться до храма не могли.

И вот суббота наступила.

Утренняя служба прошла тихо и малолюдно – большинство местных

ведь отлично знал, что главная служба будет ночью. Днем вокруг храма начался настоящий ажиотаж – люди повезли и понесли освящать куличи, яйца, пасхи. Отец Сергий только успевал поворачиваться. А машины все подъезжали, уезжали и подъезжали снова.

Но вот наступило некоторое затишье. Только хор пытался надышаться перед смертью и всё повторял какие-то пасхальные песнопения.

...Храм, а вернее его реанимированный левый придел, начал наполняться чуть ли не за час до начала службы. Приходили все, и старые, и молодые. Большинству молодых, особенно парням, приходить в церковь было настолько непривычно и неудобно, что приходилось как-то взбодриться

и для этого влить в себя некоторое количество смелости, степень которой выражалась в граммах сорокапроцентного спирта. Глаза у молодых блестели, но при этом все, вроде, вели себя вполне прилично.

Впрочем, и некоторые взрослые люди тоже приняли для храбрости: идти в церковь для них было – чуть ли не идти в разведку через линию фронта, а это, согласитесь, требует определенного мужества. Они стояли, смотрели по сторонам, и в глазах их ясно читался простой вопрос: а где тут у них Бог-то? Впрочем, это были как раз самые смелые; более робкие остались дожидаться своих жен и подруг в автомобилях вокруг храма.

Где-то к середине службы появилась и местная администрация. Поставила свечи,

приложилась к иконам, постояла с печальным видом – и отбыла восвояси.

Служба, между тем, шла своим чередом. Вот и крестный ход прошел, вот и Заутреня закончилась, вот и Литургия началась. К этому времени ряды молящихся и взирающих значительно поредели. Многие довольно быстро поняли, что вот сейчас, сию секунду, прямо на их глазах не ожидается явления какого-то исключительного чуда, а потому потеряли к дальнейшей службе интерес. Ведь бесконечное повторение «Господи помилуй» и «Христос воскресе из мертвых», чем отличается пасхальная служба, для людей нецерковных быстро теряет новизну. Впрочем, такое явление происходило еще и десятилетия спустя, и не только в

сельской местности, но и в самых что ни на есть столичных храмах.

Служба подошла к концу. Всё прошло хорошо. Многомесячная подготовка не пропала даром. После службы прихожане во главе с настоятелем сели за стол и наконец разговелись после долгого, по обычаю почти бесконечного Великого Поста.

Пришла пора прощаться. В предрассветной мгле, после больших и благодарных трудов всех охватила какая-то усталая умиротворенность. Свечкины в такой умиротворенности вышли из храма (они были на службе в полном составе – взрослые и трое детей, младший – пятилетний Ванечка). Подошли к машине. И тут как будто наждачной бумагой провели по сердцу Петра

Петровича: в его машине было выбито стекло задней двери. Осколки валялись внутри и снаружи, из салона машины было взято что-то буквально копеечное, но ради этой чепухи и была испорчена машина.

А может, вовсе и не ради чепухи? Конечно, нет. Свечкины, хоть и были не шибко духовными людьми, произошедшее оценили вполне верно: значит, злые силы посчитали, что они и вправду делали в эту ночь что-то хорошее. И поскольку не имели возможности помешать им в этом главном деле - напали, укусили, ущипнули там, где им это было попущено...

Ну что ж... Даже в пасхальную ночь мы здесь, на земле, не находимся в раю. Даже в пасхальную ночь нас могут поджидать искушения. Ведь

искушения не страшны только бесстрастным - а где они, эти бесстрастные, покажите? Среди моих знакомых таких почти нет.

Но всё это было полной ерундой по сравнению с тем испытанием, которое, еще невидимое для Свечкиных, ужа начинало проступать на горизонте. Назовем его испытанием столбиками. Скоро поймете, почему именно так.

Столбики

Даже спустя десять лет, стоило только в разговоре с Петром Петровичем напомнить ему об этой истории, как менялся его внешний вид - он как-то сжимался, уходил в себя, и видно было, что черная птица нездешней, грозной тоски накрывала его своим горячим крылом.

А начиналось всё вполне безобидно и даже естественно: сосед Михаил предложил Петру Петровичу как-нибудь съездить в лес с прицепом (благо, и прицеп у Петра Петровича имелся) и забрать валяющиеся там уже с полгода полтора десятка двухметровых сосновых столбиков. На вопрос Петра Петровича, точно ли эти столбики никому не принадлежат, Михаил Васильевич заверил, что точно. Иначе бы не валялись они там, на старой вырубке, абсолютно никому не нужные. А для двух соседей эти столбики могли очень даже пригодиться: их покосившиеся штакетники, когда-то бывшие хорошими заборами, уже давно таковыми не являлись, и новые заборы ну точно бы не помешали.

Ехать решили под вечер, после работы. И вот выбран день,

прицеплен прицеп и соседи
отправились в деловую поездку.
Ехать было совсем недалеко, каких-
нибудь пять километров.

Столбики действительно лежали на
том месте, где их нашел Михаил. И
даже не лежали – валялись,
раскиданные на довольно большой
территории. Вообще, место старой
порубки выглядело крайне
неопрятно: что-то увезли, что-то
сложили в штабель, а что-то, как
эти самые столбики, просто
бросили где придется. Очевидно за
ненадобностью.

Погрузить четырнадцать
двухметровых столбиков на прицеп
двум мужчинам труда не составило.
Делали они это легко и даже весело
– под несмолкающую пальбу
десятков охотничьих ружей и
перекличку охотников,

наводнивших лес по случаю начала весеннего охотниччьего сезона. Да, именно в этот день, а точнее – вечер, охотничий сезон был открыт.

И именно это событие, столь радостное для всех охотников, подвело наших незадачливых добытчиков. Они совсем не учли, что вместе с охотниками лес наводнили во множестве и представители нашей славной милиции. У них тоже было открытие сезона, только несколько другого: в лесу во множестве обретались люди с ружьями, которые или забыли, или принципиально не помнили о том, что для охоты (любой охоты!) нужны лицензии. Этих-то забывчивых людей милиционерам предстояло найти, выявить, задержать, а дальше... А дальше как получится. Как удастся

договориться.

И вот, когда все четырнадцать столбиков лежали в прицепе, а Петр Петрович и Михаил собирались сесть в машину, возле них вдруг остановился милицейский «Уаз». Вышел капитан, вышли его помощники-сержанты. Капитан поинтересовался, куплены ли эти столбики, поднятые на территории местного лесхоза. Увы, столбики были не куплены. Значит, украдены?

На все уверения наших добытчиков, что эта дрянь просто никому не нужна, поскольку валяется здесь уже давно, а потому она не украдена, а просто подобрана, капитан пояснил, что все-таки придется составить протокол о хищении государственного

имущества. Тут-то до наших интеллектуалов и гуманитариев начало доходить, что, собственно, они сделали и в какую историю попали. До Петра-то Петровича уж точно!..

В процессе составления протокола капитан задал странный вопрос, который был абсолютно не понят новоиспеченными «преступниками». А именно: одного человека указывать в протоколе (то есть владельца транспортного средства, на котором произведено хищение, то есть Петра Петровича!) или обоих. Представив, что он один будет за всё отвечать, Петр Петрович ощущил холод, бегущий по спине. Но Михаил Васильевич был великодушен и не бросил соседа одного в беде: вместе попались – вместе нас и пишите!

Конечно, с точки зрения советских пионерских фильмов так и надо всегда отвечать, поскольку один за всех – все за одного. Да вот только не с точки зрения Уголовного кодекса. Уже спустя долгое время Петр Петрович оценил, насколько благородно вел себя этот капитан. Ведь он давал им возможность пройти не по второму пункту любой статьи Кодекса («совершенное группой лиц в сговоре»), а по первому, без отягчающих обстоятельств! Но чтобы оценить, что тебе протягивают руку помощи, надо понимать хоть что-то в законах. Ясно, что опытному милиционеру стало просто по-человечески жаль двух великовозрастных олухов; ясно, что он сразу, по одному слову, понял, насколько они не из этого мира – но у них и принять протянутую руку не хватило ума...

Протокол составлен в двух экземплярах и подписан, милицейская машина уехала. Незадачливые грабители постояли несколько минут, почесали в затылках. И что теперь делать? Пришли к общему выводу: теперь, когда уже попались и протокол подписали – не выбрасывать же злополучные столбики! Это уж и совсем будет обидно. А если отвечать (все равно ведь придется) – так уж хотя бы за дело!

Еще раз почесав в затылках, сели в машину и поехали домой. Со столбиками (все равно ведь отвечать, ну и т.д....). И вдруг, выезжая из леса на шоссе, увидели, что милицейский «Уазик» никуда не уехал, а стоит как раз на выезде. И наряд в полном составе тоже стоит рядом с машиной. И смотрит в шесть глаз в прицеп наших

злополучных путешественников. А в прицепе лежат столбики. С которыми наши нарушители закона ну никак не захотели расставаться...

Позже у Петра Петровича именно в этом месте воспоминаний слезы всегда наворачивались на глаза, а сердце, по его признанию, обливалось кровью и стыдом. Потому что он ясно, всем сердцем, понял: если бы они выбросили столбики туда, гденедавно их взяли, если бы они ехали с пустым прицепом - капитан бы точно порвал протокол и отпустил раскаявшихся нарушителей с миром. Итак, вторая возможность, предоставленная милосердным представителем власти, была упущена.

...Прошло какое-то время – может,

две недели, может, месяц. История стала как-то потихоньку забываться. Да ладно, мало ли у милиции работы – не заниматься же им всякой ерундой, когда в стране такой разгул преступности! (О наивные, глупые люди! Да чем же в такое время и заниматься, как не всякой ерундой? Может, посоветуете ловить тех, кто ездит на самых дорогих машинах, убивает без всякой лицензии и входит без стука в самые высокие кабинеты?)

Но в один прекрасный день (день был правда прекрасный, солнечный, субботний, к Свечкиным даже приехали из Москвы добрые приятели) Петру Петровичу вдруг передали повестку. И прекрасный день померк. На повестке было сказано: явиться к следователю в районную прокуратуру Подольского района.

Число, время, номер кабинета. Так значит, о нас не забыли?

Конечно, нет. Просто машина правосудия ехала медленно, никуда не торопясь. Да и куда ей было торопиться? Если дело касалось тех, кто убивает без лицензии – спешить тут было совсем некстати, и спешка могла выйти себе же дороже. А если дело шло о вот этих – неопытных законопослушных олухах, которые, поддавшись духу криминального времени, решили слегка, по мелочи обойти закон – тут уж тем более некуда спешить. Куда они могут деться, они, обремененные семьями и своим законопослушанием, наконец?

Но час пробил, и срок был назначен. В этот назначенный час незадачливые расхитители государственного имущества

сидели в кабинете следователя и давали показания. Следователь был довольно молодым и, на первый взгляд, вроде порядочным и даже интеллигентным человеком: разговаривал вежливо, смотрел внимательно, время от времени кивал головой, как бы подтверждая правильность того, что говорили подследственные (а они, прошу заметить, с момента начала следствия стали именно подследственными!).

Петр Петрович и Михаил Васильевич повторили всё то, что уже говорили патрульному капитану – им ведь скрывать было нечего! Так они, во всяком случае, считали. Следователь поинтересовался – а может, они взяли не готовые столбики, а сами спилили живое дерево в лесу? Возмущение приятелей было

искренним и горячим: да разве бы они могли покуситься на живое государственное имущество?! Да им бы такое и в голову никогда не пришло! Это просто потому, что столбики валялись там никому не нужные - ну и т.д.

(Это уже потом Петр Петрович узнал, что если бы они действительно самовольно спилили дерево в лесу - им грозил бы максимум штраф, поскольку это считается административным нарушением. А за валяющиеся брошенные столбики грозит ответственность уголовная - такие вот выверты нашего Уголовного кодекса...)

Следователь всё внимательно записывал. Потом спросил, сохранились ли у подследственных эти столбики. Подследственные с

готовностью подтвердили, что столбики лежат у них перед домом, и вообще они их берегут как зеницу ока! (Скажи они, что сейчас этих столбиков нет и в помине, что они их выкинули, оставили в лесу догнивать - и дело сразу рассыпалось бы за отсутствием вещественных доказательств!.. Но... Кажется, в середине девяностых таких людей как Петр Петрович уже называли лохами - впрочем, за точность не ручаюсь.)

Тогда следователь спросил, а нельзя ли прямо сейчас проехать в Рогожино из подольского кабинета и на месте убедиться в существовании этих самых столбиков. Конечно же, законопослушные подследственные и это восприняли с радостью - ведь если идти навстречу всем пожеланиям следователя, то,

наверное, это засчитывается тебе в плюс?..

Поехали на машине Петра Петровича. Это был «сорок первый» Москвич, купленный всего год назад. Следователь сидел на переднем пассажирском сиденье и интересовался машиной: сколько она расходует бензина, какую скорость развивает... Вообще, машина Петра Петровича ему понравилась. Он пожаловался, что Волга, на которой он ездит сейчас, совсем не такая приемистая, да и вообще, как-то не очень ему нравится.

Приехали. Анна Ивановна, конечно, сразу посадила всех пить чай – в доме Свечкиных всегда и всех поили чаем, даже если человек и не собирался претендовать на статус гостя. Потом осмотрели столбики,

следователь обмерил их и сфотографировал. А потом Петр Петрович отвез его обратно в Подольск – не на автобусе же возвращаться государственному человеку!..

Но именно после этого визита Петр Петрович что-то заподозрил. А конкретно – что положение их вовсе не такое безоблачное, как они представляли. Был найден Уголовный кодекс, была найдена и статья (пункт 2, в составе группы, вы помните?). И по этой статье выходило, что транспортное средство, на котором было совершено преступление, подлежит конфискации в пользу государства! Так неужели отсюда этот неподдельный интерес следователя к Москвичу Петра Петровича?

Надо было срочно что-то делать. А

тут еще сон приснился: в корзине масса каких-то кошек и котят. Петр Петрович запускает туда руку - и вся эта кошачья свора буквально в нее впивается когтями - и не выпускает, не отпускает!..Он не может вырвать свою руку из этого кошачьего клубка!..

При этом сосед Михаил всё так же пребывал в состоянии своей обычной невозмутимости - по крайней мере, внешне. Петр Петрович понимал, что на него, такого бывалого и такого невозмутимого, надежда сегодня плохая. А конкретно - ее и просто нет. Правда, Михаил договорился о встрече с каким-то своим приятелем из деревни Юдино (!), они даже съездили туда, но ветеран МВД Подольского РОВД заломил какую-то такую несусветную цену за закрытие дела, что приятели

даже обсуждать ее не стали: не было никогда и не могло у них быть таких денег.

А тем временем следователь вызвал их еще раз и предъявил статью – ту самую, которую для себя подобрал и Петр Петрович. Кажется, от двух до пяти лет с конфискацией транспортного средства. Всё шло именно в том, самом абсурдном, самом невероятном – и самом опасном направлении.

Ночами Петр Петрович и Анна Ивановна брали икону Божией Матери и с молитвой вдвоем обходили два соседних злополучных дома. Бросились к отцу Геннадию. Он позвал знакомого военного прокурора (был и такой среди прихожан храма). Прокурор мрачно выслушал Петра Петровича и так же мрачно заявил: нечего было

воровать! А машину заберут, это как пить дать!.. Помохи при этом не пообещал. Петр Петрович лишний раз убедился, что прокурорские мозги устроены и думают не совсем так, как мозги остальных обычных людей.

Тем временем до подследственных дошли слухи, что следователь, к которому знакомые знакомых соседа Михаила обратились, чтобы как-то договориться и облегчить участь, пообещал: я их все равно посажу, и машину конфискуем. Для кого конфискуют машину и кто на ней, такой приемистой, будет ездить, у Петра Петровича больше сомнений не было.

Тень тюрьмы (или как там – лагеря, зоны?) встала над двумя благонамеренными лохами вполне конкретно и осязаемо. Петр

Петрович не мог спать, Анна Ивановна плакала не только по ночам. Но надо же было что-то делать!..

Помощь пришла с неожиданной стороны. Точнее - сразу с нескольких сторон. Оказалось, что у тестя Петра Петровича есть кто-то среди милицейского начальства Подольска. Были сделаны звонки. Они подействовали. Дело передали другому следователю, на этот раз - женщине, внешне несколько напоминающей певицу Аллу Пугачеву. Она, не стесняясь, назвала предыдущего козлом, сказала, что он достал такими вот расследованиями буквально всю их контору и посетовала, что у нарушителей нет квитанции об оплаченном штрафе в пользу лесхоза. А была бы такая квитанция - и дела бы никакого не было! А

теперь, к сожалению, уже поздно, поскольку в процессе следствия никакие штрафы по закону оплачивать нельзя...

В этот же день, спустя час или полтора, Петр Петрович уже был в лесхозе. Правдами или неправдами, но квитанция на 800 тысяч штрафа(в ценах 1995 года) была получена. При этом в лесхозе сказали, что вряд ли ему удастся оплатить этот штраф - никакой банк его не примет. Спустя пять минут Петр Петрович уже летел в Подольск. Он до сих пор помнит тот банк, в котором у него приняли его штраф. Причем приняли за несколько минут до закрытия банка.

Квитанция об оплаченном штрафе была на руках! На следующий день квитанция была у следователя.

Женщина, похожая на Пугачеву, удовлетворенно кивнула и сказала, что дело фактически распалось и надо просто немножко подождать.

Петру Петровичу где-то в эти дни приснился еще один сон, и тоже кошачий: большая, в человеческий рост, белая кошка вонзилась в его руку своими когтями и внимательно смотрит на него человечьими глазами. Он пытается вырвать руку, кошка не выпускает. Но он настойчиво тянет руку. И вот она с неохотой разжимает когти, и нарушитель на свободе!..

Еще через несколько дней дело было закрыто за возмещением ущерба, нанесенного государственному предприятию. Свечкины служили благодарственные молебны за избавление от такого страшного

(по-настоящему страшного!) испытания казенным домом.

...А что же столбики, спросите вы?

А столбики пролежали еще год или два на том самом месте, где их фотографировал и обмерял следователь, сгнили и были выброшены (или сожжены в костре, Петр Петрович через некоторое время даже забыл подробности).

И их (столбиков!) судьба лишний раз доказала известную мысль, что неправедно приобретенным богатством не разбогатеешь. Даже если это неправедное богатство – всего лишь четырнадцать двухметровых столбиков, брошенных работниками местного лесхоза за ненадобностью на месте вырубки.

И напомнила их судьба, что

заповедь «Не укради» написана, конечно, для всех, но особенно – для верующих...

«Но так-то зачем?..»

Мы уже говорили, что все соседи Свечкиных были людьми, в целом и общем, хорошими. И от слов своих не собираемся отказываться, потому что это правда. Людей хороших вообще гораздо больше, чем плохих, как бы по-советски банально и плакатно это ни звучало. Хороших в том смысле, что они не желают сознательно зла другому человеку. Просто бывают ситуации и даже целые длинные судьбы, когда то хорошее, что есть в человеке, остается почему-то невостребованным, и к окружающим этот человек может поворачиваться отнюдь не лучшей своей стороной. В общем, как

говорит в одном из своих посланий мудрый Апостол, худые сообщества развращают добрые нравы(или, по крайней мере, не дают им по-настоящему реализоваться).

Но определение хороший – это совсем не синоним слова простой. И соседи Свечкиных порой были весьма непростыми людьми. Про одного такого хорошего непростого человека обязательно стоит рассказать.

Сосед этот (назовем его Савва) был на несколько лет старше Петра Петровича. Жизнь свою он посвятил нелегкой государственной военизированной службе по охране порядка, и ко времени переезда Свечкиных в деревню уже был пенсионером. От этой самой нелегкой службы осталось у Саввы некоторое нервное расстройство,

которое он порой мог подавлять внутри себя, порой срывал на семье, не задевая окрестностей, а порой лечил успокаивающими таблетками.

Для Петра Петровича, как для человека миролюбивого, было очень важно, чтобы мирные отношения сложились со всеми окружающими. Поначалу и с Саввой отношения эти складывались вполне нормально. Да собственно, и впоследствии тоже.

Но бывали моменты, когда тень досады и даже боли появлялась на лице Петра Петровича. Ну например, в погожие весенние денечки, когда все работают на своих грядках, копая, сажая и обихаживая огороды, Савва любил включить погромче свою музыкальную технику, – и по

окрестным огородам разносились песни, что называется, для бедных. В лучшем случае это были шлягеры так называемой новой российской эстрады про куклу Машу и куклу Дашу, а в худшем – блатное творчество, залившее наше медиапространство в те самые девяностые широким, глубоким и мутным потоком.

Петру Петровичу пошлость и вообще-то была не очень близка, но в деле воспитания детей (а их, как мы помним, у Свечкиных было трое и они тоже работали с родителями на грядках в эти весенние погожие деньки) она его категорически не устраивала. К тому же, если учесть, что Свечкин обладал довольно-таки развитым художественным вкусом и даже закончил первый курс музыкального училища, можно представить, какие душевые

страдания доставляла ему такая музыка.

Надо было как-то противостоять. Но как?

Попытка противопоставить собственный слабенький магнитофончик с православными песнями успехом не увенчалась: как известно, православные песни – тягучие, заунывные, целиком построенные на покаянном чувстве, которое прямо-таки переполняет православных авторов и исполнителей, изливаясь наружу правильным, но скучноватым и, если честно, жалковатым ручейком. Ну куда им, этим кающимся, плачущим и бесконечно страдающим от собственной неизбывной греховности праведникам, тянуться с громким, всепобедительным и

жизнеутверждающим блатняком?..

Попытки поговорить с Саввой и призвать бывшего государственного служащего к человеческой умеренности действовали, но только на короткое время. Видимо, в глубине души он просто искренне не понимал, чем недоволен его новый сосед – ведь песни-то хорошие! А душа его, как душа всякого человека, а особенно русского человека, время от времени требовала песни, музыки – той музыки, которую он мог понять и привык понимать.

Но конечно же, отношения двух соседей были вовсе не такими однозначно унылыми. Ведь и Петр Петрович, как мы говорили, был человеком миролюбивым, и Савва был вовсе не злым по своей природе. Бывало, соседи

встречались на границе участков и могли проговорить час, а то и полтора на самую интересную и животрепещущую тему – за жизнь. Рассказывали по очереди о себе, спрашивали другого о фактах его биографии – в общем, было им о чем поговорить. Поэтому в целом никак нельзя было сказать, что отношения двух соседей плохие. Нет, они были именно хорошие, но осложненные, скажем так, некоторыми нюансами. А покажите мне людей, чьи отношения никакими нюансами вообще не осложнены! То-то и оно...

Так они и жили – по-соседски терпя и по-своему любя друг друга. До определенного момента.

А потом, как вы уже догадываетесь, вдруг, внезапно, в одночасье, что-то случилось.

Петр Петрович, поздоровавшись в очередной раз с Саввой, то ли услышал в ответ что-то невразумительное, то ли вообще ничего не услышал. Это его немножко насторожило. Через некоторое время он поймал на себе явно не слишком добрый соседский взгляд исподлобья. Это его насторожило еще больше. Еще через некоторое время Савва просто демонстративно не ответил на приветствие и отвел глаза в сторону. Это насторожило нашего Свеклина уже по-настоящему. Учитывая, что Савва ко всему прочему был еще и охотником, мог выйти с ружьем на улицу и пострелять ворон просто в целях изгнания их со своей территории (в девяностые годы такая вольница в обращении с огнестрелом никого особо не удивляла), отношения соседей становились не такими уж

и безопасными.

Петр Петрович посидел, повздыхал, подумал – но не придумал ровным счетом ничего. То есть ничего нового и оригинального. Он ведь и так знал одну простую вещь: для того, чтобы вылечить нарыв, надо его вскрыть. А для того, чтобы вскрыть, надо взять... – ну и так далее...

Петр Петрович выбрал подходящий весенний вечер (не знаю, правда, по каким критериям он его выбирал), собрался с духом и отправился к своему соседу. Взял он при этом бутылку водки или нет, он не помнит сейчас в точности – но вполне возможно, что и взял. Как-никак, неписанный мужской этикет нечто подобное предполагал.

Савва встретил соседа вполне

нормально. Сели на кухне. Свеккин завел обычную интеллигентскую бодягу - то да сё, может, я тебя чем-то обидел, а то я смотрю, что ты вроде как на меня смотришь как-то не так... В общем, проговорил всё, что положено проговаривать в таких случаях, стандартный набор для подобных ситуаций - чтобы насущный разговор с чегото начать.

Савва не запирался и в несознанку играть не стал. Нет, ты меня ничем не обидел, но так уж случилось... Мне тут один сон приснился про тебя. Я, правда, точно и не знаю - сон это был или не совсем сон...

А что за сон?

А сон был такой.

- Будто заходишь ты ко мне, садишься вот как раз на это место,

где теперь сидишь, а я сижу, где я вот сейчас сижу. И начинаешь ты меня в этом самом сне стыдить. Мол, посмотри, как ты живешь, Савва? Когда ты уже грешить перестанешь? Давно пора тебе в церковь пойти да покаяться во всем, что ты за свою жизнь натворил!.. Ну и всё в таком роде, да так долго - ну невыносимо просто!.. Очень мне было обидно всё это слушать, очень...

Петр Петрович, выслушав эту тираду, внутренне вздохнул с облегчением: всё объяснилось в лучшем виде, он в реальности-то ведь ничем не обидел своего соседа, и сейчас это недоразумение окончательно рассеется.

- Но ты ведь понимаешь, Савва, что на самом-то деле не было ничего этого! И я к тебе не приходил, и не

говорил тебе ничего!.. Да я бы никогда такого себе и не позволил. Сон и есть сон, мало ли что нам приснится!..

- Да я всё это понимаю, - ответил Савва. - Это, конечно, был не ты, а просто сон. Но так-то зачем?..

...Выйдя от Саввы, Свечкин понял, что встреча эта его не слишком-то успокоила: перед ним был человек, который все-таки не отличал реальности от своих сновидений. И обличающий голос якобы Петра Петровича звучал в нем даже сейчас всерьез и по-настоящему. Точнее - это был, понятное дело, голос его совести, воплотившийся в образ реального человека. Но плохо было то, что совесть Саввы воплотилась, по неведомым причинам, именно в образ Петра Петровича Свечкина.

Впрочем, почему «по неведомым»? Приехала в Рогожино из столицы верующая семья, ходят с детьми в церковь, живут вроде как по-православному, да еще время от времени делают замечания: так вести себя нехорошо, музыку (любимую!) громко включать нехорошо, ну и т.д. Очень даже понятные причины!..

Но не соседи, конечно, были главным стержнем этого странного конфликта. Ведь и конфликт этот был прежде всего внутренним. Петр Петрович даже составил себе примерно такую внешне убедительную и благообразную историческую картину. Совесть русского человека, рожденного в православной (пусть исковерканной после революции) сельской среде, выросшего в невидимой, но ощущаемой атмосфере русской

культуры (православной по сути своей и по своим истокам), была жива. Только и всего. Да, это было время очередного нервного обострения, и Савва опять пил свои таблетки (что это были за таблетки, Свечкин как-то не удосужился выяснить, да и неинтересно было). Но таблетки таблетками, а давно известно, что даже в горячечном бреду наружу выходит лишь то, что есть у нас внутри.

И то, что нас, пусть и в подсознании, тревожит, беспокоит и мучит...

Надо сказать, что нелегкий визит Петра Петровича к Савве всё же несколько помог разрядить обстановку. Больше на эту тему никаких явных конфликтов между соседями не возникало. То ли Свечкин с этой поры перестал

приходить к Савве в его снах (он-то бы и вообще никогда туда не ходил, если бы это было в его власти!), то ли Савва в этих своих снах научился ему достойно отвечать, а может, и просто пускать не дальше порога. То ли совесть Саввы перестала мучить его таким странным и необычным способом.

...Кстати сказать, со временем уверенность Петра Петровича, что это была именно совесть Саввы, как-то померкла. Он задумался и о другой версии. А вдруг это были известные всем верующим людям духовные сущности, главная задача которых во все времена была перессорить всех людей на земле и внести в их жизнь побольше хаоса, разлада, крови и страдания? А когда эти сущности вносят раздор между людьми с помощью внешне благочестивых поводов – разве не

убивают они при этом сразу двух зайцев, бросая тень на христиан и христианство?..

...Ну а Савве оставалось жить не так уж долго, но еще пришлось пережить в этой жизни немало испытаний. Через несколько лет его взрослый сын – вполне успешный, женатый, имеющий ребенка – насмерть разбился на автомобиле со своим товарищем, возвращаясь со службы. Савва как-то быстро сдал, постарел, стал более задумчивым и менее шумным. Беды никогда не делают нас краше, но почти всегда делают мудрее. К счастью, остался еще старший сын, многодетный отец, преуспевающий бизнесмен, иначе боль от потери была бы почти невыносимой.

Вскоре случился инфаркт – обычная болезнь мужчин,

привыкших по-мужски переживать все свои горести внутри себя. Но Савва все же выжил, выкарабкался, вернулся к почти нормальной жизни.

А еще через несколько лет, приехав из Москвы с детьми на выходные, Свечкины увидели толпу возле дома своего соседа - Савву хоронили после очередного (и на этот раз смертельного) инфаркта. Точнее - уже похоронили и теперь поминали, как всегда, с русским размахом...

На этой печальной ноте можно было бы закончить - но это была бы не вся правда об этой семье. Настоящая правда заключается в том, что вдова Саввы, потеряв двух любимых мужчин в течение нескольких лет, стала старостой местного храма и молится за сына и мужа на каждой литургии.

Так замкнулся круг Вечности,
который у Господа заготовлен,
наверное, для каждого из нас.
Милосердный круг, из которого мы
не можем вырваться, даже если
хотим это сделать по своей
дерзости, недалекости, слепоте или
лениости...

А Петр Петрович поминает душу
своего соседа всякий раз, когда
молится за своих усопших.

Неохота

Как-то так само собой получилось,
что очень скоро рогожинский
житель Свечкин стал еще и
охотником. Ну или получилось это
почти само собой.

Конечно, тяга к оружию у любого
нормального мужчины, хранящего в
своей глубине гены воина,

защитника и добытчика, что называется, естественное качество. А уж когда ты переезжаешь из мегаполиса, поделенного на квадратные клетушки квартир, висящие в воздухе на разной высоте, и переезжаешь именно на землю, поближе к природе – природные качества оживают заново и требуют хоть какого-то жизненного воплощения.

А тут еще время специфическое – середина девяностых, разгул всего, что только могло и хотело разгуляться. Оно и разгулялось, в связи с чем надо было думать и о возможной защите собственного дома и его домочадцев. В общем, сходилось всё одно к одному – к тому, что надо обзавестись оружием.

Стоило Петру Петровичу в

разговоре с московским знакомым, приехавшим навестить Свечкиных в их Рогожине (а знакомые приезжали часто), заикнувшись, что неплохо бы ему завести ружье, как этот знакомый тут же пообещал ему охотничий билет. И вскоре действительно охотничий билет на имя Свечкина П.П. был получен и зарегистрирован в местной (Подольской, как мы помним) охотничьей организации. За получением лицензии на оружие дело тоже не стало - и вот уже Петр Петрович едет в оружейный магазин и выбирает...

Понятно, что выбор его был не очень широкий - коллекционные ружья с инкрустацией предполагали, что семья не будет есть и пить по крайней мере год. Но и оружия доступного тоже хватало. Чем плохи, например, наши

ижевские ружья?

Вскоре Свечкин возвращался домой
уже вооруженным охотником.
Полюбовавшись на гладкоствольное
ружье двенадцатого калибра,
подержав его в руках и дав
поддержать другим, новоиспеченный
охотник (ни разу в жизни до этого
не бывший на охоте и не
отличавший балабана от баламута,
а апорт от арапника) на некоторое
время успокоился.

Но вот наступило лето, и очень
захотелось из этого ружья
выстрелить. Хотя бы несколько раз.

Вместе с одним верным соседом
Петр Петрович выехал в лес,
зарядил ружье патронами с пулей
(охотничья пуля – это увесистый
свинцовый шар, способный
остановить на лету любого кабана

или даже медведя) и проверил пробивную силу своего ствола. Пробивная сила была потрясающая: брус сантиметров в пятнадцать пуля пробивала насквозь и уходила дальше, в глубину деревьев.

Тут Петр Петрович успокоился вообще надолго. Всё ведь нормально – ружье есть, оно стреляет, пробивает всё, что ты хочешь пробить, а в свободное от этих мужских занятий время стоит себе в железном сейфе, закрытое на замок, и ключик спрятан в надежном месте (я уже говорил, что Свечкин всегда был более или менее законопослушным человеком и гражданином).

Так спокойно текли недели, месяцы, годы (ну года два уж точно прошло). Спокойно для Петра Петровича и для его нового ружья

двенадцатого калибра. Но теперь уже, похоже, слегка заело его супругу Анну Ивановну. Очень ей хотелось, чтобы ее муж хотя бы раз (лучше, конечно, и не раз!) сходил на охоту. Ну что это, в самом деле? Ружье есть, охотничий билет есть, а на охоте человек ни разу не был!..

А надо сказать, охотников в Рогожине было предостаточно. Ну если не через одного, то через двух на третьего – точно. И с этой стороны трудностей не было. Трудности были со стороны самого Петра Петровича. Ему было неудобно.

Он представлял себя где-то в лесу возле костра, в компании веселых подвыпивших односельчан, знающих друг друга чуть ли не с пеленок, разговаривающих в своей тесной мужской компании

преимущественно матом (а он уже давно матом не разговаривал) и на темы, которые его, как человека верующего, тоже не слишком интересовали, да и не представлялись безупречно приличными (это еще мягко говоря, учитывая уровень откровенности чисто мужских компаний!).

Представлял Петр Петрович, как он пропускает (не в смысле – пьет, а в смысле – не пьет) одну стопку за другой (пить много водки он вообще не мог – не позволяли сосуды), а они с презрительной жалостью смотрят на этого интеллигента, да еще вроде как писателя – и понимал, что ничего хорошего для неголично из такого похода не выйдет.

Нет, конечно, мужики-то будут рассказывать друзьям об этом Свечкине анекдоты, возможно, не

один год – но, скажите, кому из нас хочется быть героем местных анекдотов?

Но Анна Ивановна поставила себе цель и не отступалась. В то время она преподавала рисование в школе, поэтому познакомилась почти со всеми учителями. Один из них, математик Иван Васильевич, тоже был охотником. И в отличие от Свечкина – настоящим. А в отличие от почти всех остальных местных охотников – вполне образованным и культурным человеком. И когда Анна Ивановна обратилась к нему с известным нам вопросом, Иван Васильевич отреагировал на удивление тепло и доброжелательно. Ему, видимо, тоже было интересно сойтись поближе с новым своим земляком.

Иван Васильевич был вообще

хорошим учителем и человеком добрым, имевшим только одну особенность: каждый новый свой класс он предупреждал, что будет ставить двойки только за одну ошибку – если кто-то назовет его не Иваном Васильевичем, а Василием Ивановичем. Очевидно, анекдоты советского времени про Чапаева крепко запали ему в память, а героем анекдотов он (как и Петр Петрович) быть, видимо, не очень хотел.

Договорились о дне похода (шел вовсю осенне-зимний охотничий сезон), попутно Иван Васильевич дал Свечкину некоторые ЦУ. Ну, например, о том, что пойдут они на зайцев, а значит, дробь в патронах должна быть примерно четвертого-пятого номера.

(Я знаю, что охотники посмеются

над этим дилетантским и плоским утверждением, но как еще Ивану Васильевичу было разговаривать с неопытным Свечкиным? Не посвящать же его в тонкости заячьей охоты!)

Патроны с такой дробью у Свечкина имелись. А еще Иван Васильевич сказал о том, что ружье, пока его несут до леса, обязательно должно быть в чехле. Чехла не было, и ехать за ним в Подольск или Москву не было ни времени, ни желания, ни, что немаловажно, денег. В связи с этим Петр Петрович сел как-то вечером и стал шить себе чехол. Чехол получился очень красивый, из светло-серой замши, и когда Свечкин закончил работу, он с удовольствием смотрел на плоды своего ремесла.

Итак, все для успешной и приятной

охоты было приготовлено, а зайцы, как это у них водится во время охотничьего сезона, терпеливо ждали в лесу. Иван Васильевич говорил, что сейчас именно заячья пора, и все рогожинские охотники приходят домой с очень приличной добычей.

Наступил день Х, вернее - утро этого дня.

Иван Васильевич и Петр Петрович вышли на охоту. Настроение было весьма приподнятое - как у всяких охотников, идущих на охоту. Анна Ивановна тоже втайне была счастлива - ее мечта осуществилась.

Впереди охотников бежала собака Ивана Васильевича - замечательная, как водится, охотничья собака, а может, и самая

лучшая в мире, как собака почти каждого охотника.

Они подошли к опушке леса. Теперь оружие надо было достать из чехлов, что они и сделали. Прошли опушку, вошли в лес. Теперь можно было зарядить ружья и, поставив на предохранитель, взять наизготовку.

Они шли по лесу с ружьями наперевес – два замечательных охотника из поселка Рогожино, двое настоящих мужчин с настоящими ружьями. Собака увлеченно рыскала впереди, отыскивая заячий след. Иван Васильевич наставлял Свечкина, как вести себя при встрече с зайцем и время от времени повторял: «Сейчас... Сейчас... Сейчас...»

Минута проходила за минутой.

Зайцы пока не появлялись, но Иван Васильевич точно знал, что это их непоявление – временное. Еще не было в его охотничьей жизни случая, чтобы он пришел домой вообще без добычи. А уж что касается зайцев!.. Вот-вот они должны были начать выпрыгивать из-под елей и берез – и тут только успевай поворачиваться!..

Но они не выпрыгивали. Они, видимо, как-то подзабыли о том, что они должны делать, а может, просто ослабло их внутреннее чувство долга, как и у всех вообще в девяностые годы.

Постепенно лицо Ивана Васильевича менялось. Оно уже не было таким оптимистично-убедительным. Собака тоже как-то сдала – она не очень понимала, куда подевались те, ради кого они с

хозяином сюда пришли и кого они всегда здесь находили. Рефлекс, наработанный за годы успешных совместных охот, начал давать сбои.

Петр Петрович потихоньку начинал скучать. Он, конечно, иногда в своей жизни бывал на подобных рыбалках, когда за два-три часа напряженного ожидания не случалось ни одной поклевки, но что и охота может быть такой же – он пока, до этого момента, еще не знал. Но в целом данный факт он воспринимал stoически – ну, не повезло и не повезло, мало ли что. Если рыбалки такими бывают, почему такой не может быть охота?..

А вот лицо Ивана Васильевича менялось уже совершенно зrimo: оно напрягалось, мрачнело и вообще пыталось выразить какое-то

сложное и неоднозначное чувство
(позднее Петр Петрович понял, что
это было за чувство).

Охота длилась уже около двух часов
и, в силу своей безрезультатности,
становилась уже неохотой. Усталый
Свечкин терпеливо ждал, когда уже
можно будет пойти домой и
наконец поесть и отдохнуть, а не
менее усталый Иван Васильевич,
очевидно, ждал той известной
только ему одному секунды, когда
можно будет эту неохоту
прекратить без ущерба для
репутации его как охотника и для
самой охоты как великого,
содержательного и удивительного
во всех отношениях процесса.

Но вот наконец час пробил, секунда
пришла, и Иван Васильевич
прекратил дальнейшие мучения
волевым решением. Наконец...

Обратно шли молча. Иван Васильевич был как-то по-особому, по-охотничьи, задумчив. Иногда Петр Петрович ловил на себе косой, но внимательный взгляд своего руководителя. Похоже было, что Иван Васильевич пытается что-то понять про Свеклина - но что? Петр Петрович не знал.

При расставании Иван Васильевич всё так же задумчиво глянул на Свеклина и произнес выразительную фразу: «Такого со мной еще ни разу в жизни не было...» Потом подумал и добавил, видимо, чтобы как-то смягчить произведенный эффект: «Ну ничего, может, как-то в другой раз еще соберемся...»

Петр Петрович не помнит, как пришел домой, что рассказывал Анне Ивановне (впрочем, он ей

рассказывал всё), но помнит, что этот пристальный взгляд Ивана Васильевича и его последняя фраза долго не выходила у него из головы.

...И в результате через недолгое время он всё понял! Сам! И уверенно сказал Анне Ивановне, что Иван Васильевич больше никогда не позовет его, Свечкина, с собой на охоту. И никто из рогожинских охотников не позовет. Потому что всему рогожинскому охотничьему сообщству теперь ясно: Свечкин – человек невезучий! А это значит, брать его с собой в лес можно только в одном случае – если хочешь вернуться домой с пустыми руками! Но покажите мне охотника, который хочет стать посмешищем в глазах товарищей...

Анна Ивановна возражала мужу, надеялась на лучшие варианты и

т.д. Но, как это часто бывает, самым реалистичным оказывается именно пессимистический вариант. Петра Петровича и вправду больше никто и никогда не позвал с собой на охоту. Впрочем, он туда не очень и рвался. Он как-то охладел к великому, загадочному и удивительному мужскому делу охоты...

А что же ружье, спросит читатель?

А ружье мирно отдыхало в сейфе и доставалось на свет Божий только тогда, когда приезжал очередной гость из Москвы, - гость, который этого ружья еще не видел. Ружье хвалили, оно молча, но с достоинством принимало эти похвалы, а потом вновь уходило в свой крепкий и уютный железный дом. До следующего гостя, который с ним еще не был знаком.

Так прошло (промелькнуло!) пять лет. А потом однажды в храме после воскресной литургии к Петру Петровичу подошел прихожанин по имени Юрий (он был в то время местным участковым) и сказал, что ситуация с ружьем у Свечкина весьма непростая. Срок лицензии заканчивается буквально днями, и выход сейчас один: немедленно вести ружье в Подольск, сдавать по акту в милицию, а уже после этого продлевать лицензию и получать оружие обратно. Иначе наступает уголовная ответственность за незаконное (без лицензии) владение оружием.

Уголовной ответственности (помня столбики) Петр Петрович не хотел и даже очень боялся. Поэтому он срочно поехал в милицию и отвез свое ружье. Потом, по инерции, собрал все справки и продлил

лицензию. Потом с этой продленной лицензией долго не мог собраться опять ехать в разрешительный отдел.

Но вот собрался наконец. Ехать надо было часам к пяти утра, чтобы занять живую (а точнее, полумертвую!) очередь и дремать возле райотдела в машинах часов до девяти. Но вот и девять часов пробило. Появились сотрудники райотдела. Скоро начнется прием в нужных окошечках.

И тут Петр Петрович вместе сотоварищи по несчастью увидел удивительную картину: ружья (десятки ружей!) выносили из здания райотдела и грузили в фургон. А вот и его ружье несут – то самое, которое он рассчитывал сегодня получить обратно! Он подошел к офицеру и возопил, что

вот это ружье уж точно не надо
никуда увозить!

Но ответ ему был прост и суров: по закону всё это оружие должно быть отвезено в областное оружейное хранилище (находящееся, кстати, километрах этак в семидесяти от Подольска). А потом, когда продленная лицензия будет учтена и зарегистрирована, он, по особому прошению, сможет из этого хранилища свое ружье получить обратно. Как мы видим, всё просто, быстро и весьма удобно.

И это было последнее свидание Петра Петровича с его замечательным ружьем (у которого, видимо, просто не заладилась его оружейная судьба). Потому что Свечкин, не дожидаясь своей очереди в вожделенное окошечко, пошел к своей машине, сел в нее и

уехал к себе в Рогожино. Плюнул он или нет вслед отъезжающему фургону с ружьями, он не помнит. Во всяком случае, желание плюнуть оставалось у него почти до сих пор, хотя, конечно, это не очень христианское желание...

Нет, он, конечно, мог по закону поехать и получить свое ружье и спустя неделю, и спустя месяц, и спустя год. Но не поехал больше никогда. Видимо потому, что владеть оружием оказалось вовсе не так красиво и занимательно, как это казалось ему вначале. Зато это оказалось довольно скучно, тоскливо и унизительно, о чем он даже не предполагал.

Так закончилась история Петра Петровича Свечкина как рогожинского охотника. Удачливого или невезучего – это

ведь второй вопрос...

Выдающаяся кошачья личность

Мы уже рассказывали о козах, собаках, кроликах, курах и другой живности, которая в изобилии водилась в девяностые годы в Рогожине и с которой у семьи Свечкиных складывались иногда вполне тесные отношения. Но если говорить о незабываемости какого-то живого существа для всей семьи, вряд ли кто-то в этом смысле может сравниться с кошкой по имени Муся.

Всё в ней было необычно – от характера до истории ее появления в доме Свечкиных. Поэтому начнем именно с этого, с истории появления.

... В то время Свечкины выезжали в Москву дважды в неделю: в воскресенье ехали на службу в храм вместе с детьми, а в среду – только Анна Ивановна с Петром Петровичем. Он на заседание редколлегии в один известный журнал, где работал обозревателем, она – на занятия детской художественной студии, которые вела как преподаватель. В общем, в среду они оба работали.

Стояла морозная, очень морозная зима. Был вечер вторника, а назавтра, в среду, Свечкиным надо было в очередной раз ехать в Москву на работу. Петр Петрович сидел на кухне и от нечего делать листал книгу, рассказывающую о разных породах кошек. А может, и не совсем от нечего делать, а по той причине, что как раз кошки у Свечкиных в то время и не было,

поскольку очередной Котя покинул дом ради своей новой кошачьей семьи.

А когда у тебя нет кошки (но она необходима), то ты находишься в занимательном и даже приятном периоде выбора. Вот они, разные породы, перед тобой, а ты посмотри, почитай и подумай, какая из них тебе нравится больше всего. В сущности, этот выбор касается не только кошек, но и всех остальных вещей в мире, включая и самые возвышенные.

Вот и Петр Петрович читал, смотрел и думал. Какую бы породу он хотел завести? Сложный вопрос! Ведь у каждой кошачьей породы есть свои достоинства, как и свои недостатки (ну если у людей так – то почему у кошек должно быть по-иному?).

Петр Петрович читал долго, углубленно и внимательно. Постепенно в его сознании вырисовалась ясная картина: все породы кошек более или менее одинаковы. Кроме одной.

(Тут надо сделать пояснение и сказать о критериях, которыми руководствовался Свечкин-старший в своем выборе. Конечно, в кошке важны и внешний вид, по-научному называемый экстерьером, и характер, и всё прочее – но кошка нужна была Свечкиным прежде всего по своему основному, что называется, онтологическому признаку и принципу: она должна была ловить мышей! Не будем забывать, что семья жила в деревне, в собственном доме, и мыши были абсолютно объективной реальностью, да такой реальной реальностью, что иногда

приходилось бросать все силы на то, чтобы если не вывести их окончательно, так хотя бы слегка поумерить их количество и тот горячий пыл, с которым они грызли буквально всё, что попадало на зуб...)

Ну так вот. Именно по этому принципу все породы кошек делились на две очень неравные части - первая, большая часть, ловила мышей тогда, когда была голодна. А когда была сыта - не ловила. Просто не видела никакого смысла в этом занятии. И мышь могла спокойно пробегать мимо самого страшного(!) в мире (!!) зверя(!!!), а страшный зверь лежал спокойно и умиротворенно как удав, заглотивший кабана и теперь его переваривающий. Ну разве что открывал один глаз, видел, что это всего лишь обыкновенная мышь, и

тут же закрывал его...

Повторяю, так делали все породы. Кроме одной. Эта одна называлась – короткошерстная. Если быть точным, то короткошерстная кошка бывает европейская, а бывает британская, но это деление в каком-то смысле условно – даже спиралевидный рисунок на боках британцев и европейцев практически одинаков. Так вот, короткошерстная кошка (неважно, европейская или британская) ловила мышей всегда. И чувство сытости никогда не подавляло в ней чувства долга.

(Здесь я должен оговориться, ради объективности, что существует еще третья группа кошек. Это те, кто при виде мыши падают от ужаса в обморок, отскакивают на другой конец комнаты и просят валерьянки

или валокордина. Но их мы не рассматриваем, поскольку кошками они являются только по внешнему виду...)

Этот факт по поводу короткошерстных буквально потряс Петра Петровича. Говорил я или нет, но он и сам с детства был человеком долга. То ли так воспитали, то ли таким (к несчастью для себя) родился. Но, как в том известном рассказе, если бы его поставили на пост, а потом забыли снять с поста, он бы никогда не мог уйти с этого поста сам. Он понимал, что это какая-то крайность, но видя, как легко люди покидают любые свои посты и вообще плюют на чувство долга, он считал, что лучше уж такая крайность как у него, чем та, что у них. Прав он был в этом вопросе или нет – каждый решает сам...

Так вот, Петра Петровича поразило, что обычная кошка, простое домашнее животное, обладает таким чувством долга, которого порой нет и у людей. Впрочем, уже в силу такой особенности вряд ли можно было назвать эту кошку обычной. Он понял, что если уж он и хотел бы сейчас завести кошку, то именно такую, именно эту – с чувством долга как у него самого. Впрочем, понимал он и то, что породистая кошка стоит недешево, а семья Свечкиных в это время считала если не копейки, то рубли – то уж точно. И не от легкой жизни выезжали Петр Петрович и Анна Ивановна каждую среду в Москву, оставляя детей в деревне без взрослой опеки на целый долгий день...

Среда прошла как обычно: работа, попутные дела, которые они всегда

старались сделать в этот день в столице. А поздно вечером – возвращение домой. Даже не поздно вечером – возвращались они ночью, часа в два пополуночи. Мороз в это время просто озверел, дойдя градусов до тридцати, а может даже – и перевалив за тридцать.

На полпути заехали на заправку, где обычно заправлялись. Выходить из машины в такую стужу не хотелось, но куда денешься? Петр Петрович подъехал к колонке, заглушил двигатель и пошел к кассе, чтобы купить бензин.

И тут навстречу ему побежала кошка! Но почему вдруг закружила его голова и даже как-то перехватило дыхание?.. Почему он на секунду даже как бы потерял чувство реальности и забыл, где

находится?..

Да потому что навстречу бежала именно та, именно его любимая – короткошерстная, которая обладает абсолютным чувством долга, которая имеет на своих боках симпатичный рисунок из темных спиралей, но которую практически невозможно купить по причине ее дороговизны – в общем, та, с которой он заочно познакомился всего сутки назад и которая вдруг материализовалась в эту секунду на обычной заправке из ничего, из морозного воздуха и хрустящего снега...

Анна Ивановна тоже увидела, что происходит и открыла дверь. И кошка не останавливаясь, не раздумывая, взяла и прыгнула в их машину. Прямо к хозяйке на колени...

Это была даже не взрослая кошка - это была молоденькая кошечка месяцев четырех-пяти. Но то, что это была именно та порода, как бы предназначенная для семьи Свечкиных еще со вчерашнего дня - было почти несомненно.

Почти, потому что это была, как уже говорилось, дорогая порода. И взять что-то чужое без спроса, даже на автозаправке, для Свечкиных было невозможно. А значит?.. А значит, Петр Петрович пошел к кассирше во второй раз. Он шел и испытывал сложные чувства: а вдруг ему сейчас выскажут возмущение и велят вернуть чужую кошку, да притом дорогую?

Но всё обошлось... Кошечку, как оказалось, бросил кто-то из местных дачников, не захотев брать в Москву, и теперь она жила, что

называется, при заправке,
перебиваясь тем, что бросят ей
люди, а точнее – что пошлет Бог.
Кассирша с радостью избавлялась
сейчас хоть от этой обузы.

А Свечкины ехали домой и не могли
поверить своему счастью...

Кошку, как уже наверняка
догадался читатель, назвали Мусей.
Я когда-то уже говорил, что всем
котам Свечкины абсолютно
бесхитростно давали имя Котя, а
всем кошкам – Муся. Но!.. Но когда,
спустя годы, кто-то из семьи
говорил другому: «А помнишь
Мусю?..», то все сразу понимали, о
ком идет речь. Потому что эта Муся
была Мусей par excellence. Что
называется, Мусей с Большой
буквы.

Почему?

Причин было немало, но главная была очевидна – независимый и самостоятельный характер. Мусю, даже когда она была совсем молодой, нельзя было просто так взять на руки или погладить. Она должна была этого захотеть сама. А она этого – увы! – почти никогда не хотела. Поэтому, когда с годами Муся помягчала и могла иногда прийти и лечь на колени к хозяину или хозяйке – для них это было громадным подарком. При этом она была не шумной, не злой, не раздражительной – она была просто строгой и умела себя держать...

Когда Муся пришла в дом, она не спрашивала у людей, что ей нужно делать. От людей ей требовалось только одно: чтобы они вовремя открывали и закрывали ей двери (этого она все же не могла, не смотря на свою интеллектуальную

的独特性）。在地下室或
街上，必须打开门——这完全取决于她
是否已经计划好
最近的时间。在这种情况下，她几乎不说话——
只是走近门并等待，直到有人
注意她。

有必要指出，房子（以及地下室、花园和
马厩）被整理得井井有条！最后，
沉默的、折磨人的、像蜡烛一样的
老鼠的声音，吱吱叫，摩擦，
很快地，慢慢地，渐渐地扩大了她的
责任感的范围。很快，整个
巨大的领域，就在房子前面，也成了
她的领地。

在冬季的霜冻，当水
灌入田野上的老鼠洞时，
它们会惊慌失措地跳出来，

бежали незнамо куда, Муся приходила домой порой с таким огромным животом, что было очевидно: в него поместилось не меньше десятка жирных зимних полевок...

В общем, Муся заняла свое достойное место в семье, и Свечкины не представляли жизни без нее. Но... Но внезапно Петр Петрович заболел бронхиальной астмой. И не просто астмой, а аллергической астмой. И врачи сказали, что кошка в доме просто противопоказана(это было неудивительно, ведь шерсть домашних животных – один из сильнейших аллергенов!).

Расставаться с Мусей Свечкиным было очень грустно. Но делать нечего – задыхаться, как это бывает во время острого приступа астмы,

Петр Петрович очень не хотел. Люди, пожелавшие взять Мусю, нашлись сразу (я забыл упомянуть, что она была еще и очень красивой). Когда ее принесли к ним в двухкомнатную квартиру, она, видимо, всё поняв, просто прыгнула на одно из кресел и свернулась калачиком. Все сразу решили, что теперь это место – ее законное...

Это было зимой. А летом новые хозяева Муси переехали из старой квартирки в только что достроенный дом в том же Рогожине. Теперь Муся, видимо, опять приобрела свободу передвижения по участку в двенадцать соток (и не только). То, что она и в этом доме навела свой порядок, можно было не сомневаться.

Зато в доме Свечкиных мыши

поняли, что главные теперь – они! И это была почти правда, ведь карающей лапы кошачьего закона над ними больше не было. Конечно, Петр Петрович накупил в магазине мышеловок, но мыши же были не настолько дуры, чтобы послушно идти в магазинные мышеловки! Они аккуратно объедали наживку, оставляя пружинный механизм мышеловки в неприкосновенности. Чего только ни придумывал Свечкин-старший! Он, например, изобрел собственную конструкцию мышеловки, в которой главной неожиданностью для мышей было ведро с водой, куда они внезапно падали, чуть-чуть не дотянувшись до вожделенного куска копченой колбасы. Но что бы ни изобретал Петр Петрович, мыши были, мыши ели и не собирались отказываться от своего любимого занятия...

А астма Петра Петровича вела себя достаточно своевольно, неблагородно и непредсказуемо. Ну вот например: кошки в доме уже нет, вся прошлая шерсть давно вычищена Анной Ивановной – а Петр Петрович нет-нет, да и опять переживает приступ удушья. Это было вдвойне обидно: ведь теперь было непонятно, а зачем они вообще расстались с Мусей? Но и попросить обратно ее тоже было невозможно – новые хозяева к ней уже привыкли и очень ее хвалили.

В общем, не стану больше испытывать терпение читателя. Однажды утром Петр Петрович вышел на крыльцо и увидел... Ну конечно! Навстречу ему по дорожке к дому шла Муся. Она, обретя свободу передвижения, нашла свой дом и вернулась в свою семью... Надо ли говорить, что ее

приняли с распростертыми объятиями (в прямом и переносном смысле)? И надо ли говорить, что и она не очень противилась этим горячим объятиям? Думаю, не надо. Каждому нормальному человеку это ясно и так.

Но эта верность семье еще более повысила ценность этой удивительной кошки для всех Свечкиных. (И опять: надо ли говорить, что верность бывает не под силу даже людям? А тут неразумное, как нам кажется, домашнее животное...) А через несколько дней Свечкины опять забыли, что такое мыши, поскольку порядок в доме и на этот раз был наведен быстро, аккуратно и бескомпромиссно.

...Так хотелось бы закончить этот рассказ замечательной сказочной

формулой: и стали они жить-
поживать, да добра наживать. Увы!..
Муся жила у Свечкиных еще года
два или три, а потом внезапно
потерялась. Ее, конечно, искали, но
найти нигде не смогли. Дело было
зимой (опять зимой!), а по весне
сосед Михаил Васильевич
обнаружил ее трупик в канаве на
обочине дороги. Мусю сбила
машина.

Мораль? Да какая тут мораль...
Просто бывают не только люди,
бывают даже животные, которые
оставляют в твоем сердце по-
настоящему неизгладимый след. И
так ли уж верна истина, что у
животных нет души? А где тогда
живут чувство долга и верность?
Где помещается любовь?..

А пожалуй, будет и мораль.
Простенькая, но всё же... Может и

нам, глядя на них, наших меньших
братьев и сестер, иногда стоит
чему-нибудь хорошему поучиться?..
Чему-нибудь, скажем так,
человеческому?

Народный артист на грядках

У Свечкиных был один знакомый народный артист. Нет, конечно, у них были и другие знакомые народные артисты, учитывая, что Петр Петрович иногда писал для театра пьесы, и эти самые театры иногда ставили их на сцене. Как тут обойдешься без театральных знакомств?

Но если те народные артисты действительно были только знакомыми, то этот народный артист был своим. Родным. Поскольку он не только играл

однажды в пьесе Петра Петровича (и играл не кого-нибудь, а священника!), но и был прихожанином и духовным чадом отца Геннадия, как и вся семья Свечкиных. Звали его Владимир Петрович.

Владимир Петрович был замечательным человеком. Честным, скромным, правдивым, терпеливым, старающимся никогда и никого не обидеть, не нанести никому никакого урона. Такие люди и вообще-то редки среди нас, а уж в театральной сфере - сами понимаете...

Но он был, не смотря на свою скромность, и известным, даже знаменитым артистом и снялся в десятках фильмов. Пик его славы пришелся годы на семидесятые, но и в девяностые люди знали его и

помнили. Помнили его прозрачные, как будто выцветшие голубые глаза, ясный внимательный взгляд и неторопливость и убедительность каждого жеста.

Да еще бы этим глазам не быть внимательными, а этим жестам – убедительными! Биография этого человека была настолько нестандартной, что... Впрочем, поясню. У нас ведь как? Или мужчина был фронтовиком и героем, или прожил жизнь преступника и заключенного. Владимир Петрович умудрился в одной судьбе соединить эти две, не самые простые. Сначала фронт, героизм и мужество, ордена и медали, а сразу после войны (спустя несколько месяцев всего!) – арест и четыре года лагеря. И то четыре только потому, что был освобожден досрочно. Какие там

были статьи и в чем его обвиняли – он вспоминать не любил и только всегда смиренно говорил, что сидел за дело...

В общем, Свечкины очень любили Владимира Петровича, а он ответно любил всю их семью. А особенно – их маленьких детей. Наверное, потому, что своих детей у него с женой не случилось. Когда глаза Владимира Петровича глядели на младшее поколение Свечкиных, они всегда теплели и наполнялись чем-то неизбывно детским. Поэтому не было ничего удивительного в том, что однажды и Владимир Петрович выразил желание навестить их в их Рогожине.

Определили срок, и в очередное воскресенье Свечкины забрали Владимира Петровича с собой. Отдельная комната в доме ему

нашлась, так что устроили его со всеми возможными удобствами.

Владимир Петрович ходил по дому, по участку, здоровался с Гулей, пытался погладить Мусю, вздыхал о чем-то, - в общем, вел себя как настоящий заправский московский гость, которым он, в сущности, и являлся.

Были первые числа мая. С одной стороны - майские праздники, которые у нас, как известно, традиционно-масштабны (от 1 мая до 9-го!). С другой стороны - эти праздники так подходят для тех самых огородно-полевых работ, о которых в связи со Свечкиными я уже писал не раз! Ну когда еще и обихаживать весеннюю прогревшуюся под солнцем земельку, как не в эти дни, которые будто специально предназначены для того, чтобы посадить морковь,

лук и свеклу...

Нет, разумеется, Свечкины были людьми нормальными и вовсе не собирались выгонять Владимира Петровича, такого уважаемого и знаменитого гостя, с лопатой на грядки! Но... Но с его обостренным чувством справедливости разве мог он остаться в стороне, когда вся семья, включая детей, возится на огороде? Не мог, конечно.

Он и не остался. Выпросив у Анны Ивановны лопату, он присоединился к Свечкиным в один из вечеров. Подходящей одежды у него не было, и потому ему выдали какие-то застиранные тренировочные штаны из гардероба Петра Петровича.

Было тепло, мягко и сыро. Над огородами и садами белели

цветущие во всю силу вишни и яблони, а это, кто бы что ни говорил, красиво!..

Копали грядки не торопясь. Не потому, что спешить было некуда, а потому, что быстрее просто не получалось – земля на участке Свечкиных всегда была тяжелой. Этакий подмосковный классический суглинок с вкраплениями чистейшей глины. Время от времени останавливались и устраивали передышку. Во время передышки с удовольствием разговаривали обо всем на свете.

Мимо огорода ходили соседи, смотрели внимательно, узнавали знаменитого артиста, улыбались, здоровались. Свечкины и Владимир Петрович тоже улыбались в ответ и отвечали на приветствия. В общем, атмосфера была благодушной и

праздничной, несмотря на лопаты и грабли в руках населения. Глухих высоких заборов в Рогожине тогда еще почти не было, и один участок от другого отделяли лишь низенькие заборчики из штакетника...

Вечером, после трудов праведных, семья собиралась за столом на ужин. Ужин, в связи с праздниками и с гостем, был непременно праздничным, с обязательными пирогами Анны Ивановны (Свечкины в эти годы выходили из трудного материального положения в основном с помощью пирогов Анны Ивановны, печь которые она была большая мастерица и которые как традиция уже почти выветрились к тому времени из московской жизни...).

К пирогам, естественно, для

взрослых полагалось сколько-то грамм фронтовых (тем более, что за столом находился самый настоящий фронтовик!). Величина дозы зависела от многих факторов, но в доме Свечкиных всегда была достаточной.

В общем, было хорошо и как-то душевно. После ужина можно было выйти и пройтись по поселку, показывая Владимиру Петровичу, как в Рогожине живут люди. А заодно и познакомить его с соседями, которые тоже расцветали улыбками в ответ на его приветствие.

Так проходили праздничные дни – в трудах, но и в радостях.

Спустя несколько дней Владимир Петрович уезжал от Свечкиных в самом лучшем расположении духа.

Ему понравилось всё: их дом, их сад и огород, их собака и кошка, да и само место, в котором всё это богатство обреталось. Ну да, дом надо было слегка подремонтировать, а участок немножко облагородить – но это ведь уже детали. А кто из русских людей смотрит в таких глобальных вещах на незначительные детали?..

В общем, всё прошло хорошо (всё и правда прошло хорошо!). И лишь некоторые корректизы внес постскрипту姆 этой истории.

Праздники закончились, и дети снова пошли в школу. Ну пошли и пошли, ничего необычного. Но однажды старшая, Санечка, пришла домой в каком-то странном состоянии. Как будто у нее в школе что-то случилось. Что-то такое, не очень приятное, вроде двойки по

математике.

На все расспросы Санечка поначалу отмалчивалась. Но тут надо знать ее характер. Будучи девочкой очень чувствительной и переживательной, она в то же время очень не любила расстраивать других и потому обычно вела себя в подобных случаях как партизан в известной ситуации.

Но ребенок-то был расстроен, и потому Анна Ивановна была настойчивой. Наконец ей удалось выяснить причину, испортившую настроение Санечке. И надо сказать, причина эта была не совсем обычна.

Оказывается, одна из учительниц (Петр Петрович не помнил, что это была за учительница, какой

предмет она вела и т.д.) во время своего урока сумела как-то так навести разговор на прошедшие праздники, что дело от праздников вообще дошло и до Свечкиных конкретно. И до их народного артиста, который копал им грядки в старом тренировочном костюме Петра Петровича.

Смысл выступления этой учительницы был примерно таков: как могут люди, которые вроде бы выглядят нормальными даже культурными (речь, вы понимаете, шла о Свечкиных), позволить своему гостю, народному артисту, знаменитому человеку, да к тому же еще и фронтовику, настоящему герою, позволить взять в руки лопату как простому человеку и копать грядки на их огороде, да к тому же в самые праздничные, самые военные дни?!. И это в то

время, когда мы должны беречь, холить и лелеять подобных замечательных и удивительных людей, приглашать их в школу на встречи с учениками и вообще, окружить их заботой, вниманием и почтением...

Оказывается, она тоже проходила мимо огорода Свечкиных, и тоже видела Владимира Петровича, копающим грядки. Здоровалась она или нет, я не знаю, но то, что она при этом не улыбалась – это почти наверняка...

=====

В обществе любят артистов. Это идеализм, - сказал когда-то умный и язвительный Чехов. Петр Петрович, будучи по своей профессии коллегой Чехова, хотя и не знаменитым, любил в этой фразе

менять последнее слово идеализм на идиотизм. Так ему казалось точнее. Но это вопрос далеко не однозначный.

Санечку, конечно, успокоили и утешили. Тем более, что реакция ее учительницы была в своей основе совсем не злой. Даже, если вдуматься поглубже, доброй. Это было желание защитить выдающегося человека от грязи и тяжести повседневной сельской жизни. Той тяжести и грязи, которые ей-то самой были знакомы не понаслышке, ведь у каждой учительницы в селе есть точно такие же огороды, грядки, картошка, лопаты, пыльные мешки и ведра. В общем, та же грязь и тяжесть. (Впрочем, и те же цветущие вишни и яблони каждой весной - об этом тоже нельзя забывать хотя бы ради

справедливости.)

Просто это желание было немножко наивным. И слегка детским. Грязь и тяжесть этой жизни она почему-то в этом конкретном случае накрепко связала со Свечкиными и возложила на них всю ответственность за эту тяжесть. А разве они сами от этой тяжести мало страдали? Но тут уж как случилось...

Все равно цвели вишни и яблони. А народный артист был всем доволен. И всё было хорошо.

Неожиданный друг

Как появляются в нашей жизни друзья? И что такое дружба в своей, что называется, онтологической сущности? Почему один

одноклассник или сокурсник по институту становится нашим другом, а другой – ни за что и никогда не сможет им стать?

Всегда есть искушение заявить, что дружба возникает между похожими, если не одинаковыми, людьми. Но мы же знаем, что это неправда. Однаковых людей не бывает вообще, а похожие... В чем похожие? В чем они должны быть похожи, чтобы между ними возникла дружба?

Петр Петрович иногда задумывался над этим вопросом, но никогда и ни разу не пришел к окончательному выводу. Впрочем, задумывался, естественно, не только Петр Петрович. Вон, у отца Павла Флоренского в «Столпе и утверждении Истины» целая глава есть, посвященная дружбе.

Занимает она несколько десятков страниц. И автор даже ставит дружбу выше любви между мужчиной и женщиной, и даже обосновывает это высокими духовными доводами и причинами...

И все-таки, если ответить простыми словами, что такое дружбы и откуда она берется?

...Когда Свечкины уезжали из Москвы, меняя свою новую квартиру с гаражом на дом в Рогожине, естественно, в этой большой и серьезной сделке присутствовал риэлтор. Назовем его Алексей Алексеевич.

Как для любого риэлтора, для Алексея Алексеевича эта крупная сделка была, прежде всего, его работой, то есть – его основным заработком. И это понятно – люди

работают, чтобы зарабатывать деньги. Но...

Алексей Алексеевич был не вполне рядовым человеком (Свечкиным то ли везло в жизни на таких людей, то ли вообще в мире нет никаких рядовых представителей рода человеческого). Судьба его не баловала с самого детства: вырос он в детдоме (вместе со своими братьями и сестрами), хлебнул в своей жизни самых разных трудностей и имел, основой своего характера, чувство справедливости. А это, как Петр Петрович замечал в своей жизни не раз, очень непростое и сильное чувство, зачастую становящееся стержнем личности.

...Итак, обмен квартиры на дом был произведен. Равноценный или несправедливый – Петр Петрович

никогда не мог оценить, да особо и не пытался это сделать. Но очевидно, какая-то доля несправедливости по отношению к Свечкиным была допущена. Как со стороны старого хозяина, так и со стороны риэлторов. Всё это так и кануло бы в лету, если бы... Если бы риэлтором был кто-то другой.

Прошло недели три-четыре после переезда Свечкиных в Рогожино, началась эпопея с водой (а точнее, с ее отсутствием), о которой мы рассказывали выше - и вдруг в один из дней к их дому подъехала машина. И из нее вышел Алексей Алексеевич.

Поздоровавшись, он осмотрел дом и участок, попил чаю (обычная программа для любого гостя), а потом вытащил из кармана тысячу долларов и вручил Петру

Петровичу.

Петр Петрович, конечно, сначала удивился и не поверил, потом поотнекивался, как это положено для приличия, но в результате уговоров деньги взял. Деньги на то время были немалые, а у Свечкиных их не было вообще. Напрочь. (Кстати сказать, Петр Петрович зарабатывал в своем журнале тогда ровно сто долларов в месяц.)

Деньги были вроде бы даны на решение проблемы с водой, но проблема эта в очень скором времени решилась другим, менее затратным путем (об этом выше мы тоже рассказывали). И деньги пошли туда, куда и должны были пойти - на жизнь для многодетной семьи.

Спустя пару месяцев Алексей Алексеевич снова приехал и привез еще тысячу долларов. И опять эти деньги ушли на еду и тому подобные излишества. Примерно в это же время Алексей Алексеевич привез из Подольска бригаду, которая выкопала Свекиним скважину прямо на участке, чтобы решить проблему с водой. Естественно, сделано это было на его деньги.

Таким образом, получалось, что Алексей Алексеевич относится к Свекиним не совсем так, как должен бы относиться обычный классический риэлтор к своим клиентам. А точнее, совсем не так. Ведь он мог, как только сделка была закончена, потерять к этой семье всякий интерес и забыть Свекиных навсегда. А у него, наоборот, этот интерес только рос и

углублялся с каждым месяцем и годом. Почему?

Петр Петрович и Анна Ивановна иногда пытались понять, чем их семья приглянулась Алексею Алексеевичу. Вот что у них выходило. Во-первых, семья была многодетной и довольно симпатичной (во всяком случае, внешне). К тому же Свечкины были людьми доброжелательными. А уже давно замечено, что в дружных симпатичных доброжелательных семьях нам приятно находиться (тем более, что со своей семьей у Алексея Алексеевича было немало проблем). К тому же, это были люди искусства, с которыми прежде ему сталкиваться, видимо, не приходилось.

Во-вторых, это была семья верующая, церковная, а Алексей

Алексеевич как раз в это время потихонечку, ощупью искал путь к Церкви. И потому всякое подтверждение правильности этого пути для него было важно и даже насущно. Ведь ничто так не поддерживает нас, как свидетельство о нашей правоте в том или ином жизненном вопросе со стороны других людей.

Ну и в-третьих (и в-главных, наверное!). В-третьих – Свечкины были дураками, и они сами это прекрасно понимали. Но как раз дураки вызывают в нас чаще всего совсем не только отрицательные чувства. Скорей даже наоборот. Когда в твоем сердце при виде них возникает сложная смесь чувства собственного превосходства, жалости и изумления (а иногда и острого желания помочь!) – попробуй разберись в этой

удивительной и сладкой мешанине собственных эмоций...

А Алексей Алексеевич постепенно становился церковным человеком. Стал соблюдать посты, исповедоваться и причащаться. Причем посты он соблюдал так, что Свечкиным и не снилось – строго и по-монашески. У него появился духовник, он стал помогать храмам (он, как-никак, был бизнесменом, и потому имел такую возможность). В общем, человек нашел то единое на потребу, без которого никто из нас не может нормально жить в этом мире. Нашел – и прилепился к нему.

Регулярно, раз или два в год, Алексей Алексеевич приезжал к Свечкиным в их Рогожино. Пили чай, разговаривали обо всем (но преимущественно – о духовном),

гость радовался, что дом Свечкиных постепенно (очень постепенно!) приобретает аккуратность и некоторое благообразие. Иногда, когда в его делах наступали критические моменты (а у бизнесменов это бывает нередко), звонил, приезжал и просил молиться за него и его товарищей. Как-то раз Петр Петрович даже возил его к своему духовнику, наместнику большого монастыря, для серьезной доверительной беседы.

А когда долгий период рогожинской жизни для Свечкиных стал подходить к концу (о чем речь еще впереди), именно Алексей Алексеевич стал тем человеком, который помогал им в поисках, обменах, продажах и покупках квартир. Человеком, на которого они полагались в этом

ответственном деле полностью и без сомнений. Которому они доверяли на все сто процентов. А может, даже и больше.

Они и сейчас встречаются, хотя и не так часто. И теплые чувства сохранились с обеих сторон.

...И все-таки, что такое дружба?

Мне кажется, мы не сможем понять этот феномен до конца, если не будем брать в расчет всех, кто присутствует и действует в этой удивительной встрече. Встрече друзей.

А в ней всегда присутствуют три стороны: два человека и?..

Правильно, и Сам Господь. Не встречаются люди на земле без Его воли. А если кто-то с кем-то встречается по воле Божией, значит, и цель у этой встречи

чиста, высока и, в конечном счете, духовна. Потому что это - цель Господня, а у Него не может быть злых, грязных и низких целей.

Это же, впрочем, относится и к любви во всех ее бесчисленных проявлениях.

А уж если из встречи людей ничего хорошего не получилось, и вместо любви и дружбы образовалась только низость, ложь, ненависть и жестокость - стоит подумать: точно ли такова была цель Божья, или это мы испортили всё своими мелковатыми, грязноватыми и подловатыми желаниями и страстями. Нет, конечно же, нам всегда легче попенять на зеркало, когда мы видим пятна на нашей физиономии. Но ведь хоть иногда стоит подумать: а вдруг это наша рожа крива?..

Но не будем заканчивать эту главу на печальной ноте. Вернемся в основную мажорную тональность. Ведь этот мир сотворен Богом, любящим нас Отцом. А это значит, что все наши друзья даны нам в этой долгой и нелегкой жизни для поддержки и взаимопомощи.

Надо только уметь замечать, чтобы успеть поддержать и помочь...

Смерть как часть бытия

Современная культура не любит думать и говорить о смерти. Во всяком случае, господствующая культура. А господствует сегодня в мире (по крайней мере, в его медийном пространстве), как известно, культура, которую, обобщая, называют западной. И настолько эта культура не любит думать и упоминать о смерти,

настолько хочет забыть о ней, что становится ясно - человек западной культуры смерти всерьез боится. Он не хочет не то что думать о ней - он не хочет о ней помнить. Точнее - хочет забыть. Поскольку бог комфорта и всяческих удобств, которому молится сегодня добрая (или не очень добрая?) половина мира, подразумевает жизнь именно и только здесь, среди бесконечных приспособлений, служащих твоему удобству.

А поскольку западный человек боится смерти - он хочет каким-то образом от этого страха избавиться, сублимировать этой страх (поскольку страх - тоже некомфортное чувство, а значит - нарушение основного принципа этой культуры). И вот он (в лице своего главного и почти единственного идеолога -

Голливуда) начинает смеяться над смертью и мертвыми. Начинает пародировать и смерть, и мертвецов. И идут по экранам десятки и сотни фильмов про зомби, в которых эти самые зомби всегда оказываются врагами живых людей. То есть нас с вами.

Надо ли говорить о том, насколько это – мерзкая, трусливая и подлая ложь о смерти? Души наших усопших, нуждающиеся в нашей молитве, нашей памяти, нашей любви, предстают на экранах безобразными чудовищами, в которых надо стрелять, стрелять, стрелять из всего, что стреляет... Которых надо убивать во второй раз, пулями разбивая их ненавистные головы. И это понятно: убивая мертвых, они как бы убивают смерть. Во всяком случае, они так думают, они на это

надеются.

Причина подобной трусости, думаю, очевидна: человек, отрицающий Бога и вечную жизнь (то есть всю духовную, а это значит главную, сферу своего бытия), остается с жалким обрывком всей полноты жизни – только с жизнью физической, земной, посюсторонней. С видимым миром, позитивистской реальностью, которая нас окружает. Если за гробом нет НИЧЕГО (а что еще обиднее – вместо тебя вырастет бессмысленный лопух, как говорил известный герой Тургенева), то сам момент смерти становится абсолютным и окончательным уничтожением. Уничтожением ТЕБЯ... Да что там тебя – МЕНЯ!..

Поэтому так девственно-чист ужас

людей, оказавшихся вдруг рядом с внезапной смертью во время терактов: они уже совсем забыли о том, что смерть существует, они живут для полноты собственного ежедневного удовольствия, а им грубо и бес tactно об этой самой смерти напоминают. Говорю это не с иронией, конечно (да и какая тут возможна ирония!), но все же с некоторым недоумением: разве мы не знаем, что смерть существует? Что она подстерегает (во всяком случае, может подстерегать!) каждого из нас за любым поворотом нашего пути?

А вот получается – не знаем, не помним, не хотим думать и верить.

Да, мы знаем, что в мире существуют катастрофы – но уверены, что погибнем не мы. Да, мы помним, что случаются даже

теракты – но убеждены, что убьют не нас. Ну конечно, в жизни есть куча разных болезней – но не мы заболеем, мы знаем об этом!..
Заболеют другие.

И эта абсолютная неготовность к смерти – главная ахиллесова пята любого живущего человека. Ну или почти любого.

...Потому что когда Свечкины переехали в Рогожино, Петр Петрович постепенно начал понимать, что все же существует и иное отношение к смерти. Не то чтобы христианское, когда ты каждую минуту должен быть готов к жертве за свою веру, за ближнего (это слишком высоко, слишком идеально и требует всегдашней готовности, постоянного напряжения всех твоих духовных сил!), а, скажем так, обыденное,

природное. Крестьянское.

Начнем с того, что сельский человек не просто видит смерть своих животных, своих птиц – он в ней участвует. Притом самым непосредственным образом. Курица стареет и перестает нести яйца – ей надо когда-то рубить голову и отправлять в суп. То же касается уток, гусей, индеек. Не вечны козы и даже коровы. А такие существа как кролики или овцы – так и вообще выращиваются исключительно на мясо.

Это городской житель (а особенно – жительница) может не связывать в своем утонченном розовом сознании кусок любимой колбасы с живой свиньей, а классический бараний шашлык, от которого она без ума – с вот этими живыми овцами, пасущимися на поле.

Городскому жителю (особенно жительнице) это простительно. Но житель деревенский эту связь между овцой и шашлыком прекрасно ощущает.

Естественно, что оканчивать жизнь своих питомцев приходится самому хозяину. И странно бы было, если бы это было иначе. Нет, конечно, за долгую жизнь Петру Петровичу приходилось слышать о мужчинах, которые, например, не могли отрубить голову курице и чуть ли не падали при этом в обморок. Но знал он также и о том, какие чувства вызывали подобные мужчины у окружающих, особенно товарищей-мужчин. В лучшем случае это было удивление, а обычно – просто презрительная усмешка.

(Исключение в этом смертном деле составляли большие и сильные

животные – тут во все времена нужны были и опыт, и умение, которые не всегда наличествовали у хозяина. Позвать знающего соседа заколоть огромного борова, который от смертного ужаса мог натворить в хозяйстве немало бед и даже кинуться на людей, было не стыдно. Ведь цель была – сократить до минимума мучения самого животного и неудобства его хозяев.)

В общем, борова Свечкины заводить не собирались, а с остальными своими питомцами Петр Петрович решил, как настоящий теперь уже сельский житель, управляясь сам, буде это рано или поздно понадобится. И это понадобилось.

Началось всё с кур.

Кур Свечкины купили прямо в первое лето, ближе к осени. Куры

были какой-то симпатичной коричневой масти и, как говорили продавцы, настоящие несушки.

Поначалу они действительно несли яйца, и даже весьма неплохо, но потом, с наступлением холодов, дело как-то застопорилось. А потом и вовсе остановилось. Соседи, призванные для совета, сразу определили: курам в сарае, где они жили, просто-напросто холодно. А что было делать? На строительство теплого курятника у Свечкиных не было ни денег, ни сил, ни особого желания.

А куры тем временем потихоньку сдавали. Вот одна из них уже не смогла встать утром. Петр Петрович почитал литературу (интернета в сегодняшнем понимании еще не было), купил лекарства и шприцы – и начал

спасать своих несушек.

Эту картину надо было видеть!
Утром, набрав в шприц лекарство
прямо в доме, Петр Петрович шел
через сад к сараю, подняв шприц
наподобие копья к небу, чтобы этим
самым копьем поразить недуг,
мучающий его питомиц. В это
время он сильно напоминал
известного испанского Рыцаря
печального образа. Тем более
печального, что особо и радоваться
было нечему.

Но то ли копье было недостаточно
велико, то ли лекарство как-то не
пришлось несчастным птицам –
только дело птицеводства
становилось всё хуже. Одна за
другой всё новые куры
обезноживали и уже не могли
подняться.

Довольно быстро настало время, когда Свеккины задумались, не пора ли сменить стратегию лечения. Тем более, что одна курица к этому времени уже в буквальном смысле откинула ноги. Анна Ивановна обратилась за советом к всезнающему соседу Михаилу. Михаил подумал и ответил, что одно очень хорошее лекарство ему известно. «Какое?» – с надеждой вопросила Анна Ивановна. «Топор», – ответил Михаил...

Так вот и пришлось Петру Петровичу взять в руки топор, чтобы спасти хотя бы оставшихся кур. Спасти если не для их собственной жизни, то хотя бы для жизни семьи.

Еще у Свеккиных были кролики. Странные существа, к которым ты

как-то не можешь привыкнуть. Во всяком случае, привыкнуть настолько, чтобы их полюбить. Всю свою жизнь они заняты одним, нет, двумя делами. Первое и главное их дело – они грызут. Грызут всё, что им попадается на зуб. Грызут всегда, даже, кажется, ночью. А второе дело – они размножаются. И делают это тоже быстро. Буквально как кролики.

Свечкины держали кроликов несколько месяцев, а потом им надоела эта потенциально доходная деятельность. Во-первых, они поняли, что не так уж и любят крольчатину. Во-вторых, кроличьи шкурки (тоже ведь важная статья дохода для кролиководов!) требовали такой тщательной и тонкой выделки, что Свечкины, прочитав однажды руководство по выделке, убедились, что это

занятие им точно не по силам.

Охладев к великому делу кролиководства, Свечкины не могли придумать ничего иного, кроме как всех кроликов съесть. Тем более что вопрос, чем накормить семью в каждый из дней, всегда стоял перед этой самой семьей в полный рост. Во всяком случае, в описываемые трудные годы.

С кроликами справиться было просто: по совету соседа (который этих кроликов держал долгие годы) Петр Петрович просто стрелял им в лоб из пневматического пистолета. Дело в том, что у кролика очень тонкая и нежная лобовая кость. Поэтому любой сильный удар в кроличий лоб оканчивает жизнь животного мгновенно.

А вот с козами вышла совсем иная

история...

Во-первых, и сами козы – это вам не куры и не кролики. Это существа по-настоящему высокоорганизованные, существа со своими характерами. А во-вторых... Во-вторых, Свечкины любили своих коз.

Как мы помним из предыдущего, летом Свечкины водили Асольку в общественное стадо к козлу. А месяцев через пять (то есть следующей зимой) Асолька принесла в семью козленка. Его назвали Афонька.

Афонька был живым и любопытным, как любой детеныш. Его поселили в комнату возле входа, соорудив для него специальный ящик (оставлять его в сарае со взрослыми козами было в

морозную зиму невозможно – он бы просто замерз). Но из ящика его часто выпускали побегать – и тогда Афонька носился по всему дому, взбирался на скамью и смотрел, что интересного и вкусного есть на кухонном столе, забирался на какое-нибудь возвышение – и потом начинал в панике пронзительно блеять, требуя, чтобы его оттуда сняли...

В общем, до поры-до времени Афонька пользовался всеми привилегиями детства. Но...

Но надо было думать и о будущем. Афонька, как ни крути, был козленком, а не козочкой. А это значит, что вырасти он должен был во взрослого козла. Что такое взрослый козел, многие из читателей знают. А кто не знает, сообщаем, что пройти летом мимо

двора, в котором живет взрослый козел, возможно только при одном условии – если вы покрепче зажали нос и задержали дыхание. То есть «козел вонючий» - это не фигуральная, а буквальная физиологическая формула. Констатация медицинского факта.

Да и держать в своем дворе, скажем, козла-производителя Свечкины как-то не рассчитывали. А что еще от него, как от козла молока, получить можно?

Пока шла весна, время терпело. Пришла пора, потеплело, и Афоньку перевели в сарай, вместо со взрослыми. Он был существом безобидным (хотя любил бодаться), и вообще, особых хозяевам забот не приносил.

Наступило лето. Козы перешли

почти полностью на подножный корм. Афонька пасся вместе со всеми. Траву он ел с охотой и даже с жадностью. В какой-то период Петр Петрович начал замечать, что живот Афоньки как-то уж слишком надулся и больше похож на барабан.

То ли интуиция Свечкина-старшего сработала, то ли голос свыше прозвучал... В общем, Петр Петрович как-то решительно и быстро зарезал Афоньку. Это было несложно, поскольку за полгода тот не успел так уж сильно вырасти. Но что же показало вскрытие?

Оказалось, что пищеварение козленка нарушено, и буквально в ближайшие несколько дней его ждала смерть от кишечной непроходимости, по свидетельству приглашенного ветеринара. А тогда его бы просто пришлось отвезти

подальше в лес, вырыть яму и закопать. Вот и не верь после этого предчувствиям...

Оставалось еще две взрослые козы, с которыми Свечкины пока что не собирались расставаться. Но как известно – человек предполагает...

Внезапно Анна Ивановна стала как-то неважно себя чувствовать. И даже падать в обмороки. Анализ крови оказался весьма не обнадеживающим. Когда профессор-гематолог начала интересоваться образом жизни Анны Ивановны, она пришла в состояние гнева: козье молоко каждый день?! Утром, днем и вечером?!! Да вы что, пещерные люди?.. Ну и т.д. Оказалось, что именно Анне Ивановне по ее показаниям никак нельзя было пить козье молоко каждый день. А

остальная семья его уже давно перестала пить, поскольку надоело. В общем, девять эти ежедневные три литра просто некуда. И что теперь делать с козами, которых ведь надо кормить, за которыми надо убирать?..

А сольку, уникальную зааненскую козу, вскоре удалось пристроить к знакомым, в большое, почти фермерское, личное хозяйство. А Косульку никто не хотел брать, поскольку ничем особенным она не выделялась среди козьего племени. Что называется, рядовой его представитель. Просто некому было взять Косульку.

В общем, участь Косульки была решена на семейном совете. И это была грустная участь. Как ни храбрился Петр Петрович, как ни крепился, но этот вечер остался в

его памяти весьма нерадостным воспоминанием. Видимо, коза что-то почувствовала, поэтому Свечкину пришлось попотеть в ее загоне. Как с тем пресловутым боровом, который заранее чувствует свою смерть и сопротивляется всеми силами.

Конечно, Петр Петрович ни за что бы не позвал на помощь кого-то из соседей – это он всегда считал ниже своего достоинства. И конечно, в конце концов он справился со своей задачей. Но осадок какой-то грусти остался.

=====

Так о чем мы?

О том, что в крестьянской жизни смерть твоего домашнего животного – это часть его и твоего бытия. Вечного крестьянского

круговорота жизни и смерти. И всякий нормальный крестьянин всегда относился к таким смертям именно как к необходимой и естественной части общей и единой в своих проявлениях крестьянской жизни.

Но естественность и необходимость смерти твоих коз, коров, лошадей, этот непрекращающийся круговорот начал и концов, рождений и смертей своим молчаливым языком говорит и тебе, человеку, о твоем пути в этом мире. Естественном пути.

Оттого-то так спокойно относились наши предки к смерти. Оттого заранее готовили себе одежду, а то и домовину, которую держали до поры где-нибудь на сеновале. Но, сколачивая себе гроб, точно так же, как и все остальные, выходили на

покос, на пашню, на жатву. К смерти готовься, а хлебушек сей. Потому что с твоей смертью не заканчивается жизнь на этой земле. Ни твоя, ни народная. Потому что после тебя на земле остаются твои дети, внуки, правнуки. Которые, если тебе повезло или ты их правильно воспитал, будут молиться о твоей душе даже после вашего расставания...

Признание

Каждый человек ищет и ждет (даже жаждет) признания от других своих собратьев. За исключением, конечно, людей по-настоящему духовных, для которых их личные взаимоотношения с Богом неизмеримо важнее любых взаимоотношений с человеком, даже самым значительным и

знатным.

Но духовных людей в мире исчезающее мало. А мы, подавляющее большинство человечества, очень дорожим тем, что нас наконец признали. И очень страдаем, если этого признания, на наш взгляд, не произошло. Особенно если наша профессия предполагает публичное признание по самому своему характеру. Актер, художник, композитор, режиссер, журналист, писатель... Писатель, не имеющий славы – что может быть труднее? Возможно, только писатель, эту славу сполна имеющий...

Свечкины, уезжающие из Москвы в Рогожино, вряд ли думали о славе и вряд ли на нее рассчитывали. А если и думали, то о славе весьма специфической. Они знали, что в

православных церковных кругах подобные поступки вызывают определенный интерес. О семьях, уехавших в деревню из столицы, говорят с интересом, их поступок горячо обсуждают (а может, и осуждают). Ну и ладно, и то хорошо. Такой вот широкой известности в узких кругах нашим Свечкиным, видимо, было вполне достаточно.

Но все эти тщеславные соображения имели какое-то значение, только пока Свечкины готовились, обсуждали свой план, принимали решение, собирались... Хотя нет: когда начались сами сборы, Свечкиным стало не до тщеславных мыслей – разнообразнейшие заботы буквально обрушились на них со всех сторон и почти погребли их под собой.

А уж когда они переехали и столкнулись с реальной, а не воображаемой деревенской жизнью – тут и вовсе стало не до пустых мыслей о том, как ты выглядишь. Надо было не выглядеть, надо было постоянно делать и быть. Быть и бороться с жизнью каждый день с утра до вечера, а точнее – до поздней ночи. Быть родителями, кормильцами, воспитателями, уборщиками, рабочими, поварами и посудомойками, огородниками и садовниками; а также, по возможности, урывать у жестокой жизни время, чтобы быть писателем и художником.

Нет, я вовсе не склонен утверждать, что в этой новой жизни у Свечкиных не было приятных и радостных моментов типа долгих посиделок со своими друзьями. Были, конечно, иначе как

нормальный человек может выдержать эту жизнь? Просто всем нам, глядящим со стороны, было очевидно, что трудностей в их жизни все же было в то время куда больше, чем радостей. Хотя вряд ли мы, их друзья и знакомые, до конца понимали и ощущали эти трудности.

Тем не менее, рогожинская жизнь Свечкиных, как я уже говорил выше, потихоньку входила в свою колею. Анна Ивановна стала работать преподавателем рисования для детей. Занимались в клубе, а оформлена она была в школе как педагог дополнительного образования. К счастью, в девяностые годы направление дополнительного образования уже существовало в российской школе.

Петр Петрович всё ездил в свой

журнал по средам на заседания редколлегии и писал в каждый номер очерки о малых городах России (этую тему он выбрал сам, имея к ней душевную склонность). А для того, чтобы очерк был правдивым, Петра Петровича посыпали в командировку в те города, про которые он собирался написать. Так появились в его журнале рассказы про Касимов, Павлово-на-Оке, Старый Оскол, Ростов Великий - и т.д. и т.д.

По воскресеньям, как я уже говорил, они ездили в свой московский храм (находился он, кстати, в самом центре города, напротив Консерватории), где были многолетними прихожанами и где время от времени изливали на исповеди свои наболевшие души духовнику, отцу Геннадию. А по субботам и праздникам они почти

всегда пели на клиросе в Васютине, где служил уже упомянутый нами отец Сергий.

Но сельская жизнь – особая жизнь. Даже сейчас она предполагает более тесное и не всегда формальное общение между людьми. А уж двадцать лет назад это и вовсе было тесное и живое человеческое переплетение. Поэтому община храма плавно перетекала в клубную самодеятельность, а люди из хора пели на клиросе. Поэтому дети из Воскресной школы, готовясь к очередному великому церковному празднику (Пасхе или Рождеству), беспрепятственно репетировали на главной сцене клуба.

И на все эти переплетения (которые в других обстоятельствах можно было назвать и путаницей)

благосклонно и доброжелательно смотрела местная администрация. Взаимоотношения Церкви и Государства переживали в то время памятное нам возрождение. По крайней мере, внешнее.

Приближалась очередная Пасха. Дети из Воскресной школы (которые одновременно, по тесноте деревенской жизни, были и детьми из художественной студии Анны Ивановны) рисовали картины к празднику. Конечно же, это были картины, наполненные ангелами, куличами и красными пасхальными яйцами. И тут кому-то пришла в голову мысль о том, что и в нашей Воскресной школе неплохо бы к празднику поставить спектакль, как это делается во всех нормальных Воскресных школах.

Идея понравилась и, что

называется, вошла в массы. Тем более, что свой собственный писатель был налицо. К тому же Петр Петрович в молодости, в бытность студентом театрального училища, успешно пробовал себя и в режиссуре. А уж что касается непосредственной работы с детьми – тут Анне Ивановне просто не было равных.

За основу выбрали рассказ кого-то из русских верующих писателей – то ли Шмелева, то ли Никифорова-Волгина. Петр Петрович быстро написал адаптированную для детей пьесу – и репетиции начались.

Работали с удовольствием и даже с радостью – а как известно, именно радость в работе почти наверняка гарантирует успешные результаты.

И вот встретили Пасху, а вскоре

назначили и день спектакля. В зале собрались прихожане храма, родители детей-артистов, кто-то из администрации. Свечкины, конечно, тоже сидели в зале как зрители и только переживали, уже не имея возможности как-то влиять на своих подопечных.

Но подопечные не подвели. Спектакль прошел так, как будто эти десяти-двенадцатилетние артисты всю свою жизнь провели на сцене. Аплодисменты были бурными, восторг зрителей – неподдельным. Впрочем, не только зрителей, поскольку сами артисты тоже находились в восторженном состоянии.

После этого спектакля авторитет Свечкиных среди рогожинцев сразу существенно повысился. Еще бы! Ведь они сделали из их детей

артистов! Ну пусть не совсем таких как в телевизоре, пусть артистами они стали только на время – но сцена-то абсолютно настоящая! Аплодисменты – настоящие! Цветы (а были и цветы) – настоящие!..

В обществе любят артистов. Эти слова Чехова я не так давно уже приводил. Идеализм это или идиотизм – уточнять сейчас не будем, да это в данном случае и не важно. Но тот, кто делает из твоей неженки Кати или из твоего хулиганистого Мишки артиста (пусть и на время, но почти настоящего!), достоин если и не полноценного восхищения, то во всяком случае, одобрения и даже некоторого уважения.

Ну а администрация смотрела на это дело глубже и, что называется, дальновиднее. Ведь в поселке

прошло реальное и полноценное мероприятие. А мероприятие, как известно, это и социальная работа с населением, и воспитательная работа с подрастающим поколением. В общем, в любой ведомости можно ставить галочки (притом настоящие, а не фальшивые!). А это было приятно.

Поэтому на очередном сельском сходе (в девяностые годы такие сельские сходы еще проводились!), упомянув про все достижения и свершения, достигнутые и совершенные за прошедший отчетный период в поселке и во всем сельском округе, глава администрации Валентина Дмитриевна вдруг сказала:

- А еще я хочу отметить, что в нашем поселке появилась замечательная семья. Это

многодетная семья Свечкиных. Они не только владеют настоящей культурой – они несут эту культуру в народ, воспитывая наших детей и прививая им чувство прекрасного. Недавно мы видели на этой сцене замечательный спектакль, который они поставили с детьми. Я думаю, что именно такими, как наши Свечкины, во все времена были настоящие русские интеллигенты...

(За буквальную точность слов не ручаюсь, но смысл их был именно таков.)

...Прослыть вдруг настоящим русским интеллигентом кому хочешь приятно, чтобы там ни говорили о недопустимости превозношения и о пагубности гордыни. Свечкины в этом смысле не были исключением. К тому же это признание было заслуженным,

а заслуженное признание для человека совестливого (а Свечкины в целом были совестливыми) приятно вдвойне.

А главное – человеку время от времени, согласитесь, нужна поддержка. Поддержка среди всей этой трудной, наполненной лишениями, препятствиями и суматошной жизни. Жизни, в которой от тебя, как правило, требуются три основных вещи: работа, работа и работа...

Итак, биограф Свечкиных мог бы констатировать, что с этого момента Свечкины были самой верховной властью признаны неотъемлемой частью культурного пространства села Рогожина и всего его административного сельского округа...

Духовник

Отца Геннадия, духовника семьи Свечкиных, мы упоминали уже не раз. Это он долгое время не благословлял их уезжать из Москвы в деревню – а в конце концов все-таки благословил. Это он освящал их дом в Рогожине и удивлялся, какой он основательный и капитальный. Это он молился за их семью, время от времени, как и все семьи, попавшую в нелегкие обстоятельства. Это он утешал их, когда им было невыносимо-тяжко (а кому из нас не бывает в этой жизни невыносимо-тяжко?), и смирял, когда их вдруг охватывала обычная человеческая гордыня или просто дурь. В общем, он был их духовником, и этим, для тех, кто понимает значение этого слова, многое сказано. Очень многое, почти всё.

Потому что духовничество – это такая тонкая, почти невесомая – и при этом прочнейшая материя, связывающая людей. Конечно, связывающая только в том случае, если их обоюдная тяга искренна, а решение, принятое ими об этой взаимной связи и ответственности, нерушимо.

В начале восьмидесятых, когда Свечкины пришли в Церковь... А впрочем, почему бы нам не рассказать, как именно они пришли? Это ведь тоже своеобразный документ эпохи.

Петр Петрович был крещен в раннем детстве, в возрасте полугода. Эти первые полгода были настоящим кошмаром для родителей маленького Пети и его бабушки. Ребенок время от времени закатывал глаза и начинал умирать.

Умирать всерьез, по-настоящему.
Его кое-как откачивали, обещая
Богу в горячих молитвах, что
обязательно окрестят мальчика,
как только будет такая
возможность. Но возможности не
было, поскольку шло начало 1950-х
годов, и в глухой сибирской
сельской местности храма было
просто невозможно найти.
Повывели к этой поре храмы в
глухой сибирской сельской
местности. А может, поменять
причину и следствие местами:
потому-то именно местность и
стала глухой, что храмы в ней
повывели.

Но как только родители Пети
переехали в областной центр, то...
Да нет, и тут они не сразу
окрестили ребенка. Крещению
предшествовали довольно
необычные обстоятельства, о

которых я как-нибудь расскажу. Но все же Петю окрестили (и он, надо сказать, после этого как-то незаметно перестал болеть, хотя особой силой никогда не отличался).

Сказать, что Петя в детстве был каким-то удивительно-религиозным никак нельзя – он был абсолютно обычным советским ребенком той эпохи. Ну разве что более чувствительным, чем большинство его сверстников и не таким грубым как они. Но то, что никакого Бога нигде нет – это, пожалуй, он в то время знал точно и несомненно.

А Анну Ивановну родители и крестить как-то не собирались – ну не было у советских людей в конце 50-х такого обычая. Зато была яростная антицерковная борьба Никиты Хрущева, грубая

атеистическая пропаганда и обещания показать в скором времени по телевизору последнего попа...

Хрущев искоренял Церковь с такой же яростью, с какой пытался насадить кукурузу (после визита в Штаты) по всей бескрайней стране - от Мурманска до Кавказа и от Бреста до Чукотки. Иногда задумаешься: отчего Хрущев так воевал с Церковью? Неужели только по причине веры в коммунизм? Да нет, вряд ли. Видимо, чувствовал звериным чутьем, что Церковь и совесть как-то связаны. Невидимо, но крепко и неразрывно. И это-то ему, человеку с нечистой совестью, доставляло истинные страдания. И эту тревожную связь он хотел уничтожить...

Итак, родители Ани крестить ее не собирались и даже об этом не задумывались. И дело кончилось тем, что пятнадцатилетняя Аня однажды взяла и окрестилась сама. Самостоятельно. У священника, который в то время (в середине семидесятых) не боялся крестить молодых девушек-комсомолок, вырывая их из стройных рядов борцов за светлое будущее.

Священник этот (я о нем упоминал раньше) был человеком непростым, известным, даже знаменитым не только в стране, но и в мире (а может, больше как раз в мире, чем в стране), и слегка диссидентствующим.

Многочисленные книги его (на религиозные темы) выходили на западе, а потом неведомыми каналами возвращались в СССР. Был он несколько обновленческого

толка, но скажите, кто из обычных советских людей мог в то время разбираться в этих самых толках и направлениях людей в рясах и с крестами на груди, которые одним лишь внешним видом свидетельствовали о своей странности и неотмирности? То-то и оно...

Аня поехала именно к этому батюшке потому как раз, что он был известным. Значит, его как-то знали и могли к нему привести. А других ведь и вовсе не знали. А как можно пойти к тому, о ком ты не знаешь ровным счетом ничего?

Крещение прошло нормально, а потом... А потом, как это обычно и бывало, встречи прервались на неопределенное время... Лет этак на семь—на восемь.

И вот наступил восемьдесят второй год. Петр и Анна были женаты около двух лет. Жили они тогда в общежитии Литературного института, а детей у них пока еще не было. Уютной комнатки с казенной мебелью им вполне хватало на двоих, а из личного имущества в комнате находилась, пожалуй, только старая икона Спасителя.

Дело было где-то в первых числах февраля. Петр и Анна легли спать как обычно. Но среди ночи Петр Петрович вдруг произнес вслух слово: «Перекрестись!» (чем сильно напугал Анну Ивановну) и был поднят с постели какой-то могучей силой. Они оба встали с кровати и, упав перед своей единственной иконой на колени, стали молиться как умели (а они практически не умели этого совсем никак).

Событие не прошло бесследно. Петр воспринял это как призыв Бога (что было абсолютно верно, ведь Господь призывает к Себе всех и каждого). Но призыв – к чему? Ответить на этот конкретный вопрос было значительно сложнее. Но Петр Петрович всегда был человеком решительным, если дело касалось каких-то насущных и главных предметов и ситуаций. И шел в этих насущных ситуациях до конца.

Призыв был чей? Божий, в этом он не сомневался. Значит, к Богу и надо было идти.

Поэтому в первое же воскресенье Свечкины пошли... на экскурсию в кремлевские соборы. Они что-то такое где-то слышали, что по воскресеньям верующим людям надо ходить в церковь. А

кремлевские соборы разве не церкви?

Сходили. Но, вернувшись домой, ощутили, что это был поход не туда. И даже почти в никуда. Да, правда, ходить по воскресеньям на экскурсии для души было как-то пустовато. Чего-то в этих недействующих храмах явно не хватало.

А мысль Петра Петровича всё работала и искала путь к Богу. В ближайшие выходные Свечкины сели на электричку и поехали в Загорск (так в те годы назывался Сергиев Посад). Раз Бог призвал тебя, и ты хочешь ответить на этот призыв, и ты готов к этому ответу - значит, надо к Богу и идти, верно?

Короче говоря, Петр Петрович понял, что он должен стать

священником. А священников учили в Загорске, в семинарии, и это знали все даже в то время. Значит, надо было узнавать условия приема (ведь Свечкин как раз в этом году заканчивал Литературный институт). Он ехал в приподнятом и даже вдохновенном состоянии: как-никак менялась вся его жизнь. А он, как выясняется, все же очень любил время от времени круто менять жизнь.

Увы, в Троице-Сергиевой лавре, где располагались семинария и академия, Петра Петровича ждало жестокое и обидное разочарование: претендент на высокий сан священника должен был состоять в браке только один раз, а Петр Свечкин в прошлом уже успел жениться и развестись (хотя и не по своей вине).

И что же теперь делать? Ведь жизнь-то после услышанного призыва надо как-то менять – но как? И вообще, что это такое – быть верующим человеком и как им стать?

Вот тут-то Анна Ивановна и вспомнила о батюшке, который ее крестил. И они поехали в один из подмосковных храмов, где и служил тот самый знаменитый и умный священник.

Поговорили. Он назначил Свечкиным день, когда они, попостившись, смогут исповедаться и причаститься. Это было Сретение, до которого оставалось буквально дня три.

В назначенное утро они снова были у него. Он служил один, поэтому просто разрывался между службой

и исповедью. Свечкины остались на исповеди последними, и времени на них практически не осталось.

Поэтому батюшка, выскочив в очередной раз из алтаря, сказал: «Петр, два главных греха, быстро!..»

Свечкин назвал два греха, которые посчитал главными. То же сделала Анна Ивановна. Потом их причастили. Так началось их воцерковление.

Потом Свечкины еще раза три-четыре приезжали к этому знаменитому священнику и даже какое-то время считали его своим духовником (поскольку другого духовника у них все равно не было). Но ездить в далекое село каждое воскресенье они, конечно, не могли. Зато по воскресеньям ходили в один из действующих

храмов в центре Москвы и потихоньку воцерковлялись, теперь уже по-настоящему, читая то, что тогда из духовной литературы было доступно.

И все яснее осознавали, что, наверное, этот знаменитый священник не совсем близкий. Не во всем родной. Не всегда теплый. В общем, ясно, что ничего не понятно... И понимали, что настоящий духовник все-таки нужен. Но уже знали, что выбор этот непрост, и поторопиться здесь никак нельзя.

Но вот зимой 83-го—84-го года в их храме появился новый священник. Его звали отец Геннадий. Он к тому времени еще учился в семинарии, но ощущения студента от него никогда не было. Как будто сразу встал на свое место, для которого

был когда-то рожден.

...Каждому священнику от Бога дан свой особенный дар: один проповеди хорошо говорит, другой рассудит любую ситуацию, третий утешит вовремя. Но есть и такие, которым дано сразу много даров – какая-то загадочная полнота. И чувствуется, что в этом человеке есть всё. А может быть, это всё называется просто Любовью.

Эту любовь прихожане почувствовали в новом батюшке. И конечно, к нему потянулись. Свечкины не стали исключением. И надо сказать, что это ощущение любви ни разу их не обмануло. Потому что отец Геннадий действительно любил всех своих духовных чад (а их у него были десятки, если не сотни). Любил всех одинаково, но каждого – больше.

По образованию отец Геннадий был архитектором, поэтому интеллигенция к нему тянулась. Но сказать, что он был священник для интеллигентов, никак было нельзя. Происхождением он был из простонародья, и это было по-особому ценно для Петра Петровича – ведь он и сам был родом из простой рабочей семьи и нужду, бедность знал не понаслышке.

А еще отец Геннадий очень любил Родину. И никогда этого не скрывал. И это тоже было дорого для Свечкина, который был таким же патриотом и никогда бы не мог произнести высокомерно-презрительную пошлость: «Эта страна...»

В общем, это был свой, родной человек. С ним можно было

говорить обо всем и в любом месте. Встретить его на улице, например, и начать говорить о своем, о наболевшем. А он сразу включится в тему, начнет сопререживать, направлять, помогать, утешать – и только спустя пару часов вспомнит, что его уже давно ждут в другом месте! Но разве он может сейчас бросить вот этого, у которого такие трудности и столько беды?..

В общем, с отцом Геннадием в жизни было надежно и тепло. Просто и ясно. А если и не всегда просто, не всегда ясно, то это потому, что в каждом из нас слишком много непростоты и неясности, которую надо изживать и изживать покаянием и молитвой. Но путь был определен, и вехи расставлены. Осталось только идти, пусть оступаясь, пусть падая – но идти вперед под руководством

своего любимого духовника, который все равно не даст в обиду и не бросит на полдороге.

...Но 7 апреля 1997 года, на великий праздник Благовещения, ранним утром Свечкиным позвонили из храма и сказали, что отец Геннадий умер этой ночью от сердечного приступа...

И Петр Петрович ощущил, как ледяной космический ветер ворвался в теплый дом и так резанул по лицу и по сердцу, что стало ясно: Пути Мои – не ваши пути, и суды Мои – не ваши суды. Ну или что-то похожее, сказанное так давно – и так навсегда.

Свечкин был потрясен. Вскоре после смерти духовника он даже сказал мне, своему близкому приятелю: «Жизнь кончена». И он

действительно тогда так
чувствовал. Но тут уж я не
согласился и даже возмутился. И то
сказать: соракапятилетний
мужчина в расцвете сил, с женой и
тремя малолетними детьми,
собирается закончить жизнь и
влачить остаток дней своих, только
потому, что умер его духовник! А
ты-то сам - что? Ты-то тогда - кто?
Разве ты - не человек со своей
отдельной судьбой, которой ты
вправе распорядиться и за которую
тебе в конце концов придется
отвечать? И разве, в конце концов,
ты не верующий человек, который
обязан видеть в любом событии
проявление воли Божией?..

Да, всем в этой жизни располагает
только Тот, Кто и создал эту жизнь
и каждого тебя. А мы можем только
предполагать, что и делаем
самозабвенно, упоительно и -

безуспешно. И это – правда, и против этой правды бессмысленно восставать.

Но настоящая любовь никуда не исчезает. Не умаляется, не видоизменяется. И любовь – это такая сила, которая сильнее смерти. И это тоже правда, а может быть даже – это-то и есть главная правда всего этого удивительного действия, которое мы называем жизнью.

И жизнь довольно скоро показала Петру Петровичу, что она и вправду не закончена...

Дети растут...

Годы шли, шагали тяжелой уверенной поступью, – быстрым шагом поспешали месяцы, хромающей рысью бежали недели,

камнем в бездну падали дни, и совсем уж невообразимым сумасшедшим калейдоскопом сменяли друг друга часы и минуты. Ну а секунды просто никто не считал – некому и некогда было несчастные секунды считать...

И всё это безостановочное движение, не прекращающееся ни днем (когда ты все же успевал хоть что-то сделать полезного или даже и не очень), ни ночью (когда ты просто спал и потому ровно ничего сделать не успевал, что иногда было к лучшему), называлось временем. Временем жизни.

И если люди постарше думали об этом движении с некоторой усталой печалью – время жизни твоей истаивает, убегает – то дети во все времена торопили и торопят время. Потому что им надо было поскорее

стать взрослыми, чтобы... А впрочем, вряд ли дети в любом времени и в любой стране ясно себе представляют, что это такое – быть взрослым. Им ведь кажется, что главное достоинство взрослого возраста – делать всё, что тебе захочется. Потому-то подстрекатели всех революций (а последний век показал всем думающим людям, что никакая и ни одна революция не обходится без подстрекателей) делают ставку именно на молодежь, которой обещают в новом и обязательно светлом будущем главное, чего эта самая молодежь и ждет, и жаждет – свободу.

А если бы детям сказали, что быть взрослым – это отвечать во всех больших и малых делах за себя и всю свою семью, это много, до изнеможения, а иногда почти

непосильно, работать, это получать за свой труд гораздо меньше того, что ты считаешь справедливым, это платить бесконечные сборы и налоги, которые год от года только увеличиваются и размножаются, это постепенно приближаться к старости и обзаводиться все новыми и новыми болезнями (а с ними и новыми физическими страданиями), это переживать за всё, что происходит в твоей семье, в твоем рабочем коллективе, в твоем большом или маленьком городе, в твоей стране и во всем твоем мире, – что бы тогда испытали дети и чего бы тогда захотели?

Да всё того же – они захотели бы как можно скорее стать взрослыми, потому что все эти умные и правдивые перечисления и рассуждения, которые для взрослых понятны и содержательны, для

детей - просто пустой звук...

Старики были бы не прочь замедлить и даже вовсе остановить время, а дети - дети всеми силами стараются его поторопить. Иногда Петр Петрович даже думал, что время и спешит так быстро именно потому, что его торопят дети. Все дети мира - представьте, какая это громадная, горячая и - далеко не всегда разумная сила.

В семье Свечкиных дети тоже мечтали поскорее вырасти. Но, наверное, мечтали по-разному. Потому что они и были разными. Даже очень разными, хотя росли вместе и получали, как следствие, одно и то же воспитание.

Стоп!.. Вот сказал - и сам же засомневался. А могут ли разные люди получить одно и то же

воспитание, даже если растут в одной и той же семье? Мало того, что разные люди и картину мира воспринимают по-разному, но самое главное воспитание – это процесс как минимум двусторонний. А это значит, что к каждому ребенку родители поворачиваются какой-то особой своей стороной. И он тоже, в свою очередь, воспринимает их усилия по-своему, как только он один способен их воспринять.

В конце концов, разве простой жизненный опыт не говорит нам, что даже из одной семьи никогда не выходят одинаковые дети? И не приходилось ли нам встречать близнецов, которые и внешне, и по характеру своему были разными людьми? А уж кажется, кто вообще ближе друг к другу, чем близнецы?

Вот и дети Свечкиных, получается,

воспитывались и взрослели немножко по-разному, сообразно со своими особенностями.

Старшая, Санечка, была именно старшей. Ответственной, серьезной, положительной. Она была очень честной, и ей в голову никогда не приходило, что можно что-то скрыть от родителей, а в чем-то немножко схитрить.

Еще она была очень доверчивой. Впрочем, при ее честности подозревать кого-то в сознательном обмане было практически невозможно. Вот вам простой пример. В какой-то момент мама начала писать ей письма «от оленёшки», то есть – от маленького оленёнка. В тот момент дочку надо было как-то развеселить и развлечь, а может, дело происходило во время ее болезни. Санечка

получала эти письма, нацарапанные на бересте, читала их (читать она уже умела) – и верила всему, что было в них написано. А так же и тому, кто их писал. Мало того, она еще носила их в школу и показывала своим одноклассникам. Она ведь не могла скрыть от них такую удивительную историю...

Продолжалось это общение с оленёшкой довольно долго, несколько лет. Дети постепенно взрослели и понимали про эту жизнь всё больше и больше. И чем больше они узнавали, тем меньше в них оставалось прямой и непосредственной доверчивости. Во всех, но не в Санечке. Она всё так же читала письма от оленёшки и переживала за его нелегкую жизнь.

В какой-то момент кое-кто из

подруг и друзей (а Санечку любили, потому что она была доброй и справедливой) начал над ней посмеиваться. И когда она в очередной раз доказывала кому-то из них, что это письмо на бересте написал ей лично ее знакомый оленёшка и что никакого обмана здесь (при его-то честности!) невозможно, какая-то наиболее продвинутая и сообразительная одноклассница огоростила Санечку вопросом: «Он что, твой оленёшка, копытом ручку держал, чтобы письмо тебе написать?»

Санечка задумалась. Действительно, представить, что любимый оленёшка пишет письмо, зажав авторучку в копыте (но каким образом это можно сделать анатомически?!), как-то не получалось. Наверное, с этого момента и началась медленная

(очень-очень медленная!) переоценка Санечкиных жизненных ценностей. Впрочем, рецидивы случались еще долго.

Танечка, наоборот, была очень талантливой и уникально сообразительной. Настолько сообразительной, что это давало ей порой в повседневной жизни значительное преимущество перед старшей Санечкой (разница между ними была ровно два года). Ну например: родители на работе, а по дому надо сделать определенные дела. Санечка от дел, которые ей были заданы, никогда не отлынивала. Она честно бралась за них и честно их выполняла. Но для Танечки это был слишком уж простой и скучный вариант. И она предлагала Санечке, например, такую выгодную меню: Санечка делает за нее такие и такие дела, а

Танечка дарит ей за это золотое платье.

А откуда у нее золотое платье, спросите вы? Вот и Санечка тоже спрашивала. На что Танечка подводила ее к деревянной стенке и показывала какой-нибудь сучок. Вот в этом сучке, если его вытащить, и хранилось драгоценное золотое платье Танечки, которое она было готова пожертвовать любимой сестре за ее такие небольшие услуги...

И Санечка соглашалась. И делала вместо Танечки такие-то и такие-то дела. А потом Танечка честно (или не очень честно) признавалась, что ее обманула.

Но проходило какое-то время (предположим, неделя или две). И ситуация повторялась. И Танечка

подводила Санечку уже к другому сучку и говорила, что по-настоящему платье было спрятано именно здесь. И что теперь-то она это золотое платье точно отдаст Санечке, если она для нее...
(Смотри выше!)

И Санечка опять верила! И опять делала за Танечку какие-то дела, порученные лично младшей сестре. Но, как вы понимаете, золотое платье и на этот раз так и не доставалось из сучка...

А что касается Ванечки, он, как только подрос, стал жить несколько наособицу от сестер. Нет, они, конечно, нормально общались и играли вместе, но Ванечка любил и одиночество тоже ничуть не меньше общения.

Особенность его была в том, что он

все время что-нибудь мастерил. В течение дня, а особенно летом, его почти нельзя было увидеть в доме – он что-то сколачивал, пилил, прикручивал и раскручивал во дворе – в общем, был занят нормальным мужским делом. Благо, места для этих дел ему хватало, а гвоздей, досок, молотков и пил было в хозяйстве Свечкиных даже с избытком.

Когда Ванечка начал готовиться в школу, он, конечно, стал задумываться и о том, как будет общаться со своими одноклассниками. Проблема общения, как-никак, вообще одна из главных проблем для каждого нормального человека, и не только в детском возрасте. Как-то раз Анна Ивановна услышала, что Ванечка говорит девочке-соседке, с которой они играли во дворе: «Я, когда в

школу пойду, знаешь, как буду сдачи сдавать!..»

И это «буду сдачи сдавать» было, конечно, наивысшим подвигом мужества для миролюбивого и в общем-то кроткого Ванечки. Сам он нападать ни на кого не собирался (ему и в голову такие мысли не могли прийти!), но то, что сдачи надо сдавать – это он знал, этому его родители все-таки научили.

Итак, годы шли своей тяжелой поступью, пролетали дни, а дети росли...

Детям было хорошо жить и взрослеть в Рогожине, но... Но ведь после школы должно было быть что-то иное. Совсем иное. Детей надо было учить, а делать это можно было только в Москве. Но как их учить в Москве, живя

постоянно за шестьдесят километров от кольцевой дороги?

Возвращаться назад в Москву всей семьей? Но кто их там ждет? У них в этом огромном городе не было ничего, никакого уголка, ведь когда они уезжали, бросая свою квартиру с гаражом, они уезжали насовсем и навсегда. Отправлять девочку одну в огромный мегаполис (речь шла сейчас о старшей дочери), чтобы она мыкалась где-то по студенческим общежитиям?

Но Петр Петрович прекрасно знал и помнил порядки, царившие в студенческих общежитиях, скажем, в семидесятые годы, и знал, что за эти двадцать лет эти порядки не стали, сформулируем так, порядочнее. А скорее, и наоборот. Ну и какой нормальный любящий отец отпустит свою слишком

доверчивую дочь туда, где ее подстерегают не то что тысячи, а миллионы ежедневных и еженочных опасностей?

Итак, назревала (да уже практически назрела!) дилемма. Учить детей надо, и надо учить их, конечно, в Москве. Но физической возможности для этого просто-напросто нет. Что делать в такой ситуации?..

Добрые люди

Но белый свет, как известно давно, не без добрых людей. И через них зrimо осуществляется в нашей жизни незримая благая Господня воля. Тут мы с Петром Петровичем всегда и абсолютно совпадали во взглядах. Да, воля Божия по большей части материализуется в нашей судьбе именно через наших

ближних. («А кто мой ближний?..») И делается это именно и прежде всего потому, что все люди (дети Божии) должны ощущать и понимать свою нужность друг другу, должны ценить любовь и заботу других как любовь и заботу Самого Небесного Отца.

Всегда ли получается у нас заботиться о других и с благодарностью принимать чужую заботу? Нет, конечно. Человеку вообще трудно быть благодарным, ведь благодарность, как ничто другое, есть признак и знак благородства. А благородство в чистом и беспримесном виде не так уж часто встречается на земле.

Но иногда у нас все же получается. Получается и заботиться о ком-то, и принимать чью-то заботу. И тогда, наверное, наш Отец смотрит на

своих детей и радуется за нас...

В последние годы своей жизни в Рогожине Свечкины, почти помимо своей воли, стали учить детей театру. Дети были московские, из состоятельных семей, поэтому это занятие приносило какой-никакой доход, и семья начала потихоньку вставать на ноги. Свечкиным теперь уже не приходилось собирать копейки и рубли по всем карманам (и своим, и детским), чтобы купить батон хлеба, как это бывало в начале их рогожинской жизни.

Конечно, приходилось задерживаться в Москве уже не на один день, а на два и на три, иногда беря детей с собой, а иногда оставляя их в деревне одних. Впрочем, и свечкинские дети тоже участвовали в этих студийных

спектаклях, и даже имели
артистический успех.

Впрочем, спектакли эти вообще проходили на ура. Особенно состоятельным родителям нравилось то, что их дети играют самую настоящую классику – Чехова, Лопе де Вега, русский водевиль девятнадцатого века. Ну скажите, разве не приятно видеть, как твоя дочь выходит на сцену в роли какой-то испанской красавицы в длинном платье, а сын играет комичнейшего чеховского героя, да при том – весьма хорошо играет?

Гости, приглашенные в качестве зрителей, сидели, выпучив глаза, не веря, что видят на сцене давно известных им оболтусов и вертихвосток... И это восхищение давних знакомых, которых время от времени ведь надо же слегка (и

любя, конечно!) щелкнуть по носу и поставить на место, чтобы не очень задавались – тоже нравилось родителям артистов. А причиной этих приятных эмоций были, как никак, вот эти самые Свечкины – люди бедные, конечно, но, видать, по-своему талантливые и профессиональные. Поэтому даже в таком специфическом и весьма непростом обществе у Свечкиных образовался некоторый профессиональный авторитет.

Опорой детской театральной студии стала одна очень состоятельная семья. Назовем их Бейкеры. Так случилось, что у Анны Ивановны (а через нее и у самого Петра Петровича) с Бейкерами сложились теплые и дружеские отношения. Настолько теплые, что однажды Бейкеры позвали Свечкиных и предложили удивительную,

немыслимую вещь: они снимают для Свечкиных однокомнатную квартиру в Москве и оплачивают ее, а Свечкины взамен... Да, собственно, ни в какой не в замен, а просто – просто продолжают вести эту студию, продолжают обучать детей рисованию (это по части Анны Ивановны) и приобщать к искусству театра (это уже по части их обоих).

Ясное дело, что Свечкины были счастливы и благодарны. Эта однокомнатная, но просторная квартира на Садовом кольце решала для их семьи сразу множество проблем. Во-первых, у них появлялась своя московская площадь, на которой можно было, хоть и временно, расположиться. А во-вторых (и в-главных!) – Санечке теперь было где жить во время ее учебы в институте безо всяких

общежитий с их известными и неизвестными опасностями.

Но эта квартира, свалившаяся с неба (Свечкины, как люди верующие, это прекрасно понимали!), была только началом тех благодеяний, которые семья Бейкеров, по воле Божией, излила на семью Свечкиных. Или которые Господь излил, через семью Бейкеров, на семью Петра Петровича и Анны Ивановны. В любом случае, как мы знаем, воля Господня осуществляется только через достойных людей. Достойных быть причастными к излияниям этой Высшей воли.

Спустя года два или три (Санечка к тому времени уже училась в одном православном Вузе, благо, такие в тот период уже появились), Свечкины вдруг обнаружили, что за

этими своими занятиями с богатенькими детьми они поднакопили кое-какую сумму. А именно – двенадцать тысяч долларов (по тем временам – не так уж и мало!). Но и не так много, чтобы думать о покупке собственной квартиры в Москве. О покупке московской квартиры думать было явно рано.

Но Бейкеры опять не остались в стороне. Елена Петровна (назовем супругу Бейкер именно так) предложила Свечкиным попросить денег в долг у мужа, Николая Львовича (а так назовем супруга). Ведь у них в семье даже существовал определенный фонд, из которого Бейкеры одолживали своих знакомых, выделяя деньги на серьезные покупки и большие дела.

...Это было очень нетипично для

недавно разбогатевших людей (а в те годы в России все богатые люди были людьми недавно разбогатевшими). Но эта семья отличалась от большинства подобных семей тем, что была по-настоящему культурной. А культура, согласитесь, это все-таки великое дело. Она, например, диктует человеку определенные понятия о справедливости и правде. А также и о долге, чего большинство новых русских было начисто лишено. И если ты ощущаешь, что полученные тобой немалые деньги просто свалились на тебя, то чувство справедливости (высокое чувство, надо сказать!) говорит тебе, что и ты должен в таком случае как-то и кому-то помочь (но для этого, как мы уже говорили раньше, ты должен быть чутким)...

В общем, Свечкины попросили, а Бейкеры дали в долг денег. Квартиру помогал найти уже известный нам друг Свечкиных, риэлтор Алексей Алексеевич. И вот через определенное время Свечкины стали собственниками небольшой двухкомнатной квартиры на первом этаже – зато в самом центре, возле станции метро Менделеевская. Сумма покупки распределилась так: 12 тысяч долларов было у Свечкиных своих, а 16 тысяч дали в долг Бейкеры. Дали, не очень определяя срок отдачи – год, два, как получится.

Конечно, надо было еще сделать ремонт, купить какую-то мебель – но, согласитесь, ощущение жизни у человека, который имеет собственную квартиру, совсем другое, чем то, какое есть у человека, такой квартиры не

имеющего. И неважно, что куплена она была в долг – ведь Свечкины обязательно накопят еще денег и отдадут, как отдавали Бейкерам долги все их знакомые, получавшие суммы из этой замечательной кассы взаимопомощи!..

Но вот тут-то неожиданно вышла какая-то непонятная и странная закавыка.

Вроде и студию Свечкины ведут также, как раньше вели, вроде и еще на одну работу Петр Петрович устроился (об этом расскажем чуть позже), вроде и не транжирят ничего – а денег всё нет и нет. Ну не скапливается никакая более-менее приличная сумма для отдачи, и всё тут!

Так прошел целый год. Положение с деньгами стало как-то беспокоить

Петра Петровича, и он делился этим беспокойством с женой. А Анна Ивановна делилась уже своими беспокойствами с Еленой Петровной. Делилась ли Елена Петровна этой информацией с мужем? А вот это мы сейчас и узнаем.

Однажды до Петра Петровича донеслось: Николай Львович Бейкер ждет его для какого-то серьезного разговора. У Петра Петровича слегка екнуло сердце (а у какого должника оно бы не екнуло, если бы за год он не смог отдать ни копейки?), но делать было нечего – надо было идти.

Петр Петрович пришел в офис к Николаю Львовичу. Офис находился в самом центре, на Сретенке. Старая Москва открывалась в широких окнах кабинета Николая

Львовича. Москва, которая видела многое, если не всё.

Николай Львович начал разговор. Начал он его как-то смущенно, и это тоже встревожило Петра Петровича - обычно интеллигентные люди смущенно начинают разговор в тех случаях, когда хотят добиться чего-то серьезного.

Суть дела была вот в чем: Николай Львович прекрасно понимал, что Петр Петрович ему должен определенную сумму, и что отдать ее для Петра Петровича - дело его мужского достоинства и чести.

Но!.. Но тут случились такие особые обстоятельства: по железным дорогам бескрайнего бывшего Советского Союза вот уже несколько лет ходили сотни вагонов, принадлежащих лично

Николаю Львовичу. Он про них, признался, совсем забыл, как вдруг его украинские коллеги предложили эти вагоны у него купить. И купили. За миллион долларов.

И вот теперь, поскольку этот миллион буквально свалился ему с неба (я же говорю, Бейкеры были тонкими и чуткими людьми!), то, может быть, не откажется и Петр Петрович принять от него, Николая Львовича, сумму в 16 тысяч долларов в подарок? Может быть, они просто забудут об этой злосчастной сумме, и не будет у Свечкиных перед Бейкерами никакого долга?..

...Свечкины и раньше молились за семью Бейкеров каждый раз, когда вставали на молитву. А теперь стали молиться сугубо. В общем-то,

как и положено молиться за
благодетелей.

Нет, что ни говорите, а иногда у нас, у людей, все-таки получается и заботиться о ком-то, и с благодарностью принимать такую заботу. И тогда наш Отец смотрит на нас и радуется. Потому что для любого отца взаимная любовь его детей - самая дорогая награда за те труды, которые он для них несет...

Крестьянские дети

Итак, жизнь Свечкиных складывалась таким порядком, что они все время были связаны с детьми. Прежде всего - со своими детьми, так как были многодетными родителями. Ну и с чужими (если в мире вообще есть чужие дети), поскольку постоянно вели в столице детские художественно-

театральные студии. Постепенно Петр Петрович осознавал, что ему очень хочется как-нибудь сесть и сравнить две эти категории, армии, когорты детей середины девяностых – столичных московских и деревенских рогожинских. И он не стал противиться такому желанию – однажды он сел и написал для своего замечательного журнала очерк, который я, пожалуй, приведу здесь полностью ввиду того, что он и сейчас, спустя двадцать лет, став документом эпохи, читается, вроде бы, с интересом.

Ну так вот он, очерк Петра Свечкина 1995 года, который так и называется – «Крестьянские дети»...

«Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живется

легко...»

Эти некрасовские строки в памяти у каждого из нас прямо со школьной скамьи. Да и то сказать: вряд ли найдутся у нашего записного и штатного «певца гнева и печали» стихи, наполненные такой чистотой и любовью. Этот портрет крестьянских детей, а точнее – портрет их судьбы – из несомненных шедевров великой русской литературы.

Разумеется, некрасовские крестьянские дети – в далеком прошлом. Ну а сейчас-то есть они? А если есть – какие? Бледное повторение городских, или, того хуже, просто «местные аборигены»? Но разве что-то мешает нам сравнить минувших крестьянских детей с нынешними?..

Глазки

«Все серые, карие, синие глазки –
Смешались, как в поле цветы. В них
столько покоя, свободы и ласки, В
них столько святой доброты!»

Покоя в глазах даже сегодняшних
деревенских детей и впрямь
больше. Да и как не быть покою,
если строй жизни диктует другие,
по сравнению с городской жизнью,
ритмы. Куда спешить детям в
деревне? Ну разве что после школы
на дежурный автобус, развозящий
по окрестным деревням совхозных
рабочих. А если все же опоздаешь
на «дежурку», так и вовсе некуда
торопиться: или жди чего-то
попутного, или пешочком
километра три-четыре до дому.

«Ждать да догонять – хуже нет...»
Догонять – это вообще не про

деревню, а вот ждать... Ждать деревенский народ привык. Ждать автобуса, ждать хлеба в магазинной очереди, ждать прихода начальства в кабинете, или, например, открытия почты. Но ожидание здесь не похоже на городское - оно спокойнее и фатальнее. Придет (привезут, откроется) - хорошо; нет - ну что ж, значит завтра (через час, через год) сделается дело. Куда спешить? Жизнь-то вот она, всегда при тебе (твоя жизнь), куда от нее бежать, да и зачем?

Покоя в глазах деревенских детей больше. Помню одного педагога, перебравшегося из большого города в деревню на постоянное жительство (такие тоже случаются!). Больше всего его поражало, что крестьянские дети, прежде чем ответить на какой-то вопрос - думают! Казалось бы, что

за чепуха, разве городские дети
думать не умеют? Уметь-то умеют...
Но проведите простой опыт:
войдите в городскую школу на
перемене, остановите любого
ребенка и спросите о чем-нибудь. В
четырех случаях из пяти вы
увидите блуждающий
потусторонний взгляд и услышите
ответ еще до того, как закончите
свой вопрос...

Покой и свобода, как заметил еще
прозорливый Пушкин, вещи
взаимосвязанные. Что здесь
причина, а что следствие,
установить бывает нелегко, да это
порой и не важно. Мне могут
возразить, что уж свободы-то в
сегодняшних городских детях хоть
отбавляй. Но с этим я, пожалуй, не
соглашусь: хоть отбавляй в них
сегодня своеволия и
распущенности, а это, согласитесь,

совсем другое дело. Но настоящей свободы, свободы от порока, от какой-то врожденной испорченности больше сегодня все же у детей деревенских. И даже иногда встречаются в этих глазах воспетые поэтом ласка и доброта.

Да, больше свободы, больше покоя, больше ласки. Но именно больше, чем... Сказать, что этого покоя достаточно, довольно – значит, солгать. Потому-то мы и пишем всего лишь сравнительный портрет детей нашего времени.

«В их жизни так много поэзии слито... Счастливый народ! Ни науки, ни неги Не ведают в детстве они...»

Поэзией природы деревенские детки впрямь не обделены.

...Огромное, бескрайнее и

бездонное лето с его
некончаемыми днями и черными
звездными ночами или
ослепляющей луной; осень с
бронзой и золотом листьев, с
затяжными дождями и грязью, с
первыми, чистыми и колючими,
заморозками по утрам; долгая,
некончаемая в Средней России
зима с широкими морозными
полями и лесами в белоснежном
уборе, – а то и оттепель с дождем,
когда по полям начинается
суматошный бег мышей-полевок,
пытающихся спастись от
заливающей их норки воды;
наконец весна – вечное и всегда
невероятное воскресение природы с
первыми прожухлыми
проталинами, с ручьями, с нежной
зеленью новой травы...

Круговорот одного крестьянского,
деревенского года – великое

божественное чудо, вечная книга мудрости, благая весть о нашем человеческом бессмертии и с нами – бессмертии всего сотворенного мира. И эта загадочная книга – всегда перед глазами деревенских ребят, ее страницы вольно раскрыты перед ними, не сдавленные многоэтажными городскими стенами – надо только уметь смотреть и научиться видеть.

А вот насчет науки и неги времена, конечно, изменились. Сейчас, в середине девяностых, чем отличается школа в деревне от городской? Разве что большей человечностью. Обучение в одну смену, в классе – человек по пятнадцать, учителя и ученики знают друг друга не только по школе, но и по жизни (даже в большом поселке все семьи – у всех на виду!). Уровень? Но что такое –

уровень образования? Когда программа, методики и методички одни и те же в городе и деревне – попробуй, улови и измерь этот уровень!

А вот хотят ли деревенские дети сегодня учиться? Вопрос. Человек ведь привык образование связывать с последующей деятельностью, и это естественно. Образование помогает построить карьеру, карьера дает общественные блага – достаток, почет и уважение, доступ к культурным ценностям. Но это при нормальном состоянии общества. А когда мерило всему одно – деньги! – начинаются совсем другие счеты. Тогда мальчишка с пятью классами, занимающийся весьма сомнительным бизнесом, зарабатывает больше профессора, а то и академика. И зачем ему учиться, если деньги – главное?

Общий кризис нашего образования, падение его престижа не может не задеть и деревню. В сельских школах учатся хорошо, в основном, девочки. Впрочем, о мальчиках и девочках поговорим отдельно.

Ну а что касается неги... Нет, изнеженных детей в деревне, конечно, гораздо меньше. А уж столичных маменькиных и бабушкиных сынков и дочек, стоящих на ушах и ходящих на голове, в деревне почти не встретишь. И все же сказать, что балованных детей нет совсем - не получится. Тут уж дело родительского такта и родительской меры.

Скотинка

«Вот девочка ловит лукошком лошадку: Поймала, вскочила и едет

на ней. И ей ли, под солнечным зноем рожденной, И в фартуке с поля домой принесенной, Бояться смиренной лошадки своей?..»

Тема о домашних животных и их взаимоотношениях с человеком настолько глубока и даже онтологична, что глубины этой совсем не могут вообразить городские жители, запертые в четырех стенах и трех измерениях своих квартир. Да вряд ли ее осознают и крестьяне, выросшие в такой, а не иной реальности и не имеющие нужды сравнивать.

В городе домашние животные – это кошки и собачки, да еще волнистые попугайчики. Все остальные изыски вроде удавов, обезьян, крокодилов и львов по их редкости в расчет можно не брать. Но и собаки с кошками в городе выполняют

декоративную, а не свою
профессиональную функцию.

Деревенские животные – не то. Да и
банальные кошка с собакой в доме,
стоящем на земле и окруженном
землею, приобретают свое
настоящее значение. А ведь есть
еще, как мы уже упоминали, куры,
гуси, утки, индюки, индоутки; есть
овцы, козы, коровы, а кому очень
повезет – лошади. А у них, у
больших и серьезных, есть,
разумеется, цыплята, козлята,
телята, жеребята – маленькие
животные дети.

Городской человек, попав волею
судеб в деревню и помаленьку
обзаводясь живностью, с
удивлением обнаруживает, что нет
такого абстрактного понятия
«отношение к домашним
животным», а есть живые,

конкретные и совершенно особые взаимоотношения – с собакой, курами, козой, коровой (опять же, кому повезет – с лошадью, этим венцом домашнего животного мира). И оказывается вдруг, что для каждого животного, для любви к нему, в человеческой душе существует (абсолютно не нужная в городе!) отдельная, особая струна. И оказывается, что у каждого животного свой, ни на что другое не похожий характер и свое, личное, отношение к человеку.

И эта многострунность чуткой человеческой души не надумана, не специальна, а естественна и жизненна, потому что человеку для жизни нужны мясо и шерсть, яйца и молоко... И молоко, которое дала тебе твоя коза или корова, имеет совсем другой вкус, чем то, что куплено в универсаме.

Но эту многострунность души вовсе не надо путать со слезливым сентиментальным жалением животного, потому что – всему свое время под солнцем. Маленький недельный козленок, скачущий по дому и самозабвенно сосущий твой палец, умиляет людей, но пройдет два-три месяца – и его надо будет кастрировать, чтобы, зарезанный еще через полгода, он не пах «козлом». Деревенские подростки, пререзающие горло овце на заднем дворе, делают это спокойно и просто – совсем не так, как городские дети убивают на задворках многоэтажек котенка или щенка.

Приходит на память пример одного из великих русских подвижников XX века, преподобного Силуана Афонского. Будучи монахом, он имел послушание резать овец и коз

для монастырских гостей и делал это совершенно спокойно и естественно. И он же до смерти со слезами вспоминал о паучке, которого однажды в молодости убил просто так, от нечего делать...

Убийство убийству рознь. Впрочем, называть убийством то, что заповедано человеку свыше, что входит в круг его естественных обязанностей и естественной ответственности, как-то неловко, да и неправильно. В таких вот незаметных, но существенных моментах высвечивается то, как далеко ушли мы в своей городской жизни от реальных, а не миражных взаимоотношений с животными и природой.

...А если, говоря о животном мире, вспомнить еще про ежика, который может жить где-нибудь на

задворках твоего сада; про семью скворцов, которая многие годы подряд прилетает именно в твой скворечник, считая его своим домом – если все это вспомнить, то и сравнивать как-то некорректно: деревенский ребенок богач по сравнению с городским сверстником.

Да неужели же всё так уж безоблачно? Разве любое явление в мире не имеет теневой стороны? Ведь поэт-то заметил эту теневую сторону!..

Другая сторона медали

«Положим, крестьянский ребенок свободно Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если Богу угодно, А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные
дорожки, Гарцует верхом, не боится

воды, Зато беспощадно едят его
мошки, Зато ему рано знакомы
труды...»

Дальше в знаменитой некрасовской поэме следует не менее знаменитый рассказ про шестилетнего мужичка Власа, ведущего под уздцы свою лошадку. Сколько десятилетий подряд «Мужичок с ноготок» разъяснялся нам, читателям, как гневное обличение свободолюбивым поэтом «старого прижима». Да и сам поэт, конечно, не просто так своего мужичка описал. А - как будто спохватившись, что перехвалил маленько крестьянскую жизнь, что про обличения забыл. А ведь за такую забывчивость свои-то, белинские-то с чернышевскими, по головке не погладят!

Но если конкретно, по статьям

разобрать эту некрасовскую спохватку, что остается от ее главного пафоса?

Конечно, детская смертность тогда была еще больше, чем сейчас, в эпоху победившего капитализма – но и в городе среди бедноты она была не меньше! Откуда было взяться здоровым детям в гнилом Питере, например? И комары-мошки так же ели болотного петербургского бедняка, и труды ему были знакомы с самого нежного детства, да какие труды! Особые, губящие насмерть, растлевающие не только тело, но и душу. Ведь как ни говори, а та же проституция не в деревне родилась и расцвела. Ей городской простор нужен! А профессиональное воровство? А мошенничество? Сплошь городские профессии!

Ну а сам мужичок с ноготок – он кто таков? А он, между прочим, паренек в сапогах, в овчинном полушибке, в рукавицах – то есть нормально, по погоде одет, на что мы почему-то привыкли не обращать внимания. А вот в городе, если верить реалистической живописи – и вовсе перовская «Тройка», везущая по гололеду бочку с водой! И ведь не на лошади везущая, а на себе! Так намного ли жизнь городских детей из низшего сословия была легче жизни детей крестьянских? А если не была легче, то к чему эти бессмысленные сравнения?

Вообще, в чем тут фокус и где надо особенно внимательно следить за руками опытнейшего карточного игрока (заработавшего, кстати, на этом благороднейшем деле немалое состояние) господина Некрасова

Н.А.?

А фокус прост.

Оказывается, поэт сравнивает
крестьянское детство вовсе не с
бедняцким городским: «Однако же
зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль...»

Стоп, Николай Александрович! Так
вы кого с кем сравниваете?
Городских и деревенских жителей,
или крестьян с дворянами?
Оказывается, простых сельских
жителей из податного сословия
революционный поэт сравнивает с
благородным дворянским
сословием города!

В картах это называется
передернуть, и за это во все
времена (монархические,
республиканские, даже
тоталитарные) били морду. А в

искусстве как с этим делом? В искусстве это называется идея, тенденция и обличение кровавого царского режима. И тут уж, сами понимаете, не до корректности приемов и даже не до справедливости и правды. Тут надо дело делать, согласно терминологии Базарова...

Но каков же вывод из сказанного? Он очевиден и прост. Тогдашнее деревенское детство было несравненно лучше детства городских бедняков – ведь минусы везде были одни и те же, а плюсы в деревне – такие, каких у бедного городского ребенка не было уже давно.

Кстати, наши интуитивные догадки по поводу детской смертности подтверждает вполне солидный и отродясь не бывший консервативно-

патриархальным (скорее даже всегда бывший либеральным) словарь Брокгауза-Ефрана: «...в городах России смертность вообще слабее, чем в уездах, что зависит не столько от лучших гигиенических условий, сколько от возрастного состава: в городах больше взрослых, нежели детей, а смертность в детском возрасте всегда сильнее...» То есть детей в деревнях было настолько больше, что, при высокой детской смертности, статистика получалась, конечно, в пользу городской жизни.

Ну а сегодня?

Не знаю, ведется ли сравнительная статистика детской смертности в городе и на селе, но то, что эпидемии забытых некогда болезней начинаются нынче с городов, о чем-то говорит.

Мошки и комары едят, конечно, деревенского отрока и сегодня, но от этого, слава Богу, никто не умирает. А про воздух и воду, про пресловутую экологию и говорить нечего: городской житель дышит чем угодно, но уж, во всяком случае, не натуральным воздухом.

Ну а все же, есть ли она сегодня, настоящая другая сторона медали?

Есть.

Прежде всего, это касается общей деформации человеческих ценностей на протяжении тяжкого XX века. Потому-то деревня впитывает чуть ли не с молоком матери сознание: город выше! Городской человек развитее! Городская деятельность приносит настоящие плоды!.. И вообще, всё самое главное происходит в

городах, особенно – в столицах.

Это сознание второсортности деревни насаждалось долгие десятилетия, а то и столетия. Оно привилось. И оно же побуждает самых активных и деловых выбиваться в люди. Но тех, кто не так силен, оно разлагает и растлевает. Что делать, если нет работы, нет денег, нет никакой надежды на будущее? Тогда напрашивается вывод: «Жить не стоит...»

Пишут знакомые из села в Тюменской области. Село это еще лет двадцать назад, в середине 70-х, было живым селением с нормальными работящими людьми (сибиряки всегда отличались основательностью). Сегодня же – работы нет, денег нет, товаров и продуктов нет (а зачем их

привозить, если нет денег?). Людей нет. Не осталось людей.

Единственный живой и
наполненный смыслом день – когда
в сельмаг внезапно завозят сахар.
Тогда половина жителей (меньшая
половина, которая гонит самогон)
стоит в очереди и покупает сахар
мешками, чтобы спаивать большую
половину, которая может только
пить...

Разложение, распад,
безнадежность... Свобода.

Мальчики и девочки

Говоря о крестьянских детях,
нельзя не сказать и о тех
особенностях, которые отличают
мужской и женский пол.

Давно известно: женская душа –

более чутка и трепетна. Мужская – более основательна и сильна. В деревне это естественное различие полов виднее и ощутимее.

Хозяйственные обязанности распределяются традиционно: уход за скотиной, дойка, кормление коз и коров, посадка и прополка огородных грядок – это занятия женские. Но тяжелый физический труд, работа с техникой (которая в деревне является настоящим помощником, а трактор так уже почти заменил незаменимого коня), а главное – вечное добывание денег на пропитание семейства – мужской долг. Есть, конечно, дела, на которые наваливаются всей семьей – такие как сенокос или стройка.

Но это что касается хозяйственно-материальной стороны жизни.

В душевной и духовной сферах всё обстоит не так просто и однозначно. Мужчина ведь и в вере должен быть старшим, отцом семейства, ведущим в церковь всех своих домочадцев.

Но этого нет. И неизвестно еще, когда будет, и будет ли вообще. Отношение к вере у молодежи отцовское (а отнюдь не дедовское и не прадедовское): вера – занятие и обязанность исключительно бабушек и женщин. И если в наших городах лед уже довольно давно тронулся, то в бескрайних веснях, кажется, только чуть-чуть начинает потрескивать.

Организуется, например, воскресная школа при местном, недавно открытом храме. Ее ученики – девчонки (двоое-трое мальчишек на огромное село!).

Почему? Более дисциплинированные или более любопытные? Но ведь и в обычной общеобразовательной школе более прилежно, ответственно, даже честолюбиво – учатся девочки.

Надо заметить, мужчина в советское время всегда сознательно чурался официозной общественной жизни (жизни красных уголков, политинформаций и газет). Может, и сегодняшнюю церковную жизнь, на словах пропагандируемую некоторыми нынешними газетами, деревенский житель воспринимает так же? Но горький факт от этого не становится слаще: многомиллионная крестьянская Россия застыла в понятиях православной веры (а вернее, в почти полном отсутствии таких понятий!) где-то на уровне нескольких десятилетий назад.

И все же есть один день в году,
который как будто мановением
волшебной палочки меняет самые
заскорузлые привычки и обычай.

День этот –

Пасха

Даже в самые атеистические годы и
десятилетия Пасха в России
оставалась Пасхой. Конечно, ни о
каком подлинном духовном
содержании праздника очень
многие люди не подозревали;
конечно, большинство вместо храма
Божьего пасхальным утром
отправлялось пряником на
кладбище, чтобы водочкой
помянуть на могилках своих
покойников; конечно, никогда
Пасха не обходилась в народе без
пьянок и драк (малый верующий
остаток не в счет!) – но все же, все

же...

Пышные куличи, крашеные яйца,
творожная пасха (у самых
верующих, знающих и бесстрашных
всё это даже освященное в церкви),
какое-то более доброе, чем в
обычные дни, отношение людей
друг к другу, а главное – это
ожидание накануне, ожидание
чего-то необыкновенного,
выходящего из рамок бытия...
Ожидание слепой души, не
ведающей, не понимающей, Кого
она ждет – и все же ждущей Его.

Никогда никакие Первомай и
Октябрь-Ноябрь не могли
сравниться с Пасхой – Первомай и
Октябрь были только пьянкой и
загулом; Пасха тоже в конце концов
превращалась для большинства в
пьянку и загул, но было еще и
ожидание. И за это-то ожидание,

может быть, там многим простилось
многое...

В 1966 году Солженицын написал рассказ «Пасхальный крестный ход». О том, как пьяные в дым прогрессивные комсомольцы (а говоря серьезно – отпетое хулиганское быдло) курят, плюются и матерятся на церковном дворе в преддверии Пасхальной заутрени. Да не в простой приходской церкви, а на самом Патриаршем подворье! Как в этом мученическом крестном ходе идет со священниками жалкий десяток женщин, чьё мужество проистекает из безграничного русского терпения.

И вот прошло тридцать лет...

На Пасхальной службе в одном сельском храме Подольского района нынче нам пришлось

поучаствовать в качестве певчих (за неимением пока в приходе настоящих). Когда к 11 вечера мы подъехали к церкви - она со всех сторон уже была окружена множеством машин и десятками людей. В основном, это была молодежь; может, даже парней было больше ввиду позднего часа. Он входили в храм, покупали свечи, ставили, выходили... Пьяных было изрядно, но пьяных не из наглости, не из презрения к Празднику, а из обычного стеснения (и это явственно ощущалось). Трезвый он, пожалуй, и в храм бы войти не осмелился, а вот принял слегка - и ничего, и побывал, не оробел. Ведь это где-нибудь в гараже, или в столовке, или в клубе среди своих не страшно - а здесь боязно все-таки...

Ровно в двенадцать двинулся

крестный ход. Первыми шли мы, певчие. Голоса четверых человек на улице звучали совсем по-иному, чем в храме - слабея, теряясь, пропадая в бездонном темно-звездном пространстве. Было ясное и полное ощущение, что мы идем в одиночестве, и что за нами - никого. Хотелось оглянуться и убедиться в этой горькой правде, но про себя я решил: пусть за нами хотя бы и ни одного человека, но оглянусь только когда дойдем до угла храма. А это метров тридцать. И вот, уже заворачивая за угол, обернулся. И что же? Свечи, свечи, свечи в темноте, десятки людей идут за нами, окончание крестного хода еще и из храма не вышло...

Конечно, к часу ночи на службе остались только свои церковные, но это везде едино, что в деревне, что в Москве.

На следующий день выяснилось,
что вот у этих дети были на
крестном ходе с друзьями, и вот у
тех... Нет, что ни говори, тридцать
лет не прошли даром.

Дыхание каменных джунглей

Сегодня, в самом конце ХХ века,
город наседает на деревню
прилипчивостью и привычностью
коммерческих ларьков,
разнуданностью телевизора,
свившего гнездо буквально в
каждом доме, всем суэтным стилем
жизни, который подхватывается в
 первую очередь самыми
неустоявшимися, самыми
молодыми. И даже самим воздухом
наседает город - воздухом, который
грязнее год от года вокруг всех
больших городов.

Город агрессивен в своей

экспансии, творит кумира из себя самого, чтобы потом поклоняться этому кумиру. Он давит своими интересами, многозаботливостью о деньгах, которые нынче разрешено добывать любыми способами, своей приверженностью к комфорту.

...Но из города же нынче потихоньку доходит до деревни вера, так же, как несколько десятилетий назад шел из города в село воинствующий атеизм. Десятилетия потребовались, чтобы этот атеизм победил крестьянскую душу, развратил и разложил ее. Сколько времени нужно, чтобы теперь совершился процесс восстановления? Во всяком случае, тоже десятилетия. Если только не вмешается Сила, Которая сильна совершить любой духовный катаклизм в мгновение ока.

Ну а что крестьянские дети? Дети вырастут и станут взрослыми, когда мы с вами станем стариками. И деревенские дети вырастут более спокойными, уравновешенными, искренними и застенчивыми людьми, чем городские. И их дети тоже будут наследовать эти родительские качества, в этом я вполне убежден.

Да, но много ли их, этих самых крестьянских детей? Если еще в конце 70-х сельские жители составляли едва 15% от общего населения страны, то сейчас, спустя полтора десятилетия, сколько их? 10 процентов? Наверное, так.

Десятая часть народа, разбросанная, к тому же, по бескрайним (до сих пор) ширям и весям российской земли.

И если эта земля вот-вот не провалится в тартарары, если когда-нибудь начнется у нас собирание разбросанных туда и сюда камней – именно эти люди со спокойными и вдумчивыми глазами, именно эти новые старые люди должны стать основой, почвой для возрождения и возрастания трудовой, нравственной элиты нашего народа.

Но как их сохранить?

Отвести для них питомники-резервации и выращивать заботливо, «как растение мимозу в ботаническом саду»? Невозможно, да никто и никогда не станет этим заниматься.

Начать борьбу с городом как рассадником зла и насильственно превратить всех жителей страны в

крестьян? Увы, такое уже было. Гениальный камбоджийский практик Пол Пот, реанимировав и воплотив в жизнь мертворожденные идеики рафинированного француза Жан Жака Руссо, показал всему миру, во сколько миллионов жизней может обойтись такая насильственная и последовательная «пасторализация».

Получается, нечего нам сделать хорошего для наших крестьянских детей? Опустим руки и станем равнодушно следить за естественным ходом событий? Но в том-то и дело, что ничего естественного в наших сегодняшних событиях нет. Разве ломка человеческих костей живому может называться естественным ходом событий?

Так, может, если мы правда хотим –

попробовать сделать что-то полезное, хотя бы запретить пропаганду разврата и порнографии во всех видах? Вот будет благодеяние для всех детей - и крестьянских, и городских! («Как? Запретить нашу свободу? Кто посмел молвить такое ужасное слово? Ату его!..»)

А может, поддержать родителей-крестьян? Поддержать, наконец, русскую деревню, которую вы уже восемьдесят лет сосете как вампиры, господа первые большевики, пост- и необольшевики? Или вам невмочь переступить через свои видовые качества, одним из которых является лютая ненависть к собственному народу? Или вам никогда не стать уже жителями своего Отечества, господа-инферионалисты?

«Играйте же, дети! Растите на воле! На то вам и красное детство дано, Чтоб вечно любить это скудное поле, Чтоб вечно вам милым казалось оно...»

...Майским ранним утром в деревне тихо пахнет детством. И зеленеющая земля совсем не кажется скудной. И кажется, что всё еще будет, всё еще сбудется. (А вдруг и правда будет, ведь случались же раньше чудеса в русской истории – почему они не могут случиться сейчас?..)

Потом – поднимается солнце, высыхает роса на траве, становятся короткими тени людей и деревьев. Но тихий запах утра, запах детства еще долго стоит в таком ласковом и таком русском воздухе...

Призвание

Спустя примерно пять лет после своего переезда из столицы Свечкины потихоньку начали осознавать, что их новая рогожинская жизнь состоялась. И, мало того, даже, кажется, как-то устоялась. Работа в Москве была и приносила деньги пусть для скромного, но все же отнюдь не нищенского житья; старшая из детей, Санечка, жила на отданной Бейкерами квартире и училась в одном из столичных экстернатов (в конце 90-х расплодились в Москве такие странноватые учебные заведения, в которых за год можно было пройти сразу два класса, десятый и одиннадцатый – качество обучения в те годы, видимо, роли почти не играло); к тому же недавно Свечкины даже купили новую «Волгу» (был в России такой солидный автомобиль в советское и даже постсоветское время), и семья

наслаждалась теперь просторной и удобной машиной. В общем, живи, как говорится, да радуйся.

А еще за последние примерно пять лет один из центральных театров поставил два спектакля по пьесам Петра Петровича - один спектакль был про русского духовного бунтаря Аввакума, а другой - про вечно живого в России Наполеона. Особых денег спектакли своему автору не приносили, но моральное и профессиональное удовлетворение, конечно, давали немалое.

В общем, это был один из тех весьма редких периодов в жизни Петра Петровича (почти у каждого из нас бывают в жизни такие периоды, хоть и нечасто), когда при наших встречах он говорил, довольно потирая то руки, то живот (наши разговоры, естественно,

происходили обычно после того, как мы с ним немножко выпивали и закусывали): «Ну вот, вроде наконец как-то всё более-менее утрясается и устраивается...» Еще очень важно было, что свечкинская жизнь наладилась именно в режиме свободного посещения: не надо (да и невозможно!) было каждый день ездить на работу в Москву, а дела, тем не менее, идут. Идут и приносят плоды.

Я искренне радовался за него в ту пору: как-никак в последние годы Свечкины хлебнули нелегкой жизни, причем хлебали они эту нелегкую жизнь полной ложкой, а то и настоящим столовским половником. (Об этом мало кто знал даже из их ближайших родственников, поскольку о трудностях своих Свечкины, как люди от природы достаточно

скромные, а может, и достаточно гордые, распространяться не очень любили.) Нет, что ни говори, приятно, когда твой друг хоть на какое-то время ощущает гармоничность и благоустроенность своего бытия.

Но!..

Но у нас, у русских, среди тысяч пословиц и поговорок, есть одна удивительная по глубине и противоречивости смыслов пословица. Звучит она как-то так: «На тихоньких Бог наведет, а резвонький – сам набежит». То есть, другими, более привычными, словами: чему быть – того не миновать. И то самое, чему не миновать, все равно случится с тобой, будешь ты лежать в кровати, бродить по опасному дремучему лесу, сидеть в запертом чулане,

или, например, плыть по бурному морю. (И хотя это мое логическое объяснение не исчерпывает полностью смысла пословицы, как построения образного и метафорического, а значит, художественно-многозначного, но, по крайней мере, хоть как-то к этому смыслу приближается.)

Могу засвидетельствовать в любом уважаемом собрании, что поведение господина (или гражданина?) Свечкина было в этот период вполне осмотрительным и отнюдь не вызывающим: он не плавал по бурному морю, не бродил по дремучим лесам, полным диких кровожадных зверей – но и в кровати тоже не залеживался. Нет, он честно трудился, получал за свои труды достаточные для сносной жизни деньги, ничего лишнего себе не позволял и только

очень хотел, чтобы окружающая действительность поменьше цепляла его своими крючковатыми железными пальцами. Желание, вполне понятное каждому из нас, проживших на этом свете хотя бы лет по сорок-пятьдесят.

Поэтому, когда однажды Петру Петровичу позвонил знакомый эконом одного московского монастыря и позвал для разговора, он не придал этому особого значения - мало ли что, ну поговорят и поговорят. Сколько в жизни между людьми бывает всяких разговоров! Сколько таких разговоров уже было между ним, Свечкиным, и этим самым экономом, которого мы для краткости назовем здесь отец Андрей.

...Да, но тут все же надо пояснить,

что это был за эконом и что за монастырь.

А был это один из центральных монастырей Москвы и наместником в нем был батюшка (назовем его отец Александр), духовно окормлявший в свое время отца Геннадия, покойного теперь духовника Свечкиных (а у всех наших духовников, как известно, тоже есть свои духовники, в этой непрерывности и заключен смысл настоящего духовничества). И к отцу Александру, после смерти отца Геннадия, вся семья Свечкиных перешла под духовное руководство, что называется, по наследству. И время от времени они ездили к отцу Александру на исповедь. (А поскольку исповедь начиналась в половине седьмого, а желающих исповедаться, особенно Великим постом, были десятки если не

сотни, Свечкиным в своем Рогожине приходилось вставать в этот день часа в четыре утра, перетаскивать полуживых-полуспящих детей в машину и ехать часа полтора-два по ночных загородным дорогам, стараясь не заснуть.)

Да и отец Андрей, эконом, тоже был для Свечкиных совсем не чужим: они тесно и тепло общались, как чада отца Геннадия, еще тогда, когда отец Андрей вовсе не был монахом и потому имел совсем другое имя, которое мы здесь за ненадобностью упоминать не будем. Надо еще сказать, что отец Александр вместе с отцом Андреем раза два навещали Свечкиных в их Рогожине, ездили по окрестностям и даже купались в Васюткинском пруду. А когда Свечкины собрались покупать «Волгу», отец Александр

даже давал им недостающую сумму в долг. И вообще (Свечкины в это верили!) относились к ним в монастыре как к родным.

В общем, это были свои люди, и монастырь был свой. И ясно, что взаимоотношения, связывающие Свечкиных и обитель, были и глубже, и тоньше, и сердечнее, и многограннее, и невыразимее обычных приятельских человеческих взаимоотношений.

Когда Петр Петрович приехал к отцу Андрею, в кабинет эконома был подан чай с конфетами и печеньем. Что ни говори, а разговор за чаем – это совсем иной, основательный разговор, нежели пустая болтовня без чая, печенья и конфет. Поговорили о том и о сем. Отец Андрей расспросил Свечкина, как ему сейчас живется, работается

- ну и вообще... Свечкин с удовольствием ответствовал, что вот сейчас как раз-таки наступил тот замечательный период в его жизни, когда всё в его делах потихоньку устроилось и обустроилось, когда желать больше особо и нечего, поскольку - чего еще желать?.. Ну и так далее (см. выше).

Отец Андрей внимательно слушал и кивал, всем своим видом выражая сочувствие рассказу Петра Петровича - ему, видать, тоже было приятно, что наконец-то в делах Свечкина наступило некоторое, пусть и относительное, благодеяние.

Но когда всё было рассказано и обсуждено, пришла-таки пора приступить к главной теме. Ведь для чего-то же вызывал отец

Андрей Свечкина! Не только же для того, чтобы расспросить его о теперешней жизни!

И отец Андрей приступил. Собственно, предложение было простым: Петру Петровичу предлагалось занять пустующее на сегодня место главного редактора монастырского издательства (достаточно известного в православном мире издательства), чтобы, так сказать, поработать немножко на пользу обители, да и всей нашей русской Церкви.

...После секундной паузы Петр Петрович даже рассмеялся. Да что там рассмеялся - расхохотался! Потому что это предложение было настолько неуместным и даже нелепым после всего им рассказанного, что (подумал он) просто диву даешься, как иногда

люди не понимают и не чувствуют, насколько подобные предложения нелепы и неуместны! Зачем ему, Петру Свечкину, у которого только-только устроилась его профессиональная писательская жизнь, только-только найдена точка равнодействия всяких противоположных сил, разрушать эту с таким трудом обретенную гармонию?! Зачем ему впрягаться в незнакомую лямку, которая вполне может затянуться на его шею настоящей петлей? Зачем ему, наконец, терять свой такой желанный свободный режим, которого он в писательской жизни искал и добивался долгие годы?..

В общем, ответ Петра Петровича Свечкина был краток и решителен: Нет!

...Надо сказать, отец Андрей был

несколько удивлен такой реакцией, это было видно. Да что там удивлен – он был даже несколько ошеломлен. Он, видимо, ожидал, что Петр Петрович с благодарностью примет предложение, желая послужить своими малыми силами родному монастырю, да и всей русской Церкви.

Но Петр Петрович не хотел делать этого даже своими малыми силами, и имел на это, как мы видим, свои обоснованные человеческие резоны.

...Посидели, выпили еще по глоточку-другому чая, уже не притрагиваясь к печенью и конфетам. Всё было ясно, и продолжать бесплодный разговор не имело смысла. Вид у отца Андрея был несколько

расстроенным, но тут уж Свечкин ничего не мог поделать – настроение настроением, а жизненные вопросы все равно приходится решать основательно и принципиально. По-мужски, что называется.

Рас прощались, и Петр Петрович, сев в свою «Волгу», отправился в любимое Рогожино (а оно для него к этому времени, пожалуй, и впрямь стало любимым).

Дорога долгая, занимает полтора-два, а то и два с половиной часа в зависимости от количества пробок.

…Первые полчаса дороги Свечкин время от времени усмехался, вспоминая недавний разговор: нелепость и даже несообразность предложения отца Андрея его искренне забавляла, хотя само

предложение, как выражение доверия к его профессиональным способностям, было приятно.

Но постепенно усмешка сошла с его лица и, как писали в старинных романах, тяжелая задумчивость опустилась на его светлое чело. Странное беспокойство постепенно овладело им. А так ли уж однозначна вся эта ситуация, как ему сейчас кажется? Так ли он прав и так ли неправ отец Андрей? А вдруг это предложение было тем новым, открытым именно для него окном, в которое должна вылететь его душа (опять же говоря высоким стилем), чтобы взмыть в небо?..

Ну да, эта новая работа создает гораздо больше проблем и трудностей, чем удобств и удовольствий – но разве он, христианин, не понимает, что

совсем не для удовольствий и
удобств мы приходим в этот мир?

Свечкин ощущил вдруг, что этот вопрос, который он вот только что считал для себя решенным и закрытым, вовсе не закрыт и не решен. Да, будет труднее, сильно труднее - ну и что? А если то, что недавно прозвучало, было его новым призванием, которое он так легкомысленно и играючи отверг?.. И это слово, прозвучавшее в его сознании, но как будто независимо от его сознания, окончательно поставило всё на свои места. Ведь призвание - это то, от чего мы просто не можем, не имеем права отказываться. Да что там отказываться - отрекаться...

Последние полчаса дороги он гнал машину что есть мочи. Хотелось поскорее доехать до дома - и

позвонить. Позвонить отцу Андрею, чтобы сказать, что согласен. (В то время мы еще не знали мобильных телефонов. Хорошо это или плохо – до сих пор не могу решить.)

...Так закончилась короткая (и какая-то куцая) история Петра Свечкина как свободного художника, живущего не то чтобы в свое удовольствие, но хотя бы по своему графику и в свободном режиме. И началась жизнь Петра Петровича как главного редактора одного из православных издательств. И сейчас, по прошествии многих лет, уже видно, что это было именно его место. Что он закатился в него, как (используя пошловатое сравнение) билльярдный шар в предназначеннную лузу. И хотя первые полгода на этом новом месте для Свечкина действительно были похожи на прорубь с ледяной

водой, он все же смог, одолел, справился. И послужил-таки своими малыми силами родному монастырю и русской Церкви.

Видимо, это и было его призвание...

Итоги

Через два года после призыва Петра Петровича на новое место работы (или все же не работы, а служения?) семья Свечкиных переехала в Москву, купив небольшую квартирку на первом этаже с помощью своих друзей и покровителей. Но об этом я уже писал в главе «Новые друзья». А о том, какие нестандартные и даже весьма удивительные истории происходили со Свечкиными в столице, я, может быть, как-нибудь соберусь рассказать.

Рогожинский период их жизни, продолжавшийся семь с небольшим лет, был завершен. Время от времени у Петра Петровича возникало желание как-то осмыслить этот странноватый по своему сюжету отрезок их земного пути. Желание тем более понятное для человека верующего и пишущего, каковым Петр Петрович, не будем забывать, являлся. Да и мне тоже иногда хотелось понять, в чем же был для Свечкиных смысл этих семи нелегких, но по-своему ярких лет?

Поэтому совсем не удивительно, что как-то раз, в очередную нашу встречу, я не удержался и задал Петру Петровичу этот вопрос, чисто русский по своей сути (потому что невозможно представить двух французов, например, которые за чашкой кофе задают друг другу

вопросы о смысле жизни). А задав этот вопрос, я понял, что Петр Петрович, похоже, давно уже его ждал и даже как-то к нему готовился.

Но готовился-то готовился, а вот ответа для себя, очевидно, найти не мог. Во всяком случае, ответа простого и однозначного. И потому мы попробовали ответить на этот вопрос вместе, что называется, соборно.

Самые очевидные итоги были, понятное дело, на виду.

Дети прожили семь важнейших для них подростковых лет в более-менее здоровой обстановке. Здоровой и нравственно, и физически (Ванечкины крупы, например, прошли после их переезда буквально через две-три недели и

больше не возвращались).

При этом дети научились быть самостоятельными, узнали, что такая жизнь на земле – жизнь гораздо более естественная и органичная, чем городская.

Впрочем, касалось это не только детей – взрослые Свекины тоже ощутили по-настоящему, что это такое: быть хозяевами и отвечать за всё, что ты имеешь. Впрочем, имеешь – это тоже не совсем точное определение (и они это тоже поняли). Что дано в твоё распоряжение – так, пожалуй, будет более правильно.

К тому же для взрослых Свекиних было настоящим открытием (и об этом Петр Петрович даже не раз говорил мне), что именно на земле человек раскрывается во всей его полноте. Именно на земле поэтому

человеческая личность видна в каждой своей грани. Почему так? Может, причиной – какая-то таинственная сила земли, которая переливается в человека, живущего на ней, и помогает ему вырасти и раскрыться, как помогает она, эта земная сила, вырасти и раскрыться дереву, кусту или листьям травы?

Но были и другие последствия. Давайте, вспомним, от чего семья Свечкиных уехала из столицы. Она уезжала, прежде всего, от мерзости беззакония, которая воцарилась в то время на нашей многострадальной русской почве. От того невыносимого засилья пошлости и вседозволенности, которое, пусть и не на долгое время, но стало господствующей, генеральной линией российской жизни.

Именно в деревне Свечкины и пережили (более или менее благополучно) этот один из самых тяжелых, грозных и грязных периодов в жизни страны. Когда в 2001 году они возвратились в Москву, российская действительность пусть потихоньку, но все же уже разворачивалась на какой-то осмысленный курс. Кто знает, как всё сложилось бы у Свечкиных, останься они в мегаполисе, который раздирало от всеобщего и безграничного беспредела. Как справились бы они со всеми ударами и соблазнами того времени? Как справились бы со всеми этими соблазнами их подрастающие дети?

В общем, все эти жизненные итоги были для нас с Петром Петровичем очевидны и ясны, как они ясны для любого стороннего наблюдателя. И

все же... Неужели это всё?

Мы с моим приятелем задумались. Было общее ощущение, что от нас ускользало что-то важное. А может даже - важнейшее из этих итогов. Но что?..

И тут Петр Петрович поднял на меня пристальный взгляд своих серых внимательных глаз.

- Мне кажется, я понял, - сказал он.
- Ну?..
- Господь нас проверял. Испытывал нас.
- Но зачем испытывал и, главное, в чем? - удивился я.
- Он захотел, чтобы мы отдали всё, что имели тогда и из Его руки приняли то, что Он для нас

приготовил. Он захотел взять у нас нашу старую жизнь - и дать нам другую. Нет, даже не так!.. Он захотел взять у нас чужую жизнь, которую мы считали своей - и дать нам нашу, которую мы пока еще не знали, боялись и считали чужой...

...Я надолго задумался. Эти слова, признаюсь, не только удивили, но и поразили меня. Они были какими-то неожиданными - и в то же время как будто самыми верными и даже необходимыми. Они выводили наш обыденный разговор в какое-то иное измерение - и в то же время давали ощущение той самой настоящей и последней правды.

Разговор этот я вспоминал не раз и не два. Вдруг как будто заново открылось для меня, что наш спектакль жизни отнюдь не исчерпывается перечислением всех

видимых действующих в нем лиц. Что Главное Действующее Лицо, которое является одновременно и Режиссером, и Драматургом, и Художником, и Композитором всегда остается невидимым, но от этого - не менее действующим. И что настоящий смысл не только всей человеческой Истории, но и наших маленьких отдельных человеческих историй мы можем понять, если не будем забывать про Господа, Который открывает нам Свою волю о нашей судьбе - и в то же время дает свободу эту волю исполнять или не исполнять. Дает нам нашу новую жизнь, которую мы можем принять из Его рук. И можем не принять.

...Получается, Свечкины приняли свою новую жизнь из Божьих рук. Получается, они прошли то свое испытание?

И все же странная это история с бегством Свечкиных из столицы в деревню... А уж если попробовать вписать ее в контекст всей жизни семьи - она становится даже еще более удивительной. Но... Но не станет ли она более понятной, если мы всё же впишем ее в контекст? Не станет ли она более осмысленной? Более глубокой и поучительной для всех нас, наконец?

Может, и стоит попробовать когда-нибудь это сделать. Начать, скажем, этак прямо с детства Петруши Свечкина, а то и прямо с его рождения. И идти, идти по жизни, стараясь не упустить никакой важной мелочи, заглядывая, может быть, в самые тайные тайники души нашего героя.

Вот только согласится ли сам герой
открыть перед нами свою душу?..